

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ[®] УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

7

2017
Часть IV

16+

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 7 (141) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 08.03.2017. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

На обложке изображен *Федор Филиппович Конюхов* (родился 12 декабря 1951 года) — путешественник, писатель, художник, священник, яхтсмен, пилот воздушного шара.

Свое первое путешествие Федор Конюхов совершил в 15 лет — переплыл Азовское море на весельной лодке.

Позже он 17 раз пересекал Атлантический океан. С декабря 2013 по май 2014 года он впервые за всю историю переплыл на весельной лодке Тихий океан от континента до континента, не заходя в порты, и без посторонней помощи. На это путешествие у него ушло 160 дней (мировой рекорд). Еще один мировой рекорд был установлен во время кругосветного полета на воздушном шаре: 11 дней, 4 часа и 20 минут.

Федор Конюхов — первый в мире человек, который достиг пяти полюсов Земли:

— Северного географического (трижды);

— Южного географического;

— полюса относительной недоступности в Северном Ледовитом океане;

— Джомолунгмы (полюса высоты);

— мыса Горн (полюса яхтсменов).

Путешественник покорил семь вершин во всех частях света.

Свое видение мира, пережитый опыт и размышления Федор Конюхов описал в 18 книгах и более чем в трех тысячах картин.

Путешествуя более 40 лет, он понял, что во всех его странствиях рядом с ним был Бог, и в 2010 году принял сан священника Украинской Православной Церкви.

*Екатерина Осянина,
ответственный редактор*

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Баева М. А., Палий О. И.**
Актуальные проблемы умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества..... 319
- Балденкова Н. Г., Наруцкая Н. В.**
Гражданский брак, фактический брак, сожительство: соотношение понятий 322
- Bolshakova D. С.**
Council of Australian governments in Australian federalism 324
- Галяутдинов Д. Р.**
Неотъемлемость презумпции невиновности в современном судопроизводстве..... 328
- Данилюк И. А., Музалевская А. В., Чикалов А. А.**
Некоторый международный опыт противодействия воинской преступности..... 330
- Данилюк И. А., Музалевская А. В., Чикалов А. А.**
Конституционный принцип ориентации правового статуса личности на общепризнанные международно-правовые стандарты в области прав человека 332
- Данилюк И. А., Музалевская А. В., Чикалов А. А.**
Есть ли будущее у медиации в России? 335
- Данилюк И. А., Чикалов А. А., Музалевская А. В.**
Конституционный принцип сочетания личных и общественных интересов.....337
- Дорошенко М. Н., Казарин Д. М.**
Международно-правовое регулирование деятельности СМИ в условиях информационных войн 339
- Дятлова Е. В., Юсупов Т. З.**
Правовое регулирование особых экономических зон как инструмента развития экономики Российской Федерации 342
- Ефимова А. А., Скобина Е. А.**
К вопросу о происхождении прокуратуры в России 345
- Килабов М. М.**
Виды юридических лиц и их особенности347
- Килабов М. М.**
Юридические лица, понятие и особенности их признаков 350
- Килабов М. М.**
Общая характеристика договора купли-продажи 352
- Килабов М. М.**
Договор купли-продажи, его виды и их общая характеристика..... 355
- Колесникова К. О.**
Понятие и особенности предпринимательского договора на основе анализа законодательства Российской Федерации357
- Москвитина А. О.**
Правовая природа товарного знака как средства индивидуализации результатов деятельности хозяйствующих субъектов..... 358
- Одинцова М. А.**
Особенности применения антикоррупционной экспертизы.....361
- Одинцова М. А.**
Организация и проведение антикоррупционной экспертизы государственными органами Республики Коми 363
- Скоробогатов В. В.**
Теория разделения властей в учениях отечественных авторов 365
- Уляшов А. А.**
Особенности криминологических показателей экологической преступности 368
- Феклистова Д. П.**
История зарождения и становления института государственных закупок в России 371

Феклистова Д. П.

Сравнительный анализ европейской, американской и российской моделей становления института государственных закупок.....373

Хертек А. О.

Предупреждение пенитенциарной преступности средствами прокурорского надзора 375

Холкина Ю. А., Крипакова А. В.

Арктическая стратегия Республики Корея377

Юголайнина Е. О.

Дискуссионные вопросы привлечения кредитных организаций к ответственности за нарушения банковского законодательства 379

ИСТОРИЯ

Ковригин М. С., Шебалков С. Ю., Анфалов Е. В.

Применение и тактика боевых действий военно-транспортной авиации в годы Второй мировой войны 382

Kozhukhar A. I.

Dialogue of cultures at the card table. Study of social and cultural history of playing cards in Asia, Europe and Russia 386

Нитаев Я. В., Шарипов А. Р., Анфалов Е. В.

Уроки применения авиации в пятидневной войне 2008 года..... 396

ПОЛИТОЛОГИЯ

Гахраманов С. А.

Этнический бизнес, диаспоры и государство: к вопросу о взаимоотношениях в современной России401

Гурин Д. Р.

История функционирования PR-служб в системе государственного управления финно-угорских стран..... 403

Тонких В. А., Лытнева Н. А.

Россия — США: новая страница сотрудничества 406

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Актуальные проблемы умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества

Баева Мария Александровна, магистрант;

Палий Олег Игоревич, магистрант

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В статье рассматриваются актуальные проблемы умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества в нормах уголовного права, как в теории, так и на практике. Авторами приводятся предложения по реформированию данного института.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное дело, уничтожение имущества, повреждение имущества, чужое имущество, умышленное уничтожение или повреждение, уголовно-правовые нормы.

The article covers the relevant problem of intentional destruction or damage of property in the criminal law, both in theory and in practice. The authors provide suggestions for reform of this institution.

Keywords: criminal law, criminal proceedings, the destruction of property, damage to property, other people's property, intentional destruction or damage of the criminal law.

Согласно части 1 статьи 35 Конституции Российской Федерации право частной собственности охраняется законом [1]. Однако на сегодняшний день собственность нуждается во все большей защите со стороны государства, поскольку в последнее время возрастает количество преступных посягательств на нее со стороны криминального элемента. В связи с этим, на государство возлагаются обязанности по обеспечению должной законодательной охраны собственности, назначения достаточно сурового наказания лицам, посягающим на чужое имущество, в том числе, с правом полного возмещения причиненного преступными действиями виновных лиц материального ущерба.

В уголовном праве содержится норма, устанавливающая ответственность за умышленное уничтожение или повреждение имущества (статья 167 Уголовного кодекса РФ) [2]. В отличие от хищений, данный состав преступления никоим образом не связан с незаконным обогащением виновных лиц, в то же время, от этого его общественная опасность весьма значительна. Так как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества причиняет ущерб не только отношения собственности, но гражданам, государственным и муниципальным служащим, организациям, которые вследствие этого утрачивают способность использовать данное имущество по прямому назначению [9, с. 85–93].

Следует отметить, что умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества является более опасным преступлением по сравнению с хищением, это связано, прежде всего, с тем, что из оборота экономики и потребления общества изымаются на определенный период либо

безвозвратно имущество. С точки зрения такого подхода, правовая значимость уничтожения или повреждения чужого имущества должна иметь более укрепленную защиту со стороны государства, очевидно, что наказание за данное преступное деяние в отечественном уголовном законодательстве установлено недостаточно строго. В ряде зарубежных государств за подобные преступления предусмотрено более строгое наказание.

Проанализировав норму статьи 167 УК РФ, можно отметить, что ответственность за умышленное уничтожение или повреждение имущества наступает в случае, если эти деяния повлекли за собой причинение значительного ущерба.

Что же касается определения значительного ущерба, то согласно п.6 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 5 июня 2002 года № 14 при решении вопроса о том, причинен ли значительный ущерб собственнику или иному владельцу имущества, следует исходить из стоимости уничтоженного имущества или стоимости восстановления поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, к примеру, в зависимости от рода его деятельности и материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица, являвшегося собственником или иным владельцем уничтоженного или поврежденного имущества [4]. При этом учитывается только реальный ущерб, исключая упущенную выгоду. Да и сам значительный ущерб является категорией оценочной. Но для юридических лиц минимальный размер ущерба законодательно не определен, что не соответствует едино-

образному применению уголовно-правовых норм на всей территории Российской Федерации.

В то же время, в соответствии с п. 2 примечания ст. 158 УК РФ значительный ущерб гражданину определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее пяти тысяч рублей [2].

Так, в случае причинения не значительного ущерба, виновное лицо подлежит ответственности по ст. 7.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, который определяет, что «Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти действия не повлекли причинение значительного ущерба, — влечет наложение административного штрафа в размере от трехсот до пятисот рублей» [3].

Рассматриваемая статья не содержит каких-либо определений или пояснений относительно терминов «уничтожение» и «повреждение» чужого имущества.

В. М. Лебедев отмечает, что под уничтожением следует понимать — приведение предмета преступного посягательства в полную негодность, а под повреждением — причинение предмету такого повреждения, наличие которого не исключает его ремонта [8].

Немаловажной проблемой при квалификации данного преступного деяния, на которую хотелось бы обратить внимание, является разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 167, 168 УК РФ, со смежными составами преступлений.

Наиболее сложными для разграничения составами являются хулиганство (ст. 213 УК РФ) и вандализм (ст. 214 УК РФ), поскольку ч.2 ст. 167 УК РФ содержит указание квалифицирующий признак «из хулиганских побуждений».

По признакам объекта и предмета преступления, а также по способу совершения преступления вандализм схож с умышленным уничтожением или повреждением чужого имущества и хулиганством. Однако от умышленного уничтожения или повреждения имущества вандализм отличают по основному объекту преступления и по признаку предмета преступного посягательства, предметом преступления ст. 214 УК РФ выступают здания, строения, сооружения, имущество на общественном транспорте или в иных общественных местах в случае их порчи. Но на практике разграничение данных составов вызывают у правоприменителя затруднения.

В соответствии с п.14 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 45 от 15.11.2007 г. Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные из хулиганских побуждений и повлекшие причинение значительного ущерба, следует квалифицировать по ч.2 ст. 167 УК РФ без совокупности со ст. 213 УК РФ [5].

Однако в случаях, если лицо, помимо умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества из хулиганских побуждений, совершает иные умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок, выражающие явное неуважение к обществу (например, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия

в отношении физического лица), содеянное следует квалифицировать по части 2 статьи 167 УК РФ и соответствующей части статьи 213 УК РФ.

Если же умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенное из хулиганских побуждений, не причинило значительного ущерба потерпевшему, то деяние следует квалифицировать по ст. 213 УК РФ, без совокупности со ст. 167 УК РФ [6, с. 181–183].

Так группа лиц, которая действовала по предварительному сговору, ворвалась в ночной клуб «Лондон» в г. Тюмени и с помощью ломов и бейсбольных бит, нанесла утраты по стеклам и стенам помещения службы охраны ночного клуба, в результате чего их разбили, чем причинили имущественный вред на общую сумму около 4600 рублей. В данной приводимой ситуации виновные были осуждены по ч.2 ст. 213 УК РФ [7, с. 9–16].

Возникает вопрос, если же было совершено умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества из хулиганских побуждений, но не причинило значительного ущерба, в каких случаях данное преступное деяние следует квалифицировать по ст. 213 УК РФ («Хулиганство»), а в каких — по ст. 7.17 КоАП РФ («Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества»)?! На данный вопрос закон никаких разъяснений не дает.

Согласно п. 6 Постановления Пленума ВС РФ № 14 от 5 июня 2002 г. умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенное из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом, влечет уголовную ответственность по части второй статьи 167 УК РФ только в случае реального причинения потерпевшему значительного ущерба [4].

Важно отметить, что если в результате указанных действий предусмотренные законом последствия не наступили по причинам, не зависящим от воли виновного, то содеянное при наличии у него умысла на причинение значительного ущерба должно рассматриваться как покушение на умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ч.3 ст. 30 и ч.2 ст. 167 УК РФ) [2].

Умышленное уничтожение или повреждение отдельных предметов с применением огня в условиях, исключаящих его распространение на другие объекты и возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, а также чужому имуществу, надлежит квалифицировать по части 1 статьи 167 УК РФ, если потерпевшему причинен значительный ущерб.

Несмотря на предусмотренную законом ответственность и широкую практику применения рассматриваемой нормы права, материалы практики свидетельствуют о том, что закон имеет пробелы, в том числе и проблемы в правоприменении.

Однако следует отметить, что одной из основных актуальных проблем привлечения к ответственности за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества на данный момент является недостаточность ее дифференциации [9, с. 85–93]. Следовало бы дифференцировать

в зависимости от размеров уничтоженного имущества, его особой значимой ценности, мотивов, форм соучастия, которые в свою очередь повышают общественную опасность данного преступления.

Зачастую подобного рода преступления, как показывает практика, совершаются лицами не самостоятельно, а в составе организованных групп. Например, организованные преступные группировки прибегают к угрозам и реальному причинению ущерба имуществу лиц, занимающихся предпринимательской или иной коммерческой деятельностью в целях устранения конкуренции либо понуждения к совершению выгодных для преступников действий. Поэтому целесообразно было бы включить признак **«группой лиц по предварительному сговору или организованной группой лиц»** в качестве квалифицирующего признака.

Норма статьи 167 УК РФ не содержит указания на умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенное в крупном либо особо крупном размере. В п.4 примечания к статье 158 УК РФ содержится понятие крупного и особо крупного размера, применяемого по отношению к статьям главы 21 УК РФ, в том числе, и к рассматриваемому преступному деянию. Так, **крупным размером признается стоимость имущества, превышающего двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным — один миллион рублей.** Поэтому следует указать **«в крупном размере»** и **«в особо крупном размере»** в ч. 2 ст. 167 в предлагаемой редакции в качестве квалифицирующих признаков данного состава преступления.

Еще одним пробелом можно считать, что умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества в некоторых случаях совершаются из корыстных побуждений, и целесообразно было бы включить признак **«из корыстных побуждений»** в состав ч.2 ст. 167 в качестве квалифицирующего признака.

В части третьей предлагаемой редакции статьи 167 УК РФ мы подчеркиваем всю общественную опасность данного деяния, если оно совершается лицом, ранее осужденным за данное преступление (по части первой и второй предложенной редакции).

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 г. (изм. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ от 13.06.1996 г. (ред. от 19.12.2016 г.) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
4. «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (ред. от 18.10.2012) // Российская газета, № 108, 19.06.2002.
5. «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 // Российская газета, № 260, 21.11.2007.

Также считаем необходимым увеличить наказание в виде лишения свободы, по части 2 статьи 167 УК РФ предлагаемой редакции **до 6 лет**, по части 3 — **до 8 лет**.

С учетом всех вышеуказанных изменений и дополнений предлагаем изложить данную статью в следующей редакции:

Статья 167. Умышленное уничтожение или повреждение имущества

1. ...
2. Те же деяния, совершенные:
 - 1) из хулиганских побуждений;
 - 2) из корыстных побуждений;
 - 3) лицом с использованием своего служебного положения;
 - 4) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой лиц;
 - 5) в крупном размере;
 - 6) в особо крупном размере;
 - 7) путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом;
 - 8) повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок до 6 лет.

3. Действия, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные лицом, ранее осужденным за данное преступление, — наказываются штрафом в размере до трёхсот пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трёхсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев, лишением свободы на срок до 8 лет.

С учетом вышеизложенного можно прийти к выводу, что активно обсуждаемые в настоящее время варианты изменения уголовного законодательства касательно ужесточения ответственности за умышленное уничтожение или повреждение имущества объективно назрели, являются своевременными и необходимыми.

6. Дибирова А. О. Проблемы квалификации уничтожения и повреждения чужого имущества и разграничения от смежных составов // Проблемы в Российском законодательстве. 2011. № 3. С. 181–183.
7. Зарубин А. В. Некоторые проблемы квалификации уничтожения и повреждения чужого имущества // Вестник Восточно-сибирского института Министерства внутренних дел России. 2012. № 6. С. 9–16.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации // Под редакцией Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева.
9. Косякова Н. С. Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества и смежные составы преступлений // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2014. № 4 (25). С. 85–93.

Гражданский брак, фактический брак, сожительство: соотношение понятий

Балденкова Наталья Геннадьевна, студент;
Наруцкая Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, зав. кафедрой
Рязанский филиал Московской академии экономики и права

На всем протяжении существования человечества взаимные отношения мужчины и женщины находятся в центре бытия, постепенно семья приобрела качество наивысшей жизненной ценности, люди стали относиться к семье как к источнику взаимной поддержки, духовному началу. Именно в семье люди получают удовлетворение многих значимых потребностей (в рождении и воспитании детей, во взаимной материальной и моральной поддержке и т. п.). Одним из оснований семьи является брак, представляющий собой сложное комплексное социальное явление. Рассматривая брак с правовых позиций, его возможно определить как добровольный союз мужчины и женщины зарегистрированный в органах ЗАГСа. Следует признать, что нередко семья складывается на основе союза мужчины и женщины, которые «не имеют штампа в паспорте», не зарегистрировали свой брак в ЗАГСе, но у них фактически сложилась семья, в которой царит «любовь», «счастье», понимание, взаимное уважение.

Современное общество, следуя принципам свободы, нейтрально относится к парам, проживающим совместно, без регистрации брака в органах ЗАГСа. Виду отсутствия законодательного регламентирования таких отношений, они получают различное определение: сожительство, фактический брак, гражданский брак и т. п. В научной литературе мы можем встретить различные толкования, неопределенность в их формулировках.

Ввиду различного подхода к объекту исследования, в отдельных публикациях имеют место вообще противоположные дефиниции. Так, в аннотации к статье А. А. Реан и Т. В. Андреевой «Психологические проблемы гражданского брака» [5] гражданский брак определяется как незарегистрированный брачный союз (сожительство), а непосредственно в тексте статьи указывается: «в юридическом значении гражданский брак — это брак, оформленный в соответствующих светских органах государственной власти» [5, с. 38]. На наш взгляд, различное определение понятия гражданского брака с психологических и юридических

позиций, имеет право на существование, но целесообразным видится выработка единого подхода к рассматриваемой категории.

Объясняя правовую природу брака ряд исследователей исходят из исторических этапов развития законодательства, регулирующего требования по оформлению брачных отношений. Если ранее требовалось церковное оформление брака, то в современной России юридическое значение придается только браку, зарегистрированному в органах записи актов гражданского состояния. Учитывая факт изменения правовых норм, исходя из исторических реалий И. А. Разума указывает: «Понятие гражданского брака изначально было противопоставлено браку церковному, «венчанному» («таинству»). Отсюда значение «незаконности», присущее понятию «гражданский брак». Абсолютным синонимом ему служит «светский брак». Следовательно, гражданскими являются все зарегистрированные в органах ЗАГС, но не санкционированные церковью браки» [4, с. 11].

Большинство исследователей придерживаются той точки зрения, что гражданский брак — это и есть брак, зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния, при этом не упоминается о наличии или отсутствии «согласия» церкви. И такая позиция близка точке зрения авторов данной статьи, так как в нормах действующего Семейного кодекса РФ четко и ясно предусмотрено, что брак заключается в органах записи актов гражданского состояния, а права и обязанности супругов возникают со дня государственной регистрации заключения брака в органах записи актов гражданского состояния (ст. 10 СК РФ).

На наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения Л. Б. Шнейдер, по мнению которой понятие «гражданский брак» является терминологически неверным, так как именно законный, юридически оформленный брак и есть гражданский, что и фиксирует запись акта гражданского состояния (ЗАГС) [6, с. 75].

Таким образом, совместное проживание мужчины и женщины без регистрации отношений в органах записи

актов гражданского состояния, нельзя характеризовать как гражданский брак. Такие отношения следует именовать как-то иначе, например, фактический брак, сожительство и т. п., формулировка которых также встречается в научной литературе.

О. М. Папа, ссылаясь на социальную энциклопедию, цитирует: «Сожительство, незаконный брак, ненаучное наименование полового союза, не оформленного в соответствии с брачным законодательством». сожительство приравнивает к незаконному браку» [3]. Соглашаясь с формулировкой сожительства как союза, незарегистрированного в соответствии с действующим законодательством, смеем не согласиться с использованием в качестве синонимов понятий «сожительства» и «незаконного брака». Сожительство как таковое не запрещено действующим законодательством, не преследуется законом, брак является добровольным союзом, поэтому использование слова «незаконный» представляется некорректным.

Сожительство нельзя сводить только лишь к половому союзу, так как совместное проживание позволяет удовлетворять и иные потребности людей: в общении, в духовной и материальной поддержке друг друга и т. д. В связи с этим нам близка точка зрения К. М. Остапенко, определяющая сожительство как брак и отграничивающая его от тех форм, из которых оно выливается (пробный брак или альтернатива браку), поскольку оно не противопоставляется официальному браку и не является способом проверки отношений [2, с. 186]. Такое разграничение основано на позиции Хр. Принца и Д. Мэнтинга дифференцирующих добровольные союзы на три категории:

- сожительство в смысле прелюдии к браку («пробный брак»). Как правило, это сожительство имеет недолговременный характер и рассматривается как стадия, предшествующая переходу в официальный зарегистрированный брак;
- сожительство в качестве альтернативы браку. Данное сожительство сопровождается отрицательным отношением к юридически закреплённому браку, необходимости его регистрации;
- сожительство как брак. Данное сожительство отличается длительной и глубокой продолжительностью союза. «Здесь обязательство жениться отпадает само собой ввиду долгого проживания вместе, на первый план выходят стабильность, постоянство; сожительство при этом походит на официальный брак» [2, с. 187].

Соглашаясь с формулировкой длительного, стабильного, всестороннего (духовного и материального) союза мужчины и женщины в качестве «сожительство как брак», следует обратить внимание на несколько негативное отношение в обществе вообще к слову «сожительство». В понимании многих граждан данное понятие ассоциируется с непристойными, легкомысленными отношениями между мужчиной и женщиной. Мы придерживаемся той позиции, согласно которой юридические термины, исполь-

зуемые в государстве, не должны идти в противоречии с менталитетом общества, в связи с чем незарегистрированный союз пары считаем нецелесообразным именовать как сожительство.

Одним из возможно применимых определений рассматриваемого союза, на наш взгляд, является «фактический брак». М. М. Выборнова в своём диссертационном исследовании определяет фактический брак как «незарегистрированный в органах ЗАГС добровольный союз мужчины и женщины, длительно (не менее 2 лет) проживающих совместно и ведущих совместное хозяйство, характеризующийся наличием близких отношений, отсутствием родства и другого фактического или зарегистрированного брака у данных лиц» [1, с. 6]. В процитированном определении впервые предложены признаки фактических брачных отношений, что является существенным вкладом в процесс исследования данного явления, вместе с тем, считаем возможным исключить из перечня признаков длительности не менее двух лет. Действующее российское законодательство никак не соотносит факт брака с его длительностью. Лица, зарегистрировавшие брак в органах ЗАГС, вправе уже на следующий день подать заявление на расторжение брака. Таким образом, брак, зарегистрированный в органах ЗАГС, может быть достаточно кратковременным. Поэтому возникает вопрос: почему в качестве фактического брака мы можем охарактеризовать только длительный союз?

Фактический брак, на наш взгляд, это незарегистрированный в органах ЗАГС добровольный союз мужчины и женщины, ведущих совместное хозяйство, основанный на духовной и материальной поддержке друг друга.

Увеличение в России числа лиц, проживающих совместно, без регистрации брака в ЗАГСе, приводит к необходимости специальной регуляции данных отношений.

В настоящее время фактические брачные отношения регулируются нормами Гражданского кодекса РФ. Отношения между мужчиной и женщиной, состоящих в фактических брачно-семейных отношениях, лишены правового регулирования нормами семейного законодательства, несмотря на то, что все элементы семейных отношений имеют место в полном объеме (за исключением регистрации в органах ЗАГС).

Если право собственности субъектов, состоящих в фактических брачных отношениях, регулируются нормами ГК РФ, то порядок осуществления права собственности супругов, состоящих в зарегистрированном браке, в отношении совместно нажитого имущества регулируется ст. 35 СК РФ, признание имущества собственностью каждого супруга в отдельности регулируется ст. 36 СК РФ, признание имущества каждого из супругов их совместной собственностью регулируется ст. 37 СК РФ, порядок раздела общего имущества супругов — ст. 38 СК РФ.

Признаками фактических брачных отношений, на наш взгляд, являются:

- открытое совместное непрерывное проживание мужчины и женщины длительное время по одному

месту жительства (по одному адресу, независимо от факта регистрации по месту жительства). Отметим, что совместное проживание лиц одного пола вообще нельзя рассматривать как фактические брачные отношения, ввиду законодательного признания в России возможности заключения брака только между мужчиной и женщиной. Естественно, данное утверждение оспоримо при рассмотрении категории «брак» в приложении к странам, где однополовые браки легализованы (Бельгия, Испания, Нидерланды и др.);

- ведение общего хозяйства;
- наличие совместно нажитого имущества.

Дополнительными признаками фактических брачных отношений, наличие которых не обязательно, но они с большей уверенностью позволяют говорить о нали-

чии таких отношений между мужчиной и женщиной, являются:

- наличие совместных детей, подтвержденных свидетельством о рождении после совместной регистрации ребенка в органах ЗАГС;
- смерть одного из супругов при наличии совместно нажитого имущества.

Исходя из рассмотрения таких понятий, как «гражданский брак», «фактический брак» и «сожитительство», считаем возможным характеризовать незарегистрированный союз мужчины и женщины именно фактическим браком, определяя его следующим образом: «фактический брак — это незарегистрированный в органах ЗАГСА добровольный союз мужчины и женщины, ведущих совместное хозяйство, основанный на духовной и материальной поддержке друг друга».

Литература:

1. Выборнова М. М. Фактический брак мужчины и женщины в гражданском и семейном законодательстве и доктрине: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. — 24 с.
2. Остапенко К. М. Сожитительство в поздних возрастах: мотивация перехода в официальный брак // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2014. — № 5. — С. 185–199.
3. Папа О. М. Сожитительства как альтернатива браку // Современные исследования социальных проблем. — 2012. — № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sozhitelstva-kak-alternativa-braku> (дата обращения: 10.02.2017).
4. Разумова И. А. «Гражданский брак»: понятие, статус, исследования // Труды Кольского научного центра РАН. — 2010. — № 2. — С. 9–24.
5. Реан А. А., Андреева Т. В. Психологические проблемы гражданского брака // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2009. — № 5. — С. 36–44.
6. Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений: курс лекций. — М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. — 512 с.

Council of Australian governments in Australian federalism

Bolshakova Daria Constantinovna, postgraduate student
All-Russian state University of justice (Moscow)

Большакова Дарья Константиновна, аспирант
Всероссийский государственный университет юстиции (г. Москва)

The following article invites to take as neak peek into the character and issues of operation of the most disputable body in Australian federalism — the Council of Australian Governments (COAG). It was set up to assist with clarification and division of roles and responsibilities between the Commonwealth and the States and Territories and to ensure sovereignty in their own spheres. Currently it is the main tool for facilitating intergovernmental relations in issues of national significance or in policy spheres where cooperative effort of both federation and its constituent parts is needed, including matters of federalism Though COAG has been showcasing some impressive results with its broad-ranging Reform Agenda, working to produce a White Paper on the Reform of Federation and elaborating intergovernmental agreements, its existence has been am atter of discussion since its establishment. We are going to look into COAG's place in Australian federalism and intergovernmental relations in particular, its current flaws (such as the uncertainty of COAG's legal status, lack of public record, transparency and accountability, suitability of ac hosen form (a conference) for fostering intergovernmental relations) and see if these flaws are sufficient to question the effectiveness of its work in whole and if there are ways to change and improve rather than destroy. The article focuses of practical problems of COAG.

Keywords: Commonwealth of Australia, COAG, intergovernmental relations

The Council of Australian Governments (COAG) is the peak intergovernmental forum in Australia. It was established in 1992 when all governments within Australia agreed to work together to tackle significant issues that are important to as society and nation. Meetings of COAG are attended by the Prime Minister, state Premiers, territory Chief Ministers and the President of the Australian Local Government Association. ALGA's representative attends meetings as a non-voting member. Local government is not formally recognized in the Australian Constitution. This issue has been discussed for decades; in 2013 there was an attempt to carry out the referendum on amending section 96 of the Constitution and entitle the Commonwealth to grant financial help to local government. The timing though was admittedly inappropriate and the predictably unsuccessful referendum could lessen possibility of future referendums or their positive outcomes.

One of the main purposes of COAG's creation was increasing cooperation between governments on matters of national interest. Constitution of the Commonwealth provides that vast spheres of policy can be regulated both by the States and Territories and the Commonwealth with limited legislative powers of the Commonwealth and the right of the States to legislate on any issue. It is clear that constitutional powers of different levels of government widely overlap each other.

Mark Bruerton, Adelaide Law School PhD candidate, examines reasons why COAG exists: "In the absence of a constitutional provision, it is left for the governments to design and participate in their own forum to manage their relationship. Currently, this forum is COAG" [1].

Prior to the establishment of COAG cross-jurisdictional issues and matters of national importance were discussed at ministerial conferences, now there are several ministerial councils instead, which are a part of the COAG's structure. A similar structure has always been necessary as the Australian federalism has some distinctive features, such as:

- 1) a comparatively high degree of shared functions between governments; the Australian Constitution creates a concurrent federal structure, and intergovernmental relations are the key to effective operation;
- 2) a distinctive centralizing trend;
- 3) vertical fiscal imbalance: the states are highly financially dependent on the Commonwealth.

COAG has changed over years, widened and fine-tuned its structure, introduced an ambitious programme of reforms — COAG Reform Agenda, produced a White Paper on the Reform of Federation, worked towards reaching effective agreements in a wide range of policy spheres and yet there is a strong opinion that COAG is a "dysfunctional farce" that should be abandoned. Groups that follow this point of view tend to blame COAG for structural and operational flaws; some even wonder whether the form of a conference is suitable for facilitating cooperative federalism as it exists in Australia. Queensland Ex-Premier Campbell Newman regularly attacked processes going within COAG, but still used its resources to discuss urgent issues [2].

It is curious that COAG, even though it has been criticized along the way, still demonstrates relatively stable existence for over than two decades (and the ritual of state and territory leaders' gatherings exists from the beginning of the federation in Australia). In 2008 Kevin Rudd, ex-Premier of Australia, gave COAG a new life by declaring an era of cooperative federalism, which implies a collective effort of national, state and local governments in resolving common issues, and an intention to "turn COAG into the workhorse of the nation" [3]. Annual assessments of its work prepared by the COAG Reform Council showed mixed picture with good progress in some areas and risk of delay and failure in others.

So, is COAG a necessary evil or a positive good? An insight into current issues of COAG's operation might help to get a clearer picture.

Legal status of COAG.

The first problem that seems to stand out from a theoretical point of view is uncertainty of the legal status of COAG. The Constitution does not contain provisions for establishing COAG; there are also no formal regulation of other kinds, which leaves COAG wholly dependent on the executive will. In fact, all structures for intergovernmental relations in Australia have been developed in an ad hoc manner, but since COAG has national importance it was assumed it needed formal structure for reasons of accountability, transparency and better equipment for reform delivery. It has overgrown the state of occasional meeting platform for leaders and cannot be left to the sole discretion of the Prime Minister. On the other hand institutionalization may lead to inflexibility and slow down the decision-making process. The core idea of creating COAG was facilitation of achieving policy objectives in a joint effort of governments of different levels, and elimination of these two factors — flexibility and speed — would certainly interfere with basic principles of intergovernmental relations, i. e., effectiveness and efficiency.

Australia's experience is not unique, though; there are some other examples of the recognition of the need for intergovernmental cooperation, which has resulted in the development of "summitry" — a policy system based on meetings of leaders of jurisdictions: First Ministers' conferences in Canada, for instance, have similar origin, structure and contents. There are no structures like COAG in the Russian Federation, The United States of America does not have an institutionalized intergovernmental body as well due to diversity and huge territory and prefers to create ad hoc committees and working groups to negotiate on specific issues. There are also some long-lived institutions such as, for instance, the National Governors Association (NGA), where "governors share best practices, speak with a collective voice on national policy and develop innovative solutions that improve state government and support the principles of federalism" [4]. There are several challenges Australia is facing that should be identified and tackled now, rather than in an ad hoc manner. This, as federalism researches believe,

can only be achieved through better formal intergovernmental cooperative institutional mechanisms [5].

Lynsey Blyden has listed four potential ways suggested to formalise COAG [6]:

1. The negotiation of an intergovernmental agreement (IGA) setting out requirements for the governance of COAG;
2. Establishing a complementary legislative regime for COAG;
3. Entrenching COAG in the Constitution;
4. Including reference in the Constitution to cooperative federalism.

Though every suggestion has its advantages and disadvantages, which Kildea and Lynch studied closely in “Entrenching “Cooperative Federalism: Is It Time to Formalise COAG’s Place in the Australian Federation?” [7], it appears that the legislative regime would be a compromise. It will allow defining the legal status of COAG and will remain more flexible compared to the amendments to the Constitution and able to do long-term work to resolve other issues in COAG’s operation and Agenda.

Despite the number of fundamental researches on the problem and remaining concern, in practice there is still no visible movement towards formalizing COAG.

Transparency and accountability.

The second feature of COAG, which it is often blamed for, is lack of transparency.

Each COAG meeting results in a communiqué — a document containing brief information about outcomes of the meeting. Agendas of meetings are not available publicly prior to meetings. Communiqués are the only public records and are often of a declarative type, formulating priorities and general principles and highlighting main steps for further work. For this reason, they are often compared to press releases. For instance, one of the latest communiqués acknowledges the need of “close collaboration in areas of shared responsibility, including competition, tax, innovation, infrastructure, cities and regulation, as well as in health and education” but doesn’t contain a list of measures to proceed with.

The task of following COAG is equally difficult for both experts and non-professionals since there is nothing to base on. Clear information about policy objectives and strategies is necessary to increase understanding of goals of political leaders and reasoning behind them. Besides, the lack of public understanding of the role and operation of COAG seems to have a significant impact to the commitment of the society and willingness of the citizens to participate, and the government does little to explain it.

The accountability principle for the means of intergovernmental relations is formulated as “governments must be subject to appropriate checks and balances to ensure their actions and decisions are scrutinized and justified” [8] and is in close connection with the matter of transparency.

An unknown but large number of intergovernmental agreements presents a certain challenge for accountability;

firstly, many such arrangements affect the accountability of executive governments to their parliaments at both State and Commonwealth levels. Secondly, many such arrangements affect the legal accountability of public decision-makers to courts and other independent review mechanisms.

Cheryl Saunders believes that accountability and transparency are problems in their own right, and if these problems were resolved or ameliorated, the effectiveness of intergovernmental arrangements almost certainly would be enhanced as well; and in the process, the constitutional questions might be avoided [9]. McClintock said since COAG’s role had significantly changed a greater commitment to effective and timely accountability was required. Saunders also gives most obvious examples of problems connected with accountability and transparency:

- intergovernmental character of the bodies makes them fall outside the normal accountability chain and no single parliament has responsibility for them;
- ministerial meetings within COAG are held in camera, available information is limited and off the beaten track of sources about government and law, so it is difficult to “follow policy initiatives that involve a ministerial council process”;
- the accountability of the Commonwealth government to Parliament for intergovernmental and other spending schemes has diminished over time.

Despite these concerns, it seems to be possible to develop approaches to intergovernmental cooperation that would minimize or avoid these difficulties. Saunders states that an essential starting point is to accept accountability and transparency as fundamental principles and consider them in designing all arrangements. In addition, such arrangements must be structured in a way that matches the rest of the system of government as close as possible. Moreover, some measures have been already taken: there was a major structural change in COAG, and a complete list of IGAs. No jurisdiction kept reliable track of intergovernmental agreements, even though they are often a form of soft law, and just 5 years ago there were unified list of IGAs.

Finally, is a conference an appropriate form for fostering intergovernmental relations? Mark Bruerton picked out three conditions to prove that a conference is well-suited form for facilitating cooperative federalism: comprehensive membership, a high level of priority recognition and bi-partisan support and proved that COAG complies with them easily. In his article “Ritualistic masochism or necessary evil? COAG and Australian federalism” released in 2012 Bruerton introduced statistical data proving that each jurisdiction evidenced a high level of priority recognition: leaders of each jurisdiction attended between 87% and 97% of conferences they were invited to attend, the average attendance of the Commonwealth and the states/territories was over 90% and in situations when leaders could not attend, they were inclined to send a representative rather than allow the jurisdiction to go completely unrepresented. Bruerton also notes that since conferences (and COAG) are

set to become a permanent facilitation body for cooperative federalism, it requires commitment from both parties which form government in Australia: the Australian Labour Party and non-labour coalition between the Liberal Party of Australia and the National Party of Australia. Statistics of meetings showed that both parties were in general involved equally [10].

Conclusion.

Most federations have developed their own systems of intergovernmental relations to deal with issues that may arise due to division of powers between different levels of government and inevitable overlap of powers.

Clearly, any federation reform will need the states, territories and Commonwealth to work together to meaningfully address possible pressures and look at structural reforms to ensure services can be delivered in the most efficient way. The need for coordination and cooperation between governments of different levels in a federation is obvious.

COAG is the main Commonwealth-State mechanism for seeking co-operative solutions to difficult national issues that require a national outcome, but involve many State responsibilities under the current constitutional arrangements within the Federation. The COAG is currently dealing with a range of difficult and complex issues, but it remains a platform for finding the best common position among states, territories and the Commonwealth, developing procedures to share and exchange information and identifying the most efficient policy and programmes.

Intergovernmental relations affect almost every aspect of government in Australia. COAG as an informal executive agency with no constitutional or legal status whatsoever plays a significant role in maintaining and managing the distribution of powers and responsibilities in Australia, providing a forum for negotiations between the leaders of the Commonwealth and its constituent parts. The purpose of COAG's existence and its intention is to facilitate coherence in national policy development. The problems of COAG are more than just inner flaws in organization and functioning. They arise from general problems of Australia's federal structure and require cooperative effort in tackling them within and along the whole federalism structure. As Paul McClintok stated in 2012, the weakness of the current model was that this enormous overlap is not matched by any real commitment to strengthen the institutions, which are the foundation of a melded system. In addition, it is crucial to address these weaknesses to achieve real reform across complex issues [11].

The latest Australian Constitutional Values Survey conducted by Newspoll agency for Griffith University in 2014 showed that 92.7% of respondents think that intergovernmental collaboration is a desirable feature of a system of government with different levels. COAG agenda is ambitious, just like it should be, and for COAG to be the most important institution there is still room for improvement, but it seems wise to continue managing interactions between Commonwealth and State governments with its help.

References:

1. Bruerton M. COAG: failing, overburdened and dysfunctional, but the best we have. 2013. The University of Adelaide [Электронный ресурс] URL: <https://blogs.adelaide.edu.au/public-law-rc/2013/04/24/coag-failing-overburdened-and-dysfunctional-but-the-best-we-have/> (дата доступа: 05.02.2017).
2. Premiers Rebel Over Federal Budget Cuts; Demand COAG Meeting Before July 1. 2014. URL: <http://australianpolitics.com/2014/05/18/premiers-rebel-over-budget-cuts.html> (дата доступа: 18.11.2016).
3. Cardwell A. PM—Commitment to reform COAG meeting: transcript of the interview of 20 December, 2007. URL: <http://www.abc.net.au/pm/content/2007/s2124544.html> (дата доступа: 19.11.2016).
4. Mission Statement of The National Governors Association (NGA) [Электронный ресурс] URL: <http://www.nga.org/cms/home.html> (дата доступа: 28.11.2016).
5. Reshaping Australia's Federation: A New Contract for Federal — State Relations. Appx 1. Intergovernmental relations in Federal Systems. Melbourne: Business Council of Australia, 2006. P. 35.
6. Blayden L. Briefing paper COAG. NSW: Parliamentary Research Service, 2013. № 6.
7. Kildea P., Lynch A. Entrenching Cooperative Federalism: Is It Time to Formalise COAG's Place in the Australian Federation? // Federal Law Review. Vol. 39. № 103. 2011.
8. Allen G., Keating A., Saunders S., Williams G. and others. Reshaping Australia's Federation: A New Contract for Federal — State Relations. P. 11.
9. Saunders C. The constitutional, legal and institutional foundations of Australian federalism // Where To For Australian Federalism? ed. Robert Carling. Sydney: Centre for Independent Studies, 2008. P. 152—6.
10. Bruerton M. Ritualistic masochism or necessary evil? COAG and Australian federalism // The University of Adelaide Public Law Blog. 2012. URL: <https://blogs.adelaide.edu.au/public-law-rc/2012/08/02/ritualistic-masochism-or-necessary-evil-coag-and-australian-federalism/>
11. Rethinking Federalism. Australian National University, Crawford School of Public Policy, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://crawford.anu.edu.au/news-events/news/201/rethinking-federalism> (дата доступа: 23.11.2016).

Неотъемлемость презумпции невиновности в современном судопроизводстве

Галяутдинов Дмитрий Радикович, выпускник
МБУ г. Тольятти «Школа № 41»

Любая сфера жизнедеятельности человека, любая функционирующая система, любая научная теория независимо от своей природы или сложности всегда базируется на исходных, руководящих положениях. Причём эти положения не являются случайными или хаотичными, а всегда обусловлены закономерностями существования и развития определенного общества в определенный период времени. Такие исходные, руководящие положения принято именовать принципами.

Принцип презумпции невиновности, вместе с многочисленными гуманитарными аксиомами римского права, был сохранен и донесен до наших времен в каноническом праве (англ. *saop law* — совокупность норм, изданных церковными властями и содержащихся в церковных канонах, то есть в правилах, относящихся к устройству церковных учреждений, взаимоотношениям церкви и государства. Есть мнение, что презумпция невиновности впервые была официально выражена и установлена в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. во время французской буржуазной революции и в 1791 г. включена в Конституцию революционной Франции. В России впервые принцип презумпции невиновности был сформулирован А. Н. Радищевым, а затем идею презумпции невиновности развили декабристы: П. Пестель, Н. Муравьев, Н. Тургенев, С. Трубецкой.

Правовые презумпции, взаимодействуя с иными положениями права и процесса, влияют не только на отдельные правовые институты, как, например, правила о распределении бремени доказывания, но и на все право и процесс в целом. Нередко спрашивают: как совместить несовместимое — презумпцию невиновности и неотвратимость наказания за содеянное? Ответ может быть только один: это — вполне совместимые понятия, ибо неотвратимость наказания может и должна иметь место только тогда, когда в законном порядке доказано, что преступное деяние совершено конкретным лицом, поэтому презумпция невиновности неразрывно связана с доказыванием.

В Юридическом энциклопедическом словаре записано: «Презумпция невиновности (от латинского *praesumptio* — предположение) — в праве положение, согласно которому обвиняемый (подсудимый) считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке.

В словаре Ожегова презумпция определена как «предположение, признаваемое истинным, пока не будет доказано обратное».

В иностранной литературе термин презумпция определяется как:

- 1) предположение, основанное на вероятности;
- 2) юридическое признание факта юридически достоверным, пока не будет доказано обратное».

Термин «презумпция» как «предположение» широко используется на практике, но, как правило, не все предположения могут стать «презумпцией», в научном смысле слова.

Презумпция невиновности выражает не личное отношение какого-либо конкретного человека к обвиняемому, а объективное правовое положение. Государство, общество считают гражданина добросовестным, добропорядочным до тех пор, пока иное не доказано и не установлено законным порядком компетентной судебной властью. Человек, привлеченный в качестве обвиняемого, занимает в обществе положение не преступника. Он лишь обвинен в преступлении. Но он может быть и оправдан судом, или же признан виновным в менее тяжком преступлении, да и обвинительный приговор может быть отменен по его жалобе или жалобе других участников процесса.

Право обвиняемого на защиту может быть в полной мере обеспечено и реализовано лишь при условии соблюдения презумпции невиновности; нарушение права обвиняемого на защиту всегда означает в той или иной мере нарушение презумпции невиновности. И наоборот, нарушение презумпции невиновности неизбежно влечет и означает нарушение права обвиняемого на защиту.

Проблема гарантий прав и свобод личности в судопроизводстве является одной из актуальных и фундаментальных проблем современной правовой теории и практики. Конституция Российской Федерации провозглашает, что права и свободы человека являются высшей ценностью, ограничение их возможно только в установленном законом порядке. Презумпция невиновности определяется многогранностью рассматриваемой проблемы. Данный принцип служит гарантом от преждевременного и необоснованного обращения с человеком как с преступником, он призван защищать права и свободы личности. Соблюдение этого основополагающего гуманистического принципа служит показателем состояния законности в обществе. Отступление от принципа презумпции невиновности ведет к нарушению законности в правосудии и ущемлению прав и законных интересов граждан. Существующие в настоящее время несоблюдения закона, следственные, прокурорские и судебные ошибки в той или иной степени оказываются связанными с нарушением этого принципа. Несмотря на значимость и актуальность темы презумпции невиновности, она по-прежнему вызывает много вопросов, связанных с толкованием и правоприменением данного принципа.

Исследование проблемы принципов уголовного судопроизводства позволяет получить необходимые знания о глубинных сущностных свойствах, образующих прочный фундамент данного вида судопроизводства. В понятийном аппарате отраслевой науки уголовного процесса принципы

имеют значение категорий. В отличие от ординарных и узких понятий, фиксирующих не самые существенные свойства уголовного процесса (повод к возбуждению уголовного дела, реплика и т. д.), эти категории, являясь понятиями предельной общности по объему заключенного в них знания, первичны в рамках научной системы и не производны от иных ее понятий, в том числе от категории «назначение (цель) уголовного судопроизводства» (ст. 6 УПК РФ).

Вызывает возражения концепция, суть которой в том, что принципы не имеют значения исходных начал правовой системы и в иерархии правовых понятий располагаются ниже уровня правовых целей. Объясняется это тем, что именно цели предопределяют характер принципов правовой системы. Однако любая правовая цель нуждается в средствах, которые обеспечивают ее достижение (принципы, правовая система в целом). Цель не ставится, если отсутствуют адекватные средства. В противном случае она оказывается надуманной, нереальной. Следовательно, становление любой правовой системы начинается с определения ее назначения и принципов.

Принципы не проистекают из целей, но определяются одновременно и наряду с ними. И те, и другие — различные по своему назначению и содержанию категории. Это обстоятельство позволяет утверждать, что принципы так же, как и цели, являются изначальными, отправными положениями для формирования правовой системы.

Категория «цель» отвечает на вопрос: на что направлена деятельность, категория «принцип» — на какой основе она должна осуществляться. Между ними существует «горизонтальная» связь. Это значит, что они взаимно выводимы и находятся на одном (самом высшем) уровне в системе правовых понятий. Если одна категория производна от другой, то производная не является категорией и располагается уровнем ниже в иерархии понятий. Категории, в том числе категории принципов, служат основаниями для иных понятий. Развертываясь в соответствующие понятийные ряды, категории выступают в значении исходных, опорных пунктов познания сущности уголовного судопроизводства. Итак, принципы образуют основу уголовного судопроизводства — систему его важнейших и определяющих начал. Из основы выводятся все остальные свойства и отношения. Какова принципиальная основа уголовного процесса — такова его сущность.

Вместе с тем категории принципов уголовного судопроизводства производны от категорий более высокого порядка. Имеются в виду такие общесоциальные, общеправовые категории, как права и свободы человека и гражданина, гражданское общество, правовое государство с разделением властей, независимость судебной власти, верховенство Конституции РФ и федеральных законов и т. д. Так, только в подлинно правовом государстве права человека обеспечиваются по-настоящему независимым и справедливым судом, при соблюдении презумпции невиновности обвиняемого, на основе состязательности и равноправия сторон.

В российской науке уголовного процесса принципы, их система всегда представляли собой актуальную проблему. В наше время эта проблема стала еще более насущной, в том числе вследствие того, что не все нормы о принципах, содержащиеся в новом Уголовно-процессуальном кодексе РФ, полностью согласуются с соответствующими конституционными нормами, а также общепризнанными принципами и нормами международного права.

В перечне принципов, содержащихся в гл. 2 УПК РФ, отсутствует принцип осуществления правосудия компетентным, беспристрастным и справедливым судом, хотя он предусмотрен не только международными актами о правах человека, но также незаслуженно забытой Декларацией прав и свобод человека, принятой Съездом народных депутатов СССР в 1991 г. (ст. 16). В данной главе УПК РФ отсутствуют следующие принципы: презумпция добросовестности (*bona fide*), присущая еще римскому праву, предполагающая отношение к участникам судопроизводства как к лицам, добросовестно исполняющим свои процессуальные обязанности; никто не может быть судьей в собственном деле; конституционный принцип судебной власти — «разбирательство дел во всех судах открытое» (ч. 1 ст. 123 Конституции РФ). Последний необоснованно переведен из числа принципов в разряд общих условий судебного разбирательства под названием «гласность» (ст. 241 УПК РФ) и поставлен в один ряд с такими ординарными общими условиями, как «секретарь судебного заседания», «регламент судебного заседания» и т. д. Такое искусственное понижение уровня данного конституционного установления умаляет его значение как важнейшего способа обеспечения социального контроля за осуществлением правосудия. Именно в этом заключается основное назначение принципа открытости судебного разбирательства, характерного для демократического правового государства.

Обращаясь к рассмотрению ряда принципов, содержащихся в гл. 2 УПК РФ, отметим, что соответствующие нормы вызывают немало замечаний. К примеру, содержание ч. 3 ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу» представляется совершенно недостаточной. В статье отсутствует адекватная интерпретация п. 2 ст. 15 Конституции РФ об обязанности органов государственной власти, должностных лиц и т. д. соблюдать Конституцию и законы. Невозможно также ограничиться указанием на то, что нарушение норм УПК РФ влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств.

Производство по уголовному делу осуществляется в рамках правоотношений, которые предусматривают также ответственность сторон (субъектов правоотношения) за нарушение процессуального закона. В случаях серьезных нарушений закона должностными лицами органов уголовного преследования (отказ задержанному подозреваемому в праве воспользоваться помощью защитника с момента задержания; незаконный обыск в жилище; принуждение участника процесса дать показания с применением угроз,

насилия, издевательств и пытки и т. д.) ответственность виновных лиц должна стать неотвратимой.

Принцип законности детализируется во всех нормах уголовно-процессуального права, распространяет свое действие на всех стадиях уголовного процесса. С ним согласуются все принципы процесса, и не без основания в отдельных научных изданиях он именуется «принципом принципов».

Правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом (ст. 8 УПК РФ). В данной статье УПК РФ фиксирует положение, вытекающее из содержания ч. 1 ст. 118 Конституции РФ. Это положение отражает не только основной признак самого правосудия (государственный орган, его осуществляющий), но прежде всего характер конституционного строя России, в котором государственная власть разделена на законодательную, исполнительную и судебную, что должно исключить возможность подмены одной власти другой, в том числе осуществ-

ление судебной власти каким-либо несудебным органом. Рассматриваемая конституционная норма предупреждает также о недопустимости самосуда над людьми.

Принцип презумпции невиновности является одним из демократических принципов уголовного процесса, на котором строится доказывание по уголовному делу, принятие судебных и следственных решений, словом, все производство по уголовному делу.

Презумпция невиновности имеет то значение, что она является основой, обобщенным выражением тех правовых гарантий, которыми охраняется право обвиняемого на защиту. А из этого явствует взаимосвязь и взаимозависимость права обвиняемого на защиту и презумпции невиновности.

Вышесказанное — это только дополнительное подтверждение того, что презумпция невиновности играет важнейшую роль для цивилизованного, гуманного правосудия, которая служит гарантией, что к уголовной ответственности будет привлечен и осужден только действительно виновный.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.).
2. Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.07.2009).
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. Л. И. Скворцов. — М.: ОНИКС-ЛИТ, Мир и Образование, 2012. — 1376 с.

Некоторый международный опыт противодействия воинской преступности

Данилюк Ирина Александровна, старший преподаватель;
Музалевская Анастасия Викторовна, старший преподаватель;
Чикалов Александр Александрович, старший преподаватель
Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета

С древних времен борьбе с воинской преступностью власть предрешающие всегда уделяли особое внимание. И это не случайно. Исторический опыт показывает, что разрушение государственности, как правило, начинается с развала армии (падения дисциплины, роста уклонений от военной службы, снижения уровня управляемости воинских частей, подразделений и отдельных военнослужащих). Боеготовность войск важна не только как фактор защиты от внешнего врага, она оказывается очень значимым показателем национального здоровья и внутренней устойчивости государства — при разложении армии начинается процесс государственного саморазрушения. Примерами подобной взаимосвязи изобилует мировая история (Древний Рим, Византия) [2, с. 324].

Анализируя причины крушения государств, Аристотель формулирует один из фундаментальных принципов профилактики негативных социальных процессов: «Если нам известны причины, ведущие к гибели государственных устройств, то мы тем самым знаем и причины, обусловли-

вающие их сохранение: противоположные меры производят противоположные действия». Это справедливо и относительно преступности [1, с. 39].

Во многих западных государствах весьма эффективно функционируют службы молодежи, включающие департаменты организации досуга и отдыха, социальной помощи, медико-педагогическую службу и службу опекунов. В некоторых европейских странах возникли оригинальные педагогические службы, состоящие из уличных воспитателей, которые работают по ночам в общественных местах. Немало трудных подростков удалось им удержать от скатывания на криминальный путь. Вооруженные Силы также активно участвуют в этом процессе. Формы подготовки будущих призывников к военной службе могут быть различными: от начальной военной подготовки на уроках в школе до спортивных секций для подростков в войсковых частях и привлечения школьников к военным играм на воинских полигонах.

В зарубежных странах успешно применялось разделение воинских частей на боевые части и хозяйственные.

Боевые части комплектовались из призывников, сдавших экзамен меньшего уровня сложности. Срок службы в таких частях был более длительный (трехгодичный). Части производственно-хозяйственного назначения комплектовались лицами, не сдавшими призывного экзамена, а также лицами, переведенными из боевых частей как несоответствующие по физическим и нравственным качествам требованиям, предъявляемым к военнослужащим боевых частей. Срок службы в таких частях — четыре года [3, с. 31].

Такая градация позволяла без серьезных материальных затрат избавиться от ряда проблем, которые общество и армия безуспешно пытались решить многие годы. Боевые части занимались лишь тем, чем положено заниматься воинам. Автоматически устранялся наиболее криминогенный фактор военной службы — отвлечение военнослужащих от боевой подготовки на хозяйственные работы.

То есть, главным стимулом в такой системе оказывались не материальные, а организационные — структурирование сроков службы. Чем лучше служишь, тем короче срок. Этот принцип с успехом практиковался в ряде стран мира. Например, в бывшей армии ГДР перед увольнением в запас военнослужащий срочной службы сдавал экзамен. Если экзамен был успешным — домой, если солдат недостаточно освоил воинскую специальность — служба продлевалась на полгода. В армии Кубы досрочно увольняют в запас солдата, заслужившего сто поощрений. Это достаточно экономичный механизм стимулирования добросовестного отношения к службе [4, с. 68].

Яркий пример зарубежного опыта борьбы с воинской преступностью это борьба с данной категорией в США [5, с. 213].

В послевоенные годы количество различного рода преступлений в вооруженных силах США, несмотря на довольно жесткие административные меры, неуклонно возрастало. Так, число тяжких уголовных преступлений, за период с 1960 по 1971 год увеличилось почти вдвое. В 1972 году только военнослужащие сухопутных войск США совершили 40610 различных уголовных преступлений. В 1974 году были отстранены от своих обязанностей за употребление наркотиков и алкоголя 3647 военнослужащих, имевших доступ к ядерному оружию. Казалось, остановить негативные тенденции уже невозможно.

В июле 1973 года конгресс США принял закон о переходе на добровольный принцип комплектования вооруженных сил. Следует подчеркнуть, что тщательно разработанная комплексная программа предусматривала при этом значительное расширение жилищного строительства для военнослужащих, улучшение их социально-бытовых условий, обустройство военных городков, заботу о семьях, заметное увеличение денежного содержания. Все желающие получили возможность получить гражданские специальности во время службы [6, с. 106].

Законодатели в конгрессе хорошо понимали, что бесправие и социальная незащищенность военнослужащих

подводили их к опасной черте, делали более агрессивными, вели к хроническому росту преступности.

И, тем не менее, на начальном этапе формирования профессиональной армии американское командование столкнулось с большими трудностями. Неотработанность нормативных документов, регулирующих набор молодежи, отсутствие опыта работы с добровольцами, а также глубоко продуманной системы морального и материального стимулирования военнослужащих негативно сказывались на качестве контингента, изъявлявшего желание служить в армии.

Однако постепенно высокий уровень материального стимулирования позволил американскому военному руководству не только успешно решить задачу по комплектованию современных вооруженных сил на добровольной основе, но и добиться к настоящему времени улучшения воинской дисциплины и устойчивой тенденции к снижению преступности. Как свидетельствует официальная статистика, если в 2010 году во всех вооруженных силах США было проведено 38927 уголовных расследований, то в 2012 году — 35435 [6, с. 107].

В ходе борьбы с наркоманией среди военнослужащих США, военное командование приняло самые жесткие меры. В армии развернули активную кампанию по борьбе с наркоманией. В ход были пущены и сила пропагандистской машины, и медицинские средства, и меры административного воздействия. В результате, по официальным данным, доля военнослужащих, употребляющих наркотические средства, сократилась в 2007 году с 17 до 9 процентов, а в настоящее время она не превышает трех процентов. Причем эффективными оказались не столько пропагандистские и медицинские меры, сколько административные — прежде всего, увольнение из армии.

Проблема с неуставными взаимоотношениями в США также нашла свое решение. В каждой части есть специально подготовленный офицер, который непосредственно занимается подобными происшествиями. Это позволяет оперативно выявлять причины неуставных взаимоотношений, устранять их и наказывать виновных [4, с. 81].

Число таких правонарушений, как неповиновение командирам и начальникам и уклонение от исполнения служебных обязанностей год от года снижается. Одна из причин в том, что в американских вооруженных силах высокая дисциплина основывается, прежде всего, на административно — правовых методах, а не на осознании военнослужащим своего долга. Но такой подход определяется отнюдь не принципом комплектования армии. Дисциплинарная практика в армии США ориентирована главным образом на методы принуждения.

Анализируя ситуацию в вооруженных силах США, эксперты делают вывод, что при переходе к профессиональной армии высокие денежные оклады и перспективы хорошей пенсии привели к определенным сдвигам в лучшую сторону. Этому же в немалой степени способствовали развернутая в стране пропаганда престижности службы в во-

оруженных силах, а также повышение авторитета военнослужащих, как среди населения, так и у руководства страны [4, с. 85].

Вся система судебных и административных мер применяемых к военнослужащим, направлена на формирование исполнительного солдата, способного безукоснительно выполнять приказы и распоряжения командира.

Конечно, это далеко не означает, что существующая практика укрепления воинской дисциплины, правопорядка и борьбы с преступностью в вооруженных силах США строится только на наказаниях. Да, они играют не последнюю роль в наведении должного порядка. Вместе с тем в армии

проводится многоплановая воспитательная работа, военнослужащего убеждают в необходимости соблюдать высокую воинскую дисциплину, не допускать правонарушений, и, в первую очередь, тяжких преступлений.

Следует отметить, что в последнее время военно-политическое руководство Соединенных Штатов особенно активно стремится либерализовать дисциплинарную практику. Речь идет о постепенной замене методов принуждения, основанных лишь на страхе перед неотвратимостью наказания, выработкой у военнослужащих прочных мотивационных установок на строгое соблюдение уставных требований [4, с. 78].

Литература:

1. Аристотель. Политика / Аристотель. Сочинения: в 4 т. — Т. 4. — М.: Мысль, 1983. — 129 с.
2. Голицын Н. С. Всеобщая военная история древних времен / Н. С. Голицын. в 4 т. Т. 1 — СПб.: Тип А. Траншеля, 1872. — 534 с.
3. Герцензон А. А. К изучению воинской преступности и преступности военного времени в буржуазных государствах / А. А. Герцензон. — М.: Ученые записки ВИЮН, 1945. — 41 с.
4. Карпец И. И. Международная преступность / И. И. Карпец. — М.: Наука, 1988. — 112 с.
5. Кларк Р. Преступность в США / Р. Кларк. — М.: Прогресс, 1975. — 424 с.
6. Номоконов, В. А. Парадигмы криминологии / В. А. Номоконов // Правоведение. — 2013. — № 3. — С. 106–110.

Конституционный принцип ориентации правового статуса личности на общепризнанные международно-правовые стандарты в области прав человека

Данилюк Ирина Александровна, старший преподаватель;
Музалевская Анастасия Викторовна, старший преподаватель;
Чикалов Александр Александрович, старший преподаватель
Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета

Сопоставление международных документов и национального конституционного законодательства позволяет увидеть, насколько полно последнее отражает основные права и свободы человека и гражданина, признанные мировым сообществом. На этой базе можно сформулировать конституционный принцип правового статуса личности в Российской Федерации: принцип ориентации правового статуса личности на общепризнанные международно-правовые стандарты в области прав человека. Этот принцип отражен в ч. 1 ст. 17 Конституции РФ: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ», а также в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Включение общепризнанных принципов и норм международного права в правовую систему России (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) означает, помимо прочего, действие в ней международных стандартов в формулировании и обеспечении действия прав и свобод человека и гражданина [1, с. 17]. Если при защите прав и свобод обнаруживается, что внутреннее законодательство недостаточно служит этой цели, а в международных договорах, подписанных Российской Федерацией, есть более действенные средства, они применяются к соответствующим общественным отношениям. Разумеется, желательно отразить необходимые нормы и правила во внутреннем законодательстве, чтобы не создавать проблем правоприменения у граждан, суда, должностных лиц.

Конституция РФ иначе, чем это было в ранее действовавшем законодательстве, решает проблему соотношения правовой системы Российской Федерации и общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: они являются составной частью правовой системы России.

Конституция РФ, развивая отечественный опыт взаимодействия национального и международного права и учитывая практику конституционного регулирования других государств, преодолела многие препятствия к открытости внутреннего правопорядка для норм международного права. В данном контексте весьма примечательны многие положения преамбулы Конституции РФ, в том числе об осознании многонациональным народом Российской Федерации себя частью мирового сообщества, уважении к общепризнанным принципам равноправия и самоопределения народов, утверждении прав и свобод человека и гражданина как свидетельства ясного понимания объективного характера региональных, континентальных и планетарных интеграционных процессов и ориентации Российского государства на участие в них.

В развитие положений преамбулы ч. 4 ст. 15 Конституции РФ устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Словосочетание «общепризнанные принципы и нормы международного права» содержится также в ст. 17, 63 и 69 Конституции РФ.

Отсюда, однако, не следует, что Конституция РФ воспроизвела так называемую монистическую теорию соотношения отечественного правопорядка и международного права, согласно которой они образуют единую систему. Напротив, в самом тексте ч. 4 ст. 15 отчетливо просматривается признание международного и внутригосударственного права двумя различными правовыми системами, что имеет под собой глубокие основания. В частности, международное право отличается от внутригосударственного права по объему регулирования, субъектам, процессам создания и источникам, гарантиям соблюдения и продолжает оставаться в основном межгосударственным правом. Что же касается Конституции, она устанавливает механизм их согласования и взаимодействия. Такое согласование и взаимодействие осуществляется в структуре национального правопорядка, в конституционных и отраслевых правоотношениях, а также в правоприменении, следовательно, функционально возложено не только на законодательную и исполнительную власть, но и на правосудие [2, с. 21].

Таким образом, нормативное содержание положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ значительно богаче и не столь линейно, как это нередко интерпретируется. Во-первых, указанные положения представляют собой общую трансформацию общепризнанных принципов и норм международного права в качестве обязательных для субъектов российского права. Эти принципы и нормы в силу их опосредования Конституцией и прямого конституционного веления непосредственно обязывают законодателя, исполнительную власть и правосудие, ориентируют их, определяют пределы дискреции и устанавливают определенные запреты. При этом на федеральном законода-

теле также лежит обязанность по установлению санкций за нарушение указанных принципов и норм, реципированных Основным Законом, субъектами внутригосударственного права.

Во-вторых, общепризнанные принципы и нормы международного права Основным Законом содержательно сопрягаются с учредительной функцией Конституции, которой учреждена Российская Федерация, легитимируемая не только волей единой государственной гражданской нации России, но и получившими всеобщее признание в современном мире началами организации и функционирования межгосударственной системы (преамбула); составляют интегральную часть правовой системы России (ч. 4 ст. 15); являются критерием, которым руководствуется Российское государство, признавая, т. е. определяя, круг, объем и пределы, и гарантируя, т. е. юридически, организационно и материально обеспечивая, права и свободы человека и гражданина (ст. 17); устанавливают пределы усмотрения Российской Федерации при предоставлении убежища политическим эмигрантам (ч. 1 и 2 ст. 63); наконец, составляют основу конституционного статуса коренных малочисленных народов и обязывают Российское государство гарантировать этот статус на уровне не ниже, чем это предусмотрено указанными принципами и нормами (ст. 69).

В-третьих, Конституция РФ раскрывает основные признаки указанных принципов и норм, в том числе императивность содержащихся в них велений как проистекающих из воли народа как конституционного законодателя («Мы, многонациональный народ Российской Федерации..., исходя из общепризнанных принципов»), универсальность в смысле всеобщего признания, что выражается в самом их обозначении в качестве общепризнанных, юридическую обязательность для субъектов российского права, поскольку эти принципы и нормы входят в правовую систему России. С этой точки зрения нет ничего абсурдного в утверждении, что юридически обязательными для России являются только те нормы международного права, в отношении которых она выразила согласие на обязательность их для себя. Именно так, если при этом не игнорировать, одновременно вводя в заблуждение правоприменение, сущность международного права и его согласительную природу. Норма международного права — договорная или обычная — обретает характер общепризнанной лишь при условии согласия государства как суверенного участника международных отношений и основного субъекта международного права с данной нормой и признания ее юридически обязательной для себя.

В-четвертых, Конституция РФ, не устанавливая общий примат международно-правовых принципов и норм над внутригосударственным правопорядком, закрепляет приоритет международного договора РФ в применении, если и поскольку между ним и нормой национального закона возникла коллизия. Это означает, что нормы закона, предусматривающие иные правила, чем установленные договором, сохраняют свою юридическую силу, но не при-

меняются при разрешении дел, касающихся государства, также участвующего в соответствующем договоре.

В-пятых, Конституция различает понятия действия договора, и в этом случае речь идет об обязывающей силе договора для государства в целом или в лице соответствующих органов, например, об обязанности законодателя или иного нормодателя России, и применения. Отсюда — разграничение самоисполнимых и самоисполнимых договоров, с одной стороны, и пределы приоритета международного договора в применении в случае его коллизии с национальным правопорядком. В частности, Конституция в иерархии правовой системы занимает доминирующее положение и в случае коллизии с ней норм международного договора в силу ч. 1 ст. 15 всегда обладает безусловным верховенством; преимущественно в применении обладают только ратифицированные федеральным законодателем международные договоры, что же касается межправительственных или межведомственных соглашений — они таким преимуществом по отношению к национальному закону не обладают, что вытекает из взаимосвязанных положений ст. 10, 71, 86, 90, 105–107, 113, 114, 125 Конституции РФ и др.

В-шестых, из системного единства Конституции и права России в целом следует, что общепризнанные принципы и нормы международного права также образуют системное единство, что требует учета их взаимосвязанности. Указанные принципы и нормы в равной мере императивны, и каждый из них должен рассматриваться в контексте всех других принципов, что, в частности, исключает их оценку в качестве противоречащих друг другу или вступающих в противоречие с Основным Законом. Последнее особенно часто наблюдается при сопоставлении принципов самоопределения народов и политического единства и территориальной целостности государств.

В-седьмых, Конституция, различая общепризнанные принципы и общепризнанные нормы международного права, не содержит определения понятия этих принципов и норм, как не называет и их источников. В ней нет также прямых указаний на методы их выявления и способы установления содержания, что само по себе предполагает достаточно широкую дискрецию федерального законодателя, главы государства, правительства, других органов исполнительной власти РФ. В связи с этим существенно возрастает и роль судов РФ, особенно высших [3, с. 75].

В частности, в постановлении Пленума ВС РФ от 10.10.2003 N 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» впервые в отечественной юридической практике дано легальное определение понятия общепризнанных принципов международного права как основополагающих императивных норм международного права, принимаемых и признаваемых международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. Тем самым Верховный Суд РФ указал на главные конститутивные при-

знаки общепризнанных принципов международного права, в числе которых — основополагающий характер, императивность содержащихся в них велений и всеобщность признания в качестве таковых.

В отличие от общепризнанных принципов под общепризнанными нормами международного права Верховным Судом РФ понимаются правила поведения, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательных. Верховный Суд РФ не провел, таким образом, между ними контрастной грани: общепризнанные принципы международного права суть его нормы, в свою очередь указанные нормы — договорные или обычные — закрепляют соответствующие принципы, признаваемые государством обязательными для него. Иными словами, общепризнанный принцип — всегда норма, но далеко не всякая норма есть принцип. В постановлении по делу о делимитации морской границы в районе залива Мэн (Канада против США, 1984 г.) Международный суд ООН отметил, что применение в сочетании отчасти совпадающих по значению терминов «норма» и «принцип» передает одну и ту же идею... принципы включают в себя нормы международного права, а употребление термина «принципы» обосновано их более общей и фундаментальной природой.

К правовой системе РФ отнесены и международные договоры, а именно те договоры, в отношении которых она выразила согласие на их обязательность и которые вступили для нее в силу, договоры, к которым она присоединилась, а также договоры, в отношении которых она стала продолжателем или правопреемником Союза ССР. При этом международные договоры имеют преимущество перед законами в применении: если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Представляется, что термин «закон» в данном случае требует расширительного толкования: если международный договор обладает преимуществом перед законом, то тем более — перед иными нормативными правовыми актами. Речь идет как о федеральных законах, так и о законах субъектов РФ. При этом, однако, федеральные органы государственной власти не должны заключать договоры по вопросам, которые находятся в исключительном ведении субъектов РФ.

Положения Конституции РФ, закрепляющие приоритетность общепризнанных принципов и норм международного права, а равно и международных договоров Российской Федерации перед нормами национального права требуют повышения ответственности и взвешенности решений правоприменительных органов. Следовательно, процедура подготовки и заключения договоров, а так же выражение согласия на участие в уже действующих, подразумевает усиление контроля на предмет не допустимости включения в них правовых положений, вступающих в противоречие с конституционными нормами. Решение проблемы можно найти в предоставлении возможности

Конституционному Суду РФ выступать с инициативной интерпретацией положений Конституции РФ. Не менее значим контроль со стороны Министерства юстиции РФ при заключении межведомственных соглашений [4, с. 17].

С целью повышения оперативности в регулировании отношений на основе норм международных договоров целесообразно осуществлять опубликование официальных сообщений Министерства иностранных дел РФ о вступлении в действие международных договоров в порядке, предусмо-

тренном Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации».

Современный уровень развития правовой науки позволяет поставить вопрос о необходимости скорректировать общую теорию права, основываясь на общем системно-социологическом правовом подходе к международному и внутригосударственному праву. На основе имеющихся научных данных создать общую теорию для национального и международного права.

Литература:

1. Амирова, М. А. Понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права» в целях применения для защиты прав человека в Российской Федерации / М. А. Амирова // Международное публичное и частное право. — 2006. — № 4. — С. 16–24.
2. Кузнецова, О. А. Соотношение понятий общепризнанные принципы и нормы международного права / О. А. Кузнецова // Международное публичное и частное право. — 2009. — № 3. — С. 19–28.
3. Лапина, О. Е. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России: дис... канд. юрид. наук / О. Е. Лапина. — М., 2003. — 149 с.
4. Овсепян, Ж. И. Статус общепризнанных принципов и норм международного права в конституционно-правовой системе России / Ж. И. Овсепян // Конституционное и муниципальное право. — 2011. — № 7. — С. 15–26.

Есть ли будущее у медиации в России?

Данилюк Ирина Александровна, старший преподаватель;
Музалевская Анастасия Викторовна, старший преподаватель;
Чикалов Александр Александрович, старший преподаватель
Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета

Несмотря на то что институт медиации существует в России уже более шести лет, процесс его становления еще далеко не завершен. Для того чтобы этот процесс прошел успешно, необходимо, среди прочего, решить ряд проблем, а именно: сформировать категориальный аппарат данного института и определиться с соотношением отдельных его понятий; изменить действующее законодательство, создающее предпосылки для развития института медиации; четко определить достоинства медиации, как способа урегулирования конфликтов и споров; накопить богатый практический опыт применения механизмов медиации в различных правовых сферах и прежде всего в корпоративных правоотношениях.

Попытки разрешить вышеуказанные проблемы предпринимаются постоянно, однако единообразия в подходах, как на законодательном уровне, так и в юридической науке практически не прослеживается. Приводя примеры подобного, обратимся к категориальному аппарату института медиации, а именно, к понятиям «корпоративный конфликт» и «корпоративный спор». Определение корпоративный конфликт трактуется в правовой науке далеко неоднозначно. По мнению В. К. Андреева и В. А. Лаптева, корпоративный конфликт — это любые противоречия ин-

тересов и (или) нарушения прав участников корпоративных и связанных с ними отношений, вытекающих из членства и управления корпорации. И при этом категория «корпоративный конфликт» как родовое понятие распадается на досудебный (внесудебный) корпоративный конфликт и корпоративный спор. Корпоративный спор, таким образом, является лишь видом корпоративного конфликта [1, с. 5].

Существует и совершенно иной подход к определению понятия корпоративный конфликт. По мнению Д. И. Дедова и А. Е. Молотникова, корпоративный конфликт — это не что иное, как нарушение прав и (или) законных интересов участников и (или) общества в результате совершения неправомерных действий со стороны других участников или лиц, которым предоставлены полномочия осуществлять текущее управление обществом. Таким образом, корпоративные конфликты можно разделить на: корпоративные противоречия, корпоративные захваты и корпоративный шантаж. [3, с. 317] Получается, что при возникновении корпоративного противоречия, корпоративного захвата или корпоративного шантажа появляется почва для корпоративного спора.

Проиллюстрировав неоднозначность подхода при определении категориального аппарата института медиации, пе-

рейдем к несовершенствам действующего законодательства, мешающим развиваться данному институту. В данном случае, речь идет даже не о совершенствовании отдельных правовых норм, а об их комплексе. По мнению В. Баргесяна, медиация в России невозможна без института профессионального представительства [2, с. 18]. Что имеется ввиду?

В настоящее время к представителям в гражданском процессе, законодатель не предъявляет требований, связанных с уровнем их профессиональной подготовки, более того, истец или ответчик часто сам представляет свои интересы, не прибегая к профессиональной помощи. Отсюда низкое качество подготовки к процессу и, как следствие, неоправданное затягивание разрешения правовой ситуации.

Профессиональный представитель, осуществляя качественную подготовку к делу, может еще до процесса нащупать точки соприкосновения между истцом и ответчиком и разрешить спор с привлечением медиатора, а это гораздо меньшие временные и денежные затраты, поскольку дело до суда так и не дойдет. Именно профессиональные представители способны эффективно продвигать институт медиации, а значит, для начала, нужно закрепить профессиональное представительство на законодательном уровне.

Сам медиатор также должен иметь профессиональную подготовку в области спора, кроме того обладать достаточными правовыми знаниями, чтобы этот спор разрешить. Тем не менее, на сегодняшний день в правовой науке продолжается полемика по поводу того, каким должно быть направление профессиональной подготовки медиатора. Ученые и специалисты высказывали разные точки зрения на этот счет: одни полагают, что медиатором может быть лишь судья в отставке с большим практическим опытом, другие считают, что в качестве медиатора должны выступать психологи, специалисты в области конфликтологии, отличающиеся глубоким изучением сути конфликтной ситуации.

Нам думается, что нужно на законодательном уровне определить направление и степень профессиональной подготовки медиатора для того чтобы в перспективе закрепить в сознании людей фигуру медиатора как субъекта, имеющего высокую профессиональную подготовку и тем самым, повысить уровень доверия к нему.

Для продвижения института медиации, лица, участвующие в споре, должны четко представлять, чем эта процедура для них привлекательна и какую несет выгоду по сравнению с судебным способом разрешения спора. На наш взгляд, наиболее очевидными являются следующие преимущества института медиации:

- медиация дает возможность сильно сократить издержки на урегулирование конфликтов, так как стои-

мость третейского и судебного разбирательства, как правило, существенно превышает стоимость процедуры медиации. Кроме того, медиация может осуществляться и на безвозмездной основе (отсутствуют обязательные сборы и пошлины);

- процедура медиации определяется соглашением сторон спора, то есть, в отличие от судебного и третейского разбирательств, обычно урегулированных законодательством или регламентом соответствующего суда, занимает меньше времени, проводится более оперативно. Стороны свободны от соблюдения жестких процессуальных требований, менее формализованы требования к представляемым сторонам доказательствам и т. п. В этой связи спор можно урегулировать намного быстрее;
- процедура медиации позволяет исключить репутационные (имиджевые) риски. Процедура медиации в силу закона является конфиденциальной. В гражданском и арбитражном процессе, напротив, существует принцип гласности, следовательно, любое судебное решение может стать предметом обсуждения;
- процедура медиации носит доверительный характер. Имея возможность не придерживаться строгих процессуальных рамок, стороны спора могут общаться в доверительной обстановке, что помогает сохранить партнерские отношения. Судебное же разбирательство, наоборот, часто приводит к прекращению партнерских отношений, нежеланию сторон сохранять общение в будущем. [1, с. 9]

Чтобы институт медиации процветал мало только выделить его преимущества. Потенциальные участники споров должны осознавать и помнить эти плюсы, чтобы в случаях, предусмотренных законом, в первую очередь, обращаться к медиатору, а не в суд. Для этого потребуются накопить большую практику применения процедур медиации в самых разных областях, а это уже дело времени. Медиация в нашей стране применяется не так давно. Понадобится еще несколько десятилетий, чтобы потребность россиян в подобной форме урегулирования гражданско-правового спора достигла нужного уровня.

Таким образом, в рамках этого исследования мы пришли к выводу о том, что медиация в России развивается небольшими темпами. Для ускорения процесса ее развития необходимо решить целый ряд проблем, но тот факт, что ученые, практики, а главное законодатель вот уже шесть лет не теряют интерес к данному институту, вселяет надежду на то, что этот институт все-таки начнет функционировать в полную силу.

Литература:

1. Акимов, Л. Ю., Ильютченко, Н. В. Медиация в российских компаниях: возможности и перспективы / Л. Ю. Акимов, Н. В. Ильютченко // Вестник арбитражной практики. — 2016. — № 3. — 5–12.
2. Баргесян, В. Х., Что мешает медиации в России / В. Х. Баргесян // эж-Юрист. — 2016. — № 22. — С. 17–23.

3. Корпоративное право: учебник / А. Е. Молотников и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Кнорус, 2015. 915 с.

Конституционный принцип сочетания личных и общественных интересов

Данилюк Ирина Александровна, старший преподаватель;
 Чикалов Александр Александрович, старший преподаватель;
 Музалевская Анастасия Викторовна, старший преподаватель
 Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета

Декларация прав и свобод человека и гражданина, принятая Национальным Собранием Франции 26 августа 1789 г. гласила: «Свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека имеет лишь те границы, которые обеспечивают другим членам общества возможность пользоваться такими же правами». Эта мысль получила воплощение и в ст. 1 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., согласно которой «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

Эта идея составляет суть принципа, закрепленного в ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, и означает, что нельзя пользоваться правами, игнорируя права и законные интересы других людей, общества и государства. В связи с этим весьма убедительной представляется точка зрения В. В. Невинского о том, что к принципам правового положения личности относится принцип сочетания личных и общественных интересов [5, с. 48]. Данный принцип проистекает из известного философского постулата «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Преимущественно он выражается посредством провозглашения конституцией совместных обязанностей индивида и государства в экономической, социальной и политической областях («социальное» и «политическое» соучастие), ограничения прав и свобод человека в целях «общей пользы» (например, изъятие частной собственности за соразмерное вознаграждение и на основании закона в интересах общества), совместных ценностей человека, общества и государства (жизни и здоровья человека, благоприятной окружающей среды и т. п.). Конституция РФ, акцентируя внимание на приоритете интересов личности, все-таки мало содержит положений, прямо указывающих на необходимость сочетания личных и общественных интересов. Очевидно, здесь сыграло роль стремление учредителей конституции преодолеть тотальное «огосударствление» интересов личности в советскую эпоху. Вместе с тем некоторые конституционные положения такого рода можно обнаружить. Например, ч. 2 ст. 15 Конституции РФ предусматривает, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объеди-

нения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Применительно к ч. 2 ст. 15 Конституции следует отметить четыре обстоятельства. Во-первых, закрепляется универсальная для всех субъектов права обязанность соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Она возлагается также на иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории России, и на Российское государство как особое учреждение и особую международную личность.

Во-вторых, требование соблюдения конституционных норм касается не только нормотворческой деятельности государства и его органов, но и всех иных видов их деятельности, в том числе исполнительно-распорядительной и судебной, а также поведения граждан.

В-третьих, понятие «соблюдение», используемое в настоящей статье, шире сложившегося в юриспруденции понимания соблюдения, которое выражается в том, что субъекты права соотносят свое поведение с юридическими запретами. Соблюдение в конституционном смысле характеризуется не только пассивным поведением субъекта, не совершением им запрещаемых конституцией действий. Оно включает также активное поведение субъектов, требуемое конституционной нормой и направленное на достижение ее целей, и в этом смысле совпадает с понятием выполнения конституционных норм.

В-четвертых, в действующей конституции удельный вес запретов как способов регулирования поведения граждан незначителен. Однако запреты широко используются конституцией для нормирования деятельности государства (включая его органы и должностных лиц) как субъекта конституционно-правовых отношений. В этом случае запреты обращены не только к законодателю в смысле запрета издавать те или иные законы и иные нормативные правовые акты, противоречащие конституции, но и к органам исполнительной и судебной власти, любому правоприменителю, обязанному применять закон с соблюдением предусмотренных конституцией условий и с учетом установленной ею иерархии ценностей [6, с. 79].

Ч. 3 ст. 17 Конституции РФ предусматривает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Права и свободы человека — это сфера свободы человека, его свободного

выбора. Но свобода не безгранична. Точно такие же права и свободы имеют и другие члены общества. Человеческое общежитие предполагает согласование интересов и воли при осуществлении прав и свобод каждым индивидом. В этом и состоит цивилизованный характер человеческого общества, его жизнедеятельности и жизнестойкости. Поэтому закон, исходя из необходимости гармонии, сочетания различного рода интересов, может устанавливать пределы тех или иных прав, конкретные их полномочия, ограничения реализуемых свобод в конкретных ситуациях (в условиях, например, объявления военного или чрезвычайного положения). Однако такого рода установления должны иметь конституционную основу и четкое законодательное оформление.

Следует отметить, что Основной закон ФРГ позволяет ограничивать основные права отдельных лиц, которые злоупотребляют свободой печати, свободой преподавания, свободой собраний, тайной переписки, собственностью, правом убежища. Лишение указанных прав и его объем определяются федеральным конституционным судом. В России, как справедливо отмечает Н. В. Витрук, индивидуальное ограничение прав и свобод за злоупотребление ими в принципе возможно, но оно также требует четкого законодательного регулирования, механизма такого индивидуального ограничения [7, с. 69].

В ч. 3 ст. 55 Конституции РФ закреплено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Отдельные ограничения прав и свобод содержатся во многих федеральных законах, в том числе в Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности», Федеральном законе от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и др. Указанные в них ограничения чаще всего выступают как необходимые условия для деятельности правоохранительных органов, призванных охранять права и свободы всех граждан. Такие законы необходимы в интересах большинства граждан. В них определяются пределы прав соответствующих органов и условия применения ими принуждения по отношению к гражданам.

Однако федеральный законодатель может допустить ограничения прав человека не в полном соответствии с требованиями ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. В этом случае необходимо восстановление неоправданно и незаконно ограниченных прав и свобод человека и гражданина. Это входит в компетенцию Конституционного Суда РФ по осуществлению им абстрактного и конкретного нормоконтроля. Практика Конституционного Суда РФ свидетельствует, что допускаются нарушения требования ч. 3 ст. 55 Конституции РФ относительно названных выше условий применения огра-

ничения прав и свобод человека и гражданина. Например, несоответствующим ч. 3 ст. 55 Конституции РФ было признано положение ст. 124 Закона РФ от 20 ноября 1990 г. № 340—1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации» (ныне утратил силу), устанавливавшее приостановление выплаты трудовых пенсий во время лишения пенсионера свободы по приговору суда, так как для этого не было оснований в виде тех ценностей, которые подлежат защите при ограничении прав и свобод человека и гражданина.

Косвенно сочетание личных и общественных интересов находит отражение в положениях о запрете экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч. 2 ст. 34). Такой запрет согласуется с положением ч. 3 ст. 17 Конституции о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Определение публично-правовых начал в регулировании, в частности вопросов конкуренции, является необходимым условием создания цивилизованного рынка.

Часть 2 ст. 34 Конституции конкретизируется и развивается в нормах гражданского законодательства. В п. 1 ст. 10 ГК РФ содержится специальное указание на недопустимость использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребления доминирующим положением на рынке. Основой антимонопольного законодательства является Закон Российской Федерации от 22 марта 1991 г. № 948—1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». За нарушения антимонопольного законодательства может устанавливаться гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность.

Принцип сочетания личных и общественных интересов находит отражение также в положении об условиях принудительного отчуждения имущества для государственных нужд (ч. 3 ст. 35). Лишение лица его имущества возможно только по решению суда. Под лишением следует понимать принудительное прекращение права собственности, т. е. лишение лица права владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом. Термин «решение» в ч. 3 ст. 55 Конституции имеет собирательное значение. Им обозначаются акты судебного органа, изданные как в форме решения по гражданскому делу, так и в форме приговора по уголовному делу.

Исчерпывающий перечень оснований принудительного изъятия у собственника имущества содержится в п. 2 ст. 235 ГК РФ. Принудительное лишение имущества может проводиться вследствие ненадлежащего поведения собственника. К таким случаям относятся обращение взыскания на имущество по обязательствам собственника; отчуждение имущества, которое в силу закона не может принадлежать данному лицу; выкуп бесхозяйственно содержимых культурных ценностей; конфискация (ст. 237, 238, 240, 243 ГК РФ).

Лишение собственника имущества возможно и в силу причин, не зависящих от его поведения. С такими причинами законодатель связывает государственные или муниципальные интересы.

ципальные нужды. Последние не называются в ч. 3 ст. 35. Однако представляется, что в данном случае под государственными нуждами следует понимать государственный или общественный интерес. Поэтому понятием «государственные нужды» в ч. 3 ст. 35 охватываются и нужды муниципальные. Принудительное отчуждение имущества для этих нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. К таким случаям ГК РФ относит: отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием участка, на котором оно находится (ст. 239 ГК); реквизицию (ст. 242 ГК); национализацию (п. 2 ст. 235 ГК). Изъятие имущества по этим основаниям производится возмездно с возмещением собственнику убытков в порядке, установленном ст. 239—243, 306 ГК.

Лицо, имущество которого реквизировано, вправе при прекращении действия обстоятельств, в связи с которыми произведена реквизиция, требовать по суду возврата ему сохранившегося имущества (п. 3 ст. 242 ГК).

Из смысла ст. 35 Конституции РФ вытекает, что любое принудительное изъятие имущества, в том числе и для государственных нужд, может производиться только по решению суда. Можно согласиться с В. В. Лазаревым в том, что это общее правило не учитывает ситуации чрезвычайного характера, когда требуется оперативное принятие соответствующих мер, например, в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер [6, с. 253]. Неслучайно в ст. 242 ГК РФ предусмотрено, что в этих случаях принудительное изъятие у собственника имущества (реквизиция) производится по решению государственных органов.

Вне зависимости от слабого отражения принципа сочетания личных и общественных интересов в Конституции РФ, в действительности, он пронизывает содержание правового статуса личности, содействуя стабильному и динамичному развитию общественных отношений на основе относительной автономности, взаимной ответственности и поддержки личности, общества и государства.

Литература:

1. О Федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. (ред. от 06.07.2016) № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 1. — Ст. 32.
2. Об обороне: Федеральный закон от 31 мая 1996 г. (ред. от 03.07.2016) № 61-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 15. — Ст. 2019.
3. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. (ред. от 06.07.2016) № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 1. — Ст. 16.
4. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 900.
5. Невинский, В. В. Юридическая конструкция правового положения человека и гражданина в Российской Федерации / В. В. Невинский // Личность и государство на рубеже веков: Сб. научн. статей. Барнаул, 2000, 127 с.
6. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. В. Лазарева. М.: Спарк, 2004, 782 с.
7. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008, 448 с.

Международно-правовое регулирование деятельности СМИ в условиях информационных войн

Дорошенко Маргарита Николаевна, кандидат технических наук, доцент
Казарин Даниил Максимович, студент
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В статье рассмотрена проблема международно-правового регулирования деятельности средств массовой информации в условиях ведения «информационных войн» начала XXI века. Приведены научно обоснованные методы повышения юридической ответственности СМИ в этих условиях.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование, средства массовой информации, информационная война, информационное оружие

Рубеж XX—XXI вв. — это период становления информационного общества. Научно-техническая революция, обеспечившая прорыв в развитии информационно-коммуникационных технологий, изменила не только социально-

экономические условия жизни, но и сформировала особую глобальную информационную среду.

Однако глобализация мирового пространства привела не только к цивилизационным прорывам, но и усугубила

многие противоречия между отдельными государствами, перевода их и в виртуальное пространство.

«Информационное противостояние определяется следующими состояниями:

- поведение сражающихся субъектов определяется имеющимися у них моделями мира, области интересов;
- используются специфические методы ведения противостояния, основанные на использовании знаний и информации;
- средство ведения войны — информационный поток;
- применяется информационное оружие;
- борьба осуществляется исключительно путем целенаправленного информационного воздействия на субъектов» [4, с. 49].

История человечества на всем своем протяжении сопровождалась войнами. Две мировые войны XX века, сменились десятилетиями холодной войны и экономического противостояния 90-х гг. Начало XXI века стало временем подготовки к полномасштабным информационным войнам.

«Информационная война — действия, предназначенные для достижения информационного превосходства, поддержки национальной военной стратегии, посредством воздействия на информацию и информационные системы противника при одновременном обеспечении безопасности и защиты собственной информации» [9, с. 298].

«Целью информационного противоборства выступает психологическое состояние человека, общества. Можно говорить о победе, если эти системы (люди, общество), на которые направлено разрушение, стали реагировать на созданную противником модель, сделались зависимыми от такой модели и пытаются исправить ситуацию, бросая на это огромные силы» [4, с. 53]. По характеру воздействия это можно сравнить с Третьей мировой войной.

Сегодня информационные войны преследуют как политические, так и экономические цели: дискредитация политического режима или государственного деятеля, дестабилизация общественной жизни, оказание идеологического влияния на сознание людей, изменение ценностных ориентаций определенных социальных групп, завоевание рынков сбыта, оказание влияние на стабильность финансовой сферы и т. д. через распространение дезинформации о событиях в стране и за рубежом, освещение деятельности государственных органов и отдельных политиков.

Статья 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) дает исчерпывающее определение понятию информационные технологии — «... это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [7, ст. 2].

Анализ современной военно-политической ситуации показывает, что данные технологии, созданные для обеспече-

ния развития общества, в настоящее время становятся одним из самых опасных видов вооружения.

«Информационное оружие — средство уничтожения, искажения или хищения информационных массивов, добывание из них необходимой информации после преодоления систем защиты, негативного воздействия на интересы личности, общества и государства в информационном пространстве, а также разрушения информационной и коммуникационной структуры государства» [9, с.301].

С началом массового внедрения информационно-коммуникационных технологий и использованием информационного оружия меняется цель ведения войны: от физического уничтожения врага к управлению его сознанием, а значит, изменению мировоззрения, внутренних стимулов и ценностей, психологическому манипулированию его поведением, что, несомненно, является нарушением права на неприкосновенность личности.

В последние годы отмечается повышение агрессивности применения методов информационных войн в отношении Российской Федерации и ее партнеров со стороны США и стран НАТО. Особенно явно это проявлялось в период обострения международных противоречий или нарастания внутривнутриполитических проблем в западных странах: грузино-южно-осетинского конфликта 2008 г., присоединения Крыма 2014 г., гражданской война в Сирии, Конго, Судане, Украине, президентской гонки в США и др.

Анализ этих событий показывает актуальность проблемы изучения феномена информационных войн и определения механизмов международно-правового регулирования деятельности государственных и частных СМИ с учетом реализации права человека на свободный доступ к информации.

Право на информацию является одним из базовых прав человека и гражданина. Впервые оно было отражено во Всеобщей декларации прав человека, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. В статье 2 указывается, что «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения...» [1, ст. 2].

Статья 19 непосредственно провозглашает право на информацию «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [1, ст. 19].

При этом статья 30 подчеркивает, что «ничто в настоящей Декларации не может быть истолковано как предоставление какому-либо государству, группе лиц или отдельным лицам права заниматься какой-либо деятельностью или совершать действия, направленные к уничтожению

прав и свобод, изложенных в настоящей Декларации» [1, ст. 30].

Логическим продолжением этого документа стала разработка Конвенции о защите прав человека и основных свобод (04 ноября 1950 г.), статья 10, которой подчеркивает, что «Каждый имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ» [5, с. 10].

Информационные права и свободы были подтверждены Международным пактом о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г.

Важным этапом в осуществлении норм международной защиты информационного права личности стала разработка Декларации об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне, утвержденная Резолюцией 4/9.1/3 Генеральной Конференции ЮНЕСКО от 28 ноября 1978 года.

В статье 1 указывается, что «укрепление мира и международного взаимопонимания, развития прав человека и борьбы против расизма, апартеида и подстрекательства к войне нуждается в свободном, более широком и более сбалансированном распространении информации. В этих целях средства массовой информации должны внести вклад первостепенной важности» [2, ст. 1].

Резолюция отмечает, что доступ к информации должен гарантироваться разнообразием источников, позволяя, таким образом, каждому человеку убедиться в достоверности фактов и объективно оценить события. Главную задачу СМИ авторы видят в их содействии в ослаблении международной напряженности и мирному урегулированию международных споров. Средства массовой информации, должны обеспечивать правдивость информации, исключать использование ложных фактов как средства формирования общественного мнения и оправдания агрессивной политики правительств отдельных государств.

Российская правовая система также уделяет особое внимание механизму реализации информационных прав граждан РФ. Это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ (ст. 19 Конституции РФ). Важен тот факт, что в соответствии с ч.3 ст. 46 Конституции РФ, «каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в международные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» [6, ст. 46 ч. 3].

Вышеприведенный перечень информационных правовых норм подразумевает обеспечение гарантий по защите личности, общества и государства от воздействия ложной,

вредной информации и дезинформации и установление юридической ответственности в информационной сфере.

Информационное право получило свое развитие в условиях разработки и принятия новой редакции Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646). Одной из составляющих национальной безопасности является «доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации и ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и мире; содействие формированию системы международной информационной безопасности, направленной на противодействие угрозам использования информационных технологий в целях нарушения стратегической стабильности, на укрепление равноправного стратегического партнерства в области информационной безопасности, а также на защиту суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве» [3, с.8].

При этом Доктрина определяет приоритеты государственной деятельности в сфере информационной безопасности: «стратегическое сдерживание и предотвращение военных конфликтов, которые могут возникнуть в результате применения информационных технологий; нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества; создание международно-правовых механизмов, учитывающих специфику информационных технологий, в целях предотвращения и урегулирования межгосударственных конфликтов в информационном пространстве; продвижение в рамках деятельности международных организаций позиции Российской Федерации, предусматривающей обеспечение равноправного и взаимовыгодного сотрудничества всех заинтересованных сторон в информационной сфере» [3, с.21].

Таким образом, основными направлениями деятельности Российской Федерации и всего мирового сообщества в области обеспечения информационной безопасности на сегодняшний момент являются:

- запрещение разработки, распространения и применения «информационного оружия»;
- расширение прав международных организаций (прежде всего, ООН) по контролю за содержанием и способами распространения информации, имеющей глобальное и региональное значение с целью определения достоверности ее источников, проведение заседаний Генеральной Ассамблеи и Совета безопасности ООН по предотвращению последствий информационных войн;
- активизация деятельности Европейского Суда по правам человека в области защиты права личности на получение достоверной информации, Гаагского международного трибунала и Управления Верховного комиссара и Совета ООН по правам человека по вопросам обеспечения национального су-

веренитета и репутации государства на международной арене;

- усиление юридической ответственности СМИ, печатных и телекоммуникационных, и отдельных журналистов, комментаторов, блоггеров и т. д. за распространение дезинформации.

Изучение международных и национальных нормативно-правовых актов доказывает, что для обеспечения базовых прав человека, в том числе права на объективную, достоверную информацию, мировым сообществом со-

зданы необходимые юридические и организационные условия. Однако события последних лет убеждают нас в том, что для предотвращения глобальных проблем, угроза которых уже становится очевидной, требуется активизация усилий как со стороны отдельных лиц и организаций, так и со стороны государств.

Исторический опыт должен научить нас, что предотвращение войны, в том числе и информационной, недопущение превращения ее в мировую, единственно возможный цивилизационный путь развития человечества.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 г.) [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 26.12.2016).
2. Декларации об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне. [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru/view_base.php?id=85 (дата обращения 26.10.2016).
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения 07.12.2016).
4. Жарова А. К. Сущность и структура информационного противоборства / А. К. Жарова // Государство и право. — 2009, № 2, С. 49.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (04 ноября 1950 г.) [Электронный ресурс] URL: www.echr.europa.org/docx/condemned/2002/001/2002001_001_001.html (дата обращения: 26.12.2016).
6. Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс] URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 27.12.2016).
7. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 05.02.2017).
8. Цой Л. Н. Информационная война как форма виртуального конфликта: проблема и терминология [Текст] / Л. Н. Цой // Обеспечение общественной безопасности при активизации социально-политических процессов в современных условиях: материалы XVI международной научно-практической конференции (Москва, 27 ноября 2014 г.) — М.: Академия управления МВД России, 2014. — С. 400–406.
9. Якубенко Н. О. Информационное право [Электронный ресурс] URL: <http://www.be5.biz/pravo/inyo/79.htm> (дата обращения: 05.02.2017).

Правовое регулирование особых экономических зон как инструмента развития экономики Российской Федерации

Дятлова Екатерина Владимировна, студент

Юсупов Тимур Зирякович, кандидат юридических наук, доцент, научный руководитель

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье обозначаются понятия и виды особых экономических зон. Рассматривается влияние особых экономических зон на развитие экономики Российской Федерации.

Ключевые слова: особая экономическая зона, инструмент развития, правовое регулирование

В современном мире для любого государства является эффективным использование различных инструментов для развития внутренней экономики и предпринимательской деятельности. Одним из таких инструментов развития вышеуказанной деятельности в Российской

Федерации является создание особых экономических зон (ОЭЗ) на территории всей страны. ОЭЗ представляют собой специальные ограниченные территории в регионах РФ, обладающие особым юридическим статусом, а также имеющие неизменный преференциальный режим, вклю-

чающий в себя особый налоговый, административный и таможенный режимы.

В соответствии с законодательством, срок действия особых экономических зон установлен в 49 лет, за это время созданная особая экономическая зона должна не только окупить денежные вложения при ее создании, но и принести существенную прибыль государству.

Главными целями создания особых экономических зон являются развитие импортозамещающего производства, туризма и санаторно-курортной сферы, разработка и производство инновационных видов продукции, а также расширение транспортно-логистической системы с помощью привлечения иностранных инвестиций и различных российских компаний. Основами правового регулирования ОЭЗ являются: Указы Президента РФ, постановления Правительства и Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации».

За все время в Российской Федерации было создано тридцать три ОЭЗ. Также государство постоянно проводит мониторинг, для выявления эффективности особых экономических зон. Поэтому в 2016 году Правительство РФ приняло Постановление о досрочном прекращении 8 малоэффективных экономических зон, которые были признаны убыточными. [9]

Девять из особо экономических зон принадлежат к промышленно-производственному типу, пять к туристско-рекреационному, ещё пять к технико-внедренческому и одна к портовому или логистическому типу. В будущем возможно и дальнейшее сокращение не приносящих доходы ОЭЗ, но те, которые останутся, будут самыми эффективными и приносящими прибыль.

Промышленно — производственные ОЭЗ — это обширные территории, находящиеся в крупнейших промышленных регионах страны. Основными преимуществами промышленно — производственных ОЭЗ является близкое расположение к базе с ресурсами необходимыми для производства, доступ к развитой инфраструктуре и основным транспортным линиям. Тем самым, размещение производства на территории промышленных зон повышает конкурентоспособность продукции, продаваемой на российском рынке за счет снижения издержек производства.

Приоритетными направлениями развития промышленных ОЭЗ является производство в сфере автомобилестроения, нефтяной химической продукции, производство строительных материалов, товаров массового потребления и приборостроение и др. Так как особые экономические зоны доказывают свою эффективность наличием резидентов, самыми высокоэффективными ОЭЗ промышленно — производственного типа являются: ОЭЗ ППТ «Алабуга» которая была создана в соответствии с Постановлением № 782 Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2005 года на территории Елабужского района Республики Татарстан [2] и включающая в себя 42 компании — резидента,

а также ОЭЗ «Липецк» созданная в соответствии с постановлением № 782 Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2005 года на территории Грязинского района Липецкой области [3] и включающая в себя 23 компании — резидента.

Стоит отметить, что резидентами являются коммерческие организации, либо индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в соответствии с законодательством Российской Федерации на территории муниципального образования, в границах которого расположена особая экономическая зона, и заключившая с органами управления особыми экономическими зонами соглашение об осуществлении промышленно-производственной деятельности или деятельности по логистике либо соглашение об осуществлении технико-внедренческой деятельности, портовой и иной деятельности в особых экономических зонах в порядке и на условиях, предусмотренных Федеральным законом от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». [1]

Туристско-рекреационными ОЭЗ являются расположенные в наиболее востребованных туристами регионах Российской Федерации, особые экономические зоны туристического типа, которые предлагают благоприятные условия для организации туристического, спортивного, рекреационного и других видов бизнеса. В настоящее время действуют три ОЭЗ туристско-рекреационного типа, приоритетными направлениями которых является лечебно-оздоровительная, горнолыжная, круизная, экскурсионная деятельность, а также развитие в сфере гостиничного бизнеса, общественного питания и др.

Самыми эффективными особо экономическими зонами туристско-рекреационного типа являются ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая катунь» созданная согласно Постановлению Правительства Российской Федерации «О создании на территории Алтайского района Алтайского края особой экономической зоны туристско-рекреационного типа» от 03.02.2007 г. № 69 [4], соглашению между Правительством Российской Федерации, Администрацией Алтайского края и администрацией Алтайского района «О создании на территории Алтайского края особой экономической зоны туристско-рекреационного типа» № 2778-ГГ/Ф7 от 02.03.2007 г и ОЭЗ ТРТ «Байкальская гавань» созданная согласно с Постановлением Правительства РФ № 68 от 3 февраля 2007 года [5] и Соглашению о создании на территории Республики Бурятия особой экономической зоны туристско-рекреационного типа № 2768-ГГ/Ф7 от 2 марта 2007 года. Резидентами которых являются 17 компаний и 12 соответственно.

Технико-внедренческими ОЭЗ являются расположенные в крупнейших научных центрах образования, имеющих богатые научные традиции и признанные исследовательские школы, открывающие обширные возможности для развития инновационного бизнеса, производства наукоемкой продукции и вывода ее на российские, а также международные рынки.

На данный момент функционируют пять технико-внедренческие особые экономические зоны, приоритетными направлениями которых является развитие информационных, ядерно-физических, медицинских технологий и др.

Самыми эффективными технико-внедренческими особыми экономическими зонами являются ОЭЗ ТВТ «Дубна» созданная в соответствии с Постановлением № 781 Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2005 года на территории г. Дубны (Московская область) [6] включающая в себя 90 компаний-резидентов, ОЭЗ ТВТ «Томск» созданная в соответствии с Федеральным законом от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и постановлением Правительства № 783 «О создании на территории г. Томска особой экономической зоны технико-внедренческого типа» [7] включающая в себя 67 компании-резидента, и ОЭЗ ТВТ «Санкт-Петербург» созданная в соответствии с Федеральным законом от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и постановлением Правительства № 780 «О создании на территории г. Санкт-Петербурга особой экономической зоны технико-внедренческого типа» [8], включающая в себя 43 компании-резидента.

Логистические или портовые ОЭЗ — это особые экономические зоны, которые находятся в доступной близости к различным транспортным линиям и тем самым, становятся площадкой для судоремонтных и судостроительных компаний, а также с их помощью разрабатываются новые

маршруты для перевозки товаров. На данный момент существует только одна логистическая особая экономическая зона портового типа. И она включает в себя 5 компаний-резидентов. Создана в соответствии с Постановлением № 1163 Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2009 года на территории Ульяновской области.

Для повышения привлекательности особых экономических зон для иностранных инвесторов, государство ввело специальный налоговый режим, который в течении нескольких лет позволяет выплачивать налоги в бюджет Российской Федерации и регионов по заниженным процентным ставкам, а от некоторых налогов резидентов избавляют вовсе.

Тем самым установление преференциального налогового режима позволяет вкладывать все полученные резидентом от производства денежные средства в дальнейшее развитие собственного бизнеса и импортозамещающего производства на внутреннем рынке Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать вывод, создание особых экономических зон является одним из основных инструментов развития экономики в Российской Федерации. Так как, с помощью инвестиций и производственной деятельности резидентов пополняется не только государственный бюджет, но и создается конкурентоспособность на внутреннем рынке страны благодаря уменьшению издержек производства и развитию промышленности на территории государства.

Литература:

1. Федеральным законом от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/ (дата обращения: 11.02.2017).
2. Постановление № 782 Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2005 года на территории Елабужского района Республики Татарстан // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57592/ (дата обращения: 11.02.2017).
3. Постановление Правительства РФ от 21.12.2005 № 782 (с изм. от 11.07.2015) «О создании на территории Грязинского района Липецкой области особой экономической зоны промышленно — производственного типа» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=57590#0> (дата обращения: 11.02.2017).
4. Постановление Правительства РФ от 03.02.2007 № 69 «О создании на территории Алтайского района Алтайского края особой экономической зоны туристско-рекреационного типа» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65881/ (дата обращения: 11.02.2017).
5. Постановление Правительства РФ от 03.02.2007 № 68 «О создании на территории муниципального образования «Прибайкальский район» Республики Бурятия особой экономической зоны туристско — рекреационного типа» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65880/ (дата обращения: 11.02.2017).
6. Постановление Правительства РФ от 21.12.2005 № 781 «О создании на территории г. Дубны (Московская область) особой экономической зоны технико-внедренческого типа» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57589/ (дата обращения: 11.02.2007).
7. Постановление Правительства РФ от 21.12.2005 № 783 «О создании на территории г. Томска особой экономической зоны технико-внедренческого типа» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57591/ (дата обращения: 11.02.2017).
8. Постановление Правительства РФ от 21.12.2005 № 780 «О создании на территории г. Санкт-Петербурга особой экономической зоны технико-внедренческого типа» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57588/ (дата обращения: 11.02.2017).

9. Постановление Правительства РФ от 28.09.2016 № 978 «О досрочном прекращении существования особых экономических зон» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205315/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 11.02.2017).

К вопросу о происхождении прокуратуры в России

Ефимова Анастасия Алексеевна, студент;
Скобина Елена Александровна, доцент, научный руководитель
Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета

В настоящее время прокуратура представляет собой самостоятельный орган государственной власти, не входящий ни в одну из ее ветвей, обеспечивающий верховенство закона, единство и укрепление законности, защищающий права и свободы человека и гражданина, а также охраняющий интересы общества и государства. История создания этого органа уходит корнями в XVIII столетие, когда Петр I принял намерение ввести Россию в сферу Европейских государств. Причиной этого послужило то, что российское государство отставало практически во всех сферах жизнедеятельности от иноземных государств. В нашей стране не было четко сформированных органов управления, надзорные органы не обладали конкретным кругом полномочий и не могли осуществлять деятельность во благо закона и справедливости. Отсюда возникает предположение о том, что дух, форма и жизнь наших учреждений даны нам Западом при помощи сильной руки Его Императорского Величества, и что необходимо, следовательно, ограничиться изучением одной мысли законодателя, как она выразилась в его уставах. Неужели же старая Россия во всех этих событиях осталась в стороне? Чтобы прояснить положение дел, необходимо проследить взаимосвязь российских учреждений между собой и выяснить, где заложены иностранные начала, помогавшие формировать структуру государственных органов, и где исконно российские понятия.

Русский профессор права и публицист, А. Д. Градовский, утверждает, что писатели, излагавшие историю реформ Петра I, уделяли мало внимания тем странам, учреждения которых послужили образцами для его нововведений [1, с. 45]. А между тем, можно заметить, что алгоритм преобразований сводился к следующему: такие — то учреждения существуют в такой — то стране, и она, по своему образованию и могуществу превосходит Россию. Причиной этого превосходства, несомненно, являются хорошие органы власти, следовательно, если Россия будет иметь такие же учреждения, то и она будет не хуже европейских государств.

Реализацию этой простой теории применительно к России можно рассмотреть на примере развития такой страны как Швеция. Успех Карла XII в военных действиях, его неистощимые финансы заставляли искать причины этого в совершенстве государственного устройства. Государственные органы этой страны в какой-то мере послужили прообра-

зом для создания крепкой системы управления и в российском государстве. В России деятельность существовавших органов управления в лице приказов, основанная на личном доверии царя не была определена никакими законами, следовательно, не подлежала контролю. Правительство еще не решилось привести к единству всю разнообразную деятельность своих многочисленных правительственных мест. При разнообразии ведомств и при сословных понятиях, один приказ не мог быть указом для другого, между ними не было такого учреждения, которое бы сводило их деятельность к одному знаменателю, примиряло их часто противоположные стремления, стояло на страже закона. Если для защиты своих собственных интересов государство не устанавливало правильной системы надзора, то невозможно было ожидать, чтобы оно заботилось об ограждении народа от произвола его органов. И в этом деле должность генерал-прокурора сыграла огромную роль. Каждая часть государственного механизма чувствовала на себе его влияние.

Однако было бы ошибочно полагать, что реформа принесла России шведские учреждения вообще. В Швеции Карлом XII в 1713 году была введена должность королевского омбудсмана, в обязанности которого входило следить за соблюдением законов в государстве и добросовестным исполнением гражданскими служащими своих обязанностей. То есть в Швеции осуществлялся своего рода гласный фискальный надзор.

В 1711 г. Петром I в России был учрежден фискалитет для контроля и надзора за соблюдением законов, пресечения казнокрадства, взяточничества и хищения. На основании Указа от 17 марта 1714 г. «О должности фискала» в каждой российской губернии была учреждена фискальная служба, состоящая из четырех человек. Возглавляли эти службы провинциал-фискалы, наблюдавшие за деятельностью городских фискалов и один раз в год проводившие ревизию. В духовном ведомстве во главе организации фискалов стоял протоинквизитор, в епархиях — провинциал-фискалы, в монастырях — инквизиторы [6].

А. А. Новиков выделяет следующие принципы, на основании которых строился институт фискалов: последовательно выдержанный общеконтрольный характер компетенции, иерархически организованные территориальные

подразделения, не подчиненные местной администрации, и всесловный принцип комплектования личного состава [4, с. 297]. Однако фискальная служба являлась негласной, существовала за счет «собственных кормовых» доходов, что приводило к коррупции, поэтому она была не любима в общественном мнении и слабо влияла на создание обстановки законности и правопорядка.

При всем том, российское государство обладало сильным крепким сословием, подчинявшимся ему и опиравшимся на массу рабочего народа. Если в соседней Швеции королевская власть основным средством сломятия аристократии видела бюрократию, то русское правительство — умело примирить родовое и выслужившееся сословие и заставить каждое из них служить на своем месте — в приказах. В сфере приказов стали выделяться учреждения с постоянным значением, началось распределение между ними дел. Выработка этих начал требовала упорного, продолжительного труда, глубокого уважения народных начал.

Готовые шведские учреждения требовали меньше забот — стоило только служилое сословие распределить по коллегиям и канцеляриям, однако главная цель при этом не была бы достигнута. Старая Россия и Швеция дали законодателю материал практический, выработанный самой историей. Шведские учреждения явились теоретической базой по отношению к России только вследствие большей развитости, как вообще учреждения разных стран кажутся теориями в странах менее образованных.

Таким образом, и та и другая страна подготовили почву для реформ Петра, поэтому говорить об одной стране и упустить из виду другую, было бы большой ошибкой.

Россия в своих преобразованиях затронула все учреждения. Если идея формирования и организации государственных учреждений занесены к нам из Запада, то понятие о службе осталось собственным. С разницей, что на место родового старшинства заступило служебное достоинство, и, всматриваясь в дух и значение этих, по-видимому, иноземных учреждений, нельзя не заметить, что есть нечто общее между ними и старыми приказами. Между тем как в Европе учреждения борются за разъединение с верховной властью, история нашей администрации есть не что иное, как создание единства между верховной властью и служилым сословием. Так, после создания коллегий, выделявшихся из правительственной массы, возникла потребность в их единении и подчинении. Таким объединяющим местом стал Сенат, который мог влиять на центральную и местную администрацию. Однако образовалась другая более острая потребность — необходимость контроля, поскольку как сенаторы — вельможи, то сидящие с ними в коллегиях не осмеливаются противоречить им и пляшут под их дудки и отсюда рождается множество интриг и несправедливостей [1, с. 107]. Тогда в Сенате была создана ревизионная коллегия как строгое, контролирующее учреждение.

Но недоверие Петра к членам коллегии возрастало. Если новая организация не уничтожила прежнего принципа управления, то принцип этот должен был определить

взаимоотношение правительственных мест и Верховной власти. И такое связующее начало было найдено Петром I в создании прокуратуры 12 января 1722 года с последующим учреждением должности генерал-прокурора, который был обязан сидеть в Сенате для наблюдения за его деятельностью. Через генерал-прокурора стали проходить все дела, которые он передавал в Сенат, а затем уже следил, как исполняются принятые правительствующим органом указы по тому, или иному делу.

Генерал — прокурор также зачитывал именные указы в Сенате, выступал с предложениями изменения законодательства, руководил нижестоящими прокурорами. Основным направлением деятельности прокуратуры было осуществление надзора. Обязанность генерал-прокурора заключалась не столько в фиксировании нарушений законов, сколько в их предупреждении. И на это ему были даны полномочия — он мог приносить протест с правом приостановления дела, о чем сообщал императору. Надзор прокуратуры за деятельностью других государственных органов заключался в наблюдении за интересами казны, за рассмотрением арестантских дел, за местами содержания заключенных под стражей. По мнению А. Г. Звягинцева, прокуратура создавалась в России, прежде всего, как орган императорской власти, осуществляющей от ее имени и по ее поручению повсеместный и постоянный надзор и контроль за решениями Правительствующего сената, других центральных и местных учреждений [2, с. 8].

В. О. Ключевский, писал: «Генерал-прокурор, а не Сенат становился маховым колесом всего управления; не входя в его состав, не имея сенаторского голоса, был, однако, настоящим его президентом, смотрел за порядком его заседаний, возбуждал в нем законодательные вопросы, судил, когда Сенат поступал право или неправо, посредством своих песочных часов руководил его рассуждениями и превращал его в политическое сооружение на песке» [3, с. 522].

Таким образом, в процессе проведения реформ Императором в области государственного управления был сформирован такой орган надзора как прокуратура, который представлял собой власть охранительную, контролирующую и направляющую администрацию к единой цели.

С. В. Пономаренко, подчеркивает, что российская прокуратура, несмотря на заимствования, существенно отличалась от аналогичных органов других стран, и выделяет общие черты и отличия:

1. Название органа и его структура происходит от французской прокуратуры, но при этом, во Франции прокурор осуществлял охрану королевской власти, в то время как в России, он выполнял контрольно-поднадзорные функции общегосударственного значения;

2. Российский генерал-прокурор и шведский высший омбудсмен осуществляли надзор за исполнением указов, с той только разницей, что в России он обладал уникальными функциями надзора, а в Швеции его надзорные полномочия распространялись преимущественно на судебную власть [5, с. 232–233].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что указом Петра I в России была предпринята одна из результативных попыток создания органа, контролирующего законность действий должностных лиц и охраняющего государственные интересы, в лице прокуратуры, что способствовало соблюдению законности, как в центральном аппарате управления, так и на местах.

В свою очередь, создание государственных органов в лице Сената и прокуратуры является нововведением только по отношению к собственной форме их устройства,

приказное же начало старой России остается в них во всей силе. То есть, Император Всероссийский не уничтожил самого принципа приказного управления, выразившегося в системе поручений, а образовал такой орган надзора, который смог привести в порядок хаос старой администрации. Тем самым смог создать систему государственного управления, основанную на принципах справедливости и законности, которые вот уже на протяжении 295 лет позволяют сохранить в российском государстве порядок столь важный для процветания России.

Литература:

1. Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры / Соч. А. Градовского. — СПб.: Тип. И. Бочкарева, 1866. — 284, [3] с.
2. Звягинцев А. Г. История Российской прокуратуры. 1722–2012. Краткое изложение истории прокуратуры в лицах, событиях, документах. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. — 416 с.: илл.
3. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Послесловие, комментарии А. Ф. Смирнова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. — 831 с.: илл.
4. Новиков А. А. Создание прокуратуры в России // Вестник Тамбовского университета. — 2013. — № 1, том № 117. — С. 296–300.
5. Пономаренко С. В. К вопросу о месте и роли прокуратуры в России: история и современность // Вестник российского университета дружбы народов. — 2006. — № 3. — С. 232–237.
6. Издан указ о должности фискалов // ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина». URL: <http://www.rplib.ru/History/Pages/Item.aspx?itemid=835> (дата обращения: 27.01.2017)

Виды юридических лиц и их особенности

Килабов Мансур Мурадович, студент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Институт юридического лица в современном российском праве на сегодняшний день лишь совершенствуется и именно в том направлении, которое отвечает нуждам развивающегося экономического оборота. Все это способствует формированию рыночной экономики в Российской Федерации.

Ключевые слова: юридическое лицо, коммерческие лица, некоммерческие лица

Сегодня, юридические лица многообразны, их можно квалифицировать по любым различным основаниям. Классификация юридических лиц имеет огромную значимость. Юридические лица принято классифицировать по целям их деятельности и по организационно — правовым формам.

В первую очередь, юридическое лицо — это организация или предприятие, обладающее большим количеством признаков. К ним относят:

- Наличие имущества.
- Возможность в осуществлении прав и обязанностей.
- Возможность в участии в судебных спорах в качестве истца или ответчика.
- Возможность отвечать по обязательствам данным имуществом.

Выделяют следующие признаки юридических лиц:

- Первое, это организация.

- Второе, наличие правосубъективности.
- Третье, наличие обособленного имущества.
- Четвертое, это самостоятельная ответственность данного имущества.

По целям деятельности, юридические лица, как правило относят на коммерческие и некоммерческие организации. Коммерческими являются те предприятия, целью которых впоследствии является — извлечь прибыль. [3] Некоммерческие предприятия наоборот, не преследуют главной своей целью, извлечение прибыли, а также ее распределение между участниками.

К коммерческим организациям относили хозяйственные товарищества и общества, производственные кооперативы, а также государственные и муниципальные предприятия. К коммерческим организациям относили потребительские кооперативы, религиозные и общественные организации, а также благотворительные фонды.

С развитием рыночных отношений, устаревшее законодательство, а также другие факторы, способствовали тому, чтобы кардинально изменить уже существующие на тот момент виды юридических лиц. До того, как были внесены изменения в гражданское законодательство, в науке гражданского права велись дискуссии, которые касались несовершенства законодательной классификации юридических лиц, высказывались мнения, что юридические лица должны подразделяться на корпорации и учре-

ждения по аналогии с европейским континентальным правом.

Юридические лица бывают разных видов. По форме собственности можно выделить частные и государственные юридические лица. Кооперативные создаются по инициативе одного или нескольких человек с целью ведения какого-либо законного вида деятельности. Унитарные предприятия организует государство. Своей целью они считают решение государственных задач.

Виды юридических лиц по данным 2016 года (рисунок 1, 2).

Рис. 1. Коммерческие юридические лица

Как правило, коммерческие юридические лица создаются:

- В форме государственного предприятия.
- В форме производственного кооператива.
- В форме акционерного общества.
- В форме хозяйственного товарищества (и других видов товариществ).

Самые распространенные формы некоммерческих организаций:

- Фонды — благотворительные, общественные, валютные, образовательные, пенсионные. Учредители и юридическое лицо не несут ответственности

по долгам и обязательствам друг друга. Имущество, находящееся в распоряжении фонда, передается последнему на праве собственности. Вид деятельности ограничен указанным в уставе. Отчетность обязана публиковаться ежегодно. Ликвидировать фонд можно лишь по решению суда.

- Товарищество собственников жилья (ТСЖ) — создается в качестве управляющего органа для решения вопросов содержания и пользования совместного жилья (домов). В качестве учредителей выступают все собственники дома.

Рис. 2. Некоммерческие юридические лица

— Садоводческое некоммерческое товарищество (СНТ) — создается по аналогии с ТСЖ и имеет своей целью решение задач совместной эксплуатации общих участков земли — дорог, коммуникаций в садовом обществе. Участие в СНТ имеет членский характер, в соответствии с уставом, каж-

дый участник вносит членский взнос, сумма которых потом распределяется на содержание общих территорий.

Ниже представлены статистические данные Росстата [2], показывающие число юридических лиц по субъектам Российской Федерации.

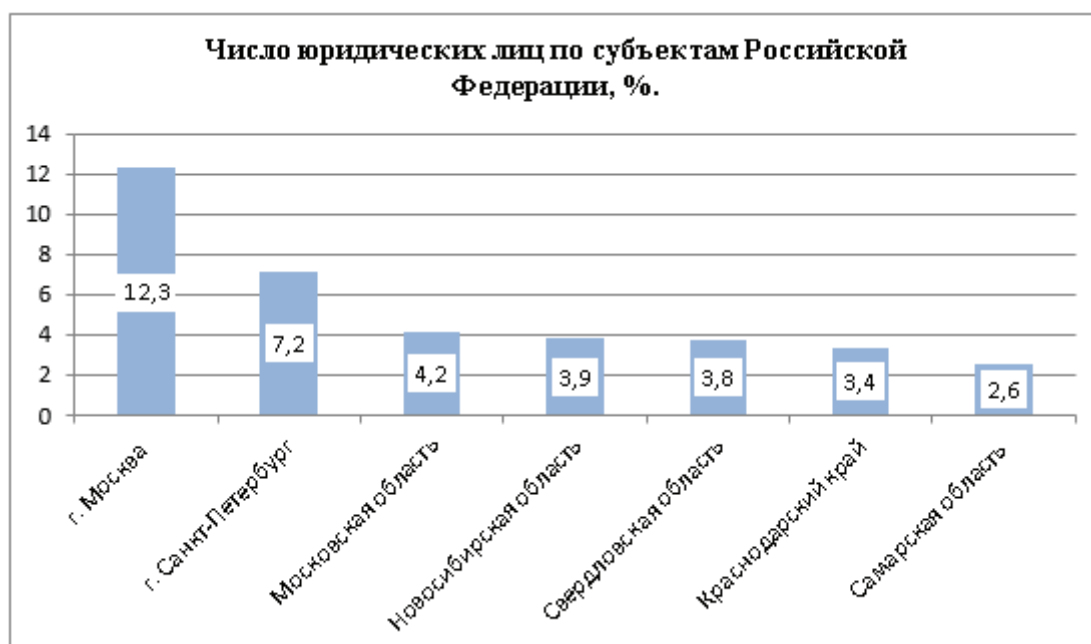

Рис. 3. Число юридических лиц по субъектам Российской Федерации

Юридическое лицо может быть ограничено в правах только в случаях и в порядке, указанных в законе. При этом ограничение в правах юридического лица носит административный характер. Решение об ограничении в правах юридическое лицо может оспорить в суде. Серьезные ограничения в правах юридическое лицо претерпевает в период ликвидации: в этот период не допускается государственная регистрация изменений, вносимых в учредительные документы ликвидируемого юридического лица, а также государственная регистрация юридических лиц, учредителем которых выступает указанное юридическое лицо, или государственная регистрация юридических лиц, которые возникают в результате его реорганизации. В период ликвидации юридическое лицо несет наиболее серьезные ограничения. В такой период не допускается государственная регистрация изменений, вносимых в учредительные документы ли-

квидируемого юридического лица, а также государственная регистрация юридических лиц, учредителем которых выступает указанное юридическое лицо, или государственная регистрация юридических лиц, которые возникают в результате его реорганизации.

Таким образом, понятие юридического лица закреплено в гражданском законодательстве, что дает право некоторым авторам указывать на характер данного субъекта права, что представляется несколько неверным. Юридическое лицо является межотраслевым субъектом права, также, как и гражданин, хотя понятие данного субъекта на прямую не закреплено, ни у кого не возникает сомнение в возможности участия гражданина, как в гражданских, так и административных, налоговых, конституционных, трудовых, процессуальных и иных правоотношениях.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ГК РФ) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Гражданский кодекс Российской Федерации http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
3. Алексеев С. С. Гражданское право: учебник, 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2015. — 440 с.
4. СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
5. СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/>

Юридические лица, понятие и особенности их признаков

Килабов Мансур Мурадович, студент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В данной статье автор рассматривает такой актуальный вопрос гражданского права, как понятие и признаки юридического лица. Данная тема актуальна по причине того, что юридическое лицо является отдельным субъектом правоотношений, с определенным набором прав и обязанностей, отличных от прав и обязанностей других субъектов права. В статье рассмотрены понятие юридического лица и его признаки, проанализированы научные взгляды на выделение конкретных признаков, по которым следует отличать юридическое лицо от иных лиц.

В любом правоотношении принято выделять субъекты, то есть те участники правоотношения, которые на законном основании в эти правоотношения вступают, осуществляют предусмотренные законом права и несут обязанности.

Субъектами правоотношений в российском праве выступают лица. Одним из видов лиц-субъектов, выступают юридические лица. [1, с. 174]

Для того, чтобы выделить эту категорию лиц, следует проанализировать понятие, которое закон устанавливает для них, а также выделить ряд общих признаков, которые характеризуют субъект права именно как юридиче-

ское лицо и наделяет его, соответственно, определенной правосубъектностью.

В гражданском праве определение юридического лица дается в ст. 48 Гражданского кодекса, [2] которая определяет юридическое лицо как организацию, обладающую обособленным имуществом на праве собственности, праве хозяйственного ведения или оперативного управления, которая выступает в гражданском обороте от собственного имени и несущая самостоятельную имущественную ответственность.

Таким образом из определения выделим главное. Юридическое лицо имеет имя (наименование), [3, с. 53] имуще-

ство и наделено определенными правами и обязанностями. Однако, отличием юридического лица от лица физического можно назвать то, что юридическое лицо зачастую объединяет в своей деятельности несколько или много физических лиц, имеющих общие цели, выполняющих задачи, обусловленные деятельностью юридического лица. То есть юридическое лицо — это не просто помещение с названием. Это совокупность людей, производств, совместных прав и обязанностей.

Происхождение понятия юридического лица ведет свое начало от римских корпораций, которые представляли собой производственные союзы, которые объединяли свое имущество и усилия для осуществления своей деятельности. Они уже в то время наделялись определенными правами, но еще не были полноценными юридическими лицами. Обобщилось понятие юридического лица уже в Голландии в конце XVI века, когда была учреждена Ост-Индская компания, объединившая купцов.

В последствии многие предприниматели стали объединяться, образуя мануфактуры, гильдии, другие объединения, которые помогали им постигать общих целей и защищать свои права.

В настоящее время юридическое лицо является одним из важнейших субъектов гражданских правоотношений, на деятельности юридических лиц строится бюджет государства, экономический оборот, устанавливаются внешне-экономические связи.

Правоведы выделяют ряд характерных признаков, по которым можно определить данного участника хозяйственного оборота именно как юридическое лицо.

Для начала можно выделить такой признак юридического лица, как организационное единство. Это означает, что юридическое лицо представляет собой совокупность двух и более лиц, чаще конечно больше. Юридическое лицо не появляется само по себе. Его задумывают люди. Люди же затрачивают денежные средства на формирование уставного капитала, на регистрацию юридического лица, на формирование основных производств и найм персонала. Таким образом организуется единый процесс деятельности, заключенный в рамки одной организации — юридического лица.

Юридические лица образуются в нескольких организационно-правовых формах, в зависимости от целей, задач, способа формирования уставного капитала и предполагаемого способа управления.

Вторым признаком является имущественная обособленность. Это означает, что у юридического лица имеется имущество — оргтехника, мебель, автотранспорт, недвижимость, производственные мощности. Не обязательно юридическое лицо сразу приобретает имущество в собственности. В некоторых случаях выгодно иметь его у оперативном управлении или хозяйственном ведении, в аренде, в бессрочном пользовании.

Третий признак юридического лица — это наличие фирменного наименования, которое является своеобразным

именем юрлица, которым оно пользуется. В едином государственном реестре юридические лица фигурируют как совокупность организационно-правовой формы и фирменного названия. К примеру, Общество с ограниченной ответственностью (организационно-правовая форма) «Ромашка» (фирменное наименование, или — Акционерное Общество «Вечер».

Четвертым признаком юридического лица можно выделить то, что юридическое лицо несет гражданско-правовую ответственность всем принадлежащим ему имуществом.

Это означает, что юридическое лицо — полноправный и полномерный участник правоотношений.

Следует отметить, что правоведы пытаются обосновать различные теории возникновения и существования юридического лица именно в зависимости от признаков, которые мы описали.

В частности, в соответствии с теорией фикции предполагается, что юридическое лицо — это искусственное образование, которое создано именно для условной привязки к нему прав и обязанностей, подчинению предпринимательства государству и закреплению права государства на изъятие части доходов юридического лица. Эта теория говорит о том, что юридическое лицо — это фикция, мнимое понятие, вменение статуса неодушевленной организации, привлечение ее к гражданскому обороту. То есть теория фикции говорит о том, что юридическое лицо неосвязаемо и существует только с точки зрения закона.

От теории фикции происходит теория целевого имущества, которая основывается на позиции того, что в случае юридического лица важно не само лицо, а его имущество, как залог правоотношения и ответственности. Вложенный капитал, приобретенное имущество, производства — это важно с точки зрения экономического оборота, а не название и люди, которые участвуют в юридическом лице.

Органическая же теория, напротив, рассматривает юридическое лицо как живой организм, совокупность людей, осуществляющих совместную деятельность. То есть юридическое лицо рассматривается как социальное явление, наиболее важным признаком которого является организация.

Выдвигались и другие теории. Однако, на наш взгляд наиболее целесообразно рассматривать юридическое лицо именно с точки зрения наличия всех признаков:

- организации и организационно-правовой формы;
- обособленности имущества;
- наличия наименования;
- несение ответственности за свою деятельность принадлежащим имуществом.

Без присутствия всех этих признаков юридическое лицо не может рассматриваться как таковое. Выясним, почему.

Без организационно-правовой формы мы получим лишь разрозненные производственные мощности, действующие без плана, без финансовой поддержки, без соответствующих целей и руководства.

Отсутствие имущества делает даже организацию производством зависимым. Не имея имущества, юридическое

лицо также не сможет соответствовать четвертому требованию — ответственности, а следовательно теряет свою социальную и экономическую роль в обществе.

Отсутствие названия не позволит идентифицировать юридическое лицо, а следовательно это сводит на нет все договорные отношения, а также правоотношения с государством. При этом не следует рассматривать взаимодействие с государством только с точки зрения налогообложения. Государство также оказывает существенную поддержку легитимным юридическим лицам в виде грантов, кредитов, предоставления земель, передачи имущества во временное пользование.

Следует понимать, что даже наличие всех признаков еще не делает организацию полноценным юридическим лицом. Если мы создали и зарегистрировали Общество с ограниченной ответственностью «Рога и копыта» с уставным капиталом в 10 000 рублей, купили на имя организации несколько компьютеров и исправно платим налоги, это вовсе не означает, что у нас юридическое лицо.

На наш взгляд следовало бы выделить такой существенный признак юридического лица, как определенный вид деятельности. Обычно основной вид деятельности приписывается в едином реестре юридических лиц,

но в последнее время этот фактор может быть столь объективным, что фактически юридическое лицо может и вообще ничем не заниматься, а существовать для экономических махинаций.

Потому законодатель предписывает юридическому лицу иметь еще один косвенный признак — наличие бухгалтерского и имущественного учета.

Юридическое лицо выступает в правоотношениях от своего имени. Это означает, что другие юридические лица не вправе использовать аналогичное название, что ограничивает возможность ошибки.

Кроме того, одним из косвенных признаков можно назвать наличие места регистрации и места нахождения.

Мы рассмотрели четыре основных, а также косвенные признаки юридического лица, которые позволяют определить и идентифицировать его как таковое.

Однако, следует понимать, что наиболее важным фактором, который закрепляет статус юридического лица, является его государственная регистрация и постановка на учет в налоговых органах.

Только при совокупности всех признаков и действий, направленных на легитимизацию, юридическое лицо может быть полноценным субъектом правоотношений.

Литература:

1. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2011. — 958 с.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 06.04.2015).
3. Алексеев С. С. Гражданское право: учебник, 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2015. — 440 с.

Общая характеристика договора купли-продажи

Килабов Мансур Мурадович, студент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В данной статье рассматривается общая характеристика договора купли-продажи. Купля-продажа — это важнейший договор в государствах, экономический тип которых является рыночным.

Ключевые слова: *купля-продажа, гражданское право, сделки, форма договора, гарантийный срок, ассортимент товара*

This article describes the general characteristics of the sales contract. Buying and selling is the most important contract in the States, which is a type of economic market.

Keywords: *sale, civil law, the transaction, the form of the contract, the warranty period, the range of goods*

Актуальность данного договора, обусловлена тем, что купля-продажа — является одним из основных институтов гражданского права. История данного вида договора насчитывает более 4 тысяч лет. Институт купли-продажи оказал огромное влияние на формирование договорного права всех правовых систем: в историческом

аспекте из него выросла практически вся общая часть обязательственного права. В настоящее время договор купли-продажи — самый распространённый договор гражданского оборота, т.к. купля-продажа — это наиболее универсальная форма товарно-денежного обмена. Договоры купли-продажи начали заключать в незапамятные

времена, когда появились деньги. На их основе осуществляется переход материальных благ «из рук в руки», т. е. в собственность, а оплата производится деньгами. Механизм купли-продажи составляет основу гражданского оборота.

Договор купли-продажи является одной из первых форм экономического общения, между людьми, после обмена. Договор купли-продажи, был известен с древнейших законов, начиная с Законов Хаммурапи. Свое значительное развитие договор-купли-продажи получил в Римском праве. Можно сказать, что фундамент положений договора купли-продажи, был разработан именно в эпоху Римского права, впоследствии чего, юристы последующего времени, возрождали и адаптировали его для своих правовых систем.

В соответствии с ГК РФ [1], статья 454, купля-продажа, это договор в котором, одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену).

Договор купли-продажи по своему виду является [2, с. 179]:

- Консенсуальным
- Возмездным
- Двухсторонним
- синаллагматическим (взаимным) [3, с. 172].

Говоря о субъектах, данного договора, мы можем сказать, что ими являются продавец и покупатель. Продавец должен быть собственником имущества. Однако допускается что продается в будущем приобретет товар. Любое дееспособное лицо может быть покупателем.

Касательно формы сделок, то в отношении и формы сделок действуют общие правила о форме сделок.

Предметом купля-продажа является, определенное количество конкретного товара. Товар должен быть наименован.

Ассортимент товара, должен быть установлен сторонами договора.

Гарантийный срок товара, начинает свой счет после передачи товара покупателю. Срок приостанавливается на время когда покупатель лишён возможности пользоваться данным товаром.

Цена устанавливается сторонами договора. Если цена не установлена то она устанавливается в соответствии аналогичными ценами на товар, такого же рода.

Срок оплаты товара определяется сторонами договора, наступает непосредственно после передачи товара покупателю. Однако возможно и следующие виды сроков оплаты товара:

- в рассрочку;
- в кредит;
- предварительная оплата.

Продавец обязан передать товар, который определён договором, в том количестве которое указано. Покупатель обязан оплатить и принять товар, за исключением случаев когда товар не соответствует заявленным требованиям. В случаи, если покупателем или продавцом не исполнен договор, то они могут потребовать возмещение убытков.

Содержание договора — условия, на которых достигнуто соглашение сторон. По юридическому значению условия договора делятся на существенные, обычные и случайные.

Существенные условия договора — условия, которые должны быть обязательно согласованы сторонами. Договор считается не заключенным до тех пор, пока остается несогласованным хотя бы одно из его существенных условий. Ими являются:

- условия о предмете договора;
- условия, необходимые для данного вида договора;
- условия, названные существенными в законе;
- условия, названные существенными одной из сторон договора.

Обычные условия договора не нуждаются в согласовании сторон, т. к. предусмотрены законодательством и вступают в силу автоматически при заключении договора (например, о цене, о сроке исполнения обязательства и т. п.).

Случайные условия — это те условия, которые изменяют или дополняют обычные условия.

Существенным условием, договора купли-продажи является ее предмет. Предмет включает в себя лишь 2 категории:

- Наименование товара;
- Количество товара.

Цена, в свою очередь является существенным условием лишь в разных видах, договора купли-продажи, таких как [3]:

- купля-продажа недвижимости;
- розничная и оптовая купля-продажа;
- купля-продажа предприятия.

Ниже проиллюстрированы на рисунке 1, условия договора купли-продажи.

Прекращение договора.

Договор может считаться прекращенным в следующих случаях:

- Надлежащее исполнение договора обеими сторонами.
- Расторжение договора по соглашению сторон.
- Расторжение в одностороннем порядке по решению суда (при нарушении существенных условий другой стороной, в иных случаях предусмотренных договором, ГК или иными законами).
- Отказ от договора одной из сторон.

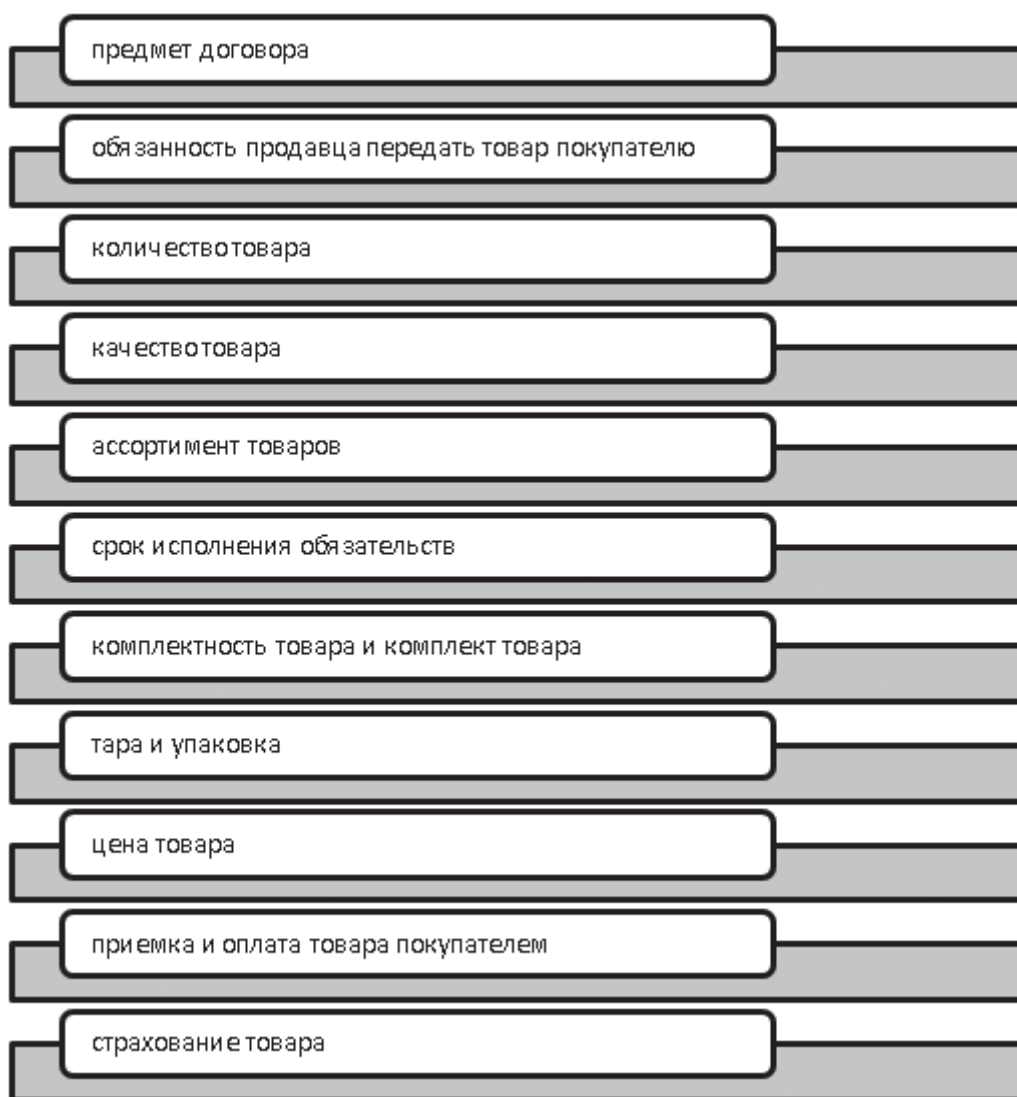

Рис. 1. Условия договора купли-продажи

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 06.04.2015, с изм. от 07.04.2015).
2. Алексеев С. С. Гражданское право: учебник, 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2015. — 440 с.
3. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2011.
4. Википедия — свободная электронная — интернет энциклопедия, wikipedia.org/wiki/Договор_купи-продажи.

Договор купли-продажи, его виды и их общая характеристика

Килабов Мансур Мурадович, студент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В данной статье рассматривается один из наиболее распространенных договоров гражданского права — договор купли-продажи. Мы сталкиваемся с куплей-продажей каждый день, а потому важно четко понимать, что купля-продажа является гражданско-правовым отношением, которое строго и достаточно полно регламентируется законодательством РФ. Купля-продажа выступает в нескольких видах, в соответствии с которыми имеются определенные специфические особенности.

Купля-продажа является наверное одним из самых распространенных договоров, которые существуют в гражданских правоотношениях. Мы сталкиваемся с куплей-продажей повседневно. Покупая товар в магазине, приобретая недвижимость, даже приобретая напиток в автомате мы совершаем куплю-продажу.

В российской гражданском праве купля-продажа регулируется Гражданским кодексом и рядом законов, в том числе Законом «О защите прав потребителей».

В соответствии с определением, по договору купли-продажи одна сторона, именуемая продавцом, обязана передать товар, а другая, именуемая покупателем-принять и оплатить товар. [1]

Предметом договора купли-продажи могут быть любые вещи, не изъятые из гражданского оборота, а потому существует такое множество видов договора купли-продажи.

Единственными общими чертами договора купли-продажи можно назвать обязанности продавца, обязанности покупателя и ответственность, предусмотренную за нарушение договора купли-продажи, которую несут обе стороны.

Особенностью договора купли-продажи является то, что он предусматривает наличие определенного срока, в течение которого договор может быть расторгнут и все обязательства продавца и покупателя снимаются, а товар и денежные средства возвращаются первоначальному владельцу. Это так называемый гарантийный срок.

Время не стоит на месте. Если раньше товар покупался и продавался на рынках, в магазинах, то есть сделка совершалась в натуре, то теперь мы можем купить что-то через сеть Интернет, приобрести это через торговые автоматы, заключить сделку в виртуальной плоскости. Все это очень удобно, но не гарантирует качество товара.

Потому законодатель четко разделил виды договоров купли-продажи и выделил существенные условия для того, чтобы в соответствии с видом договора стороны знали и несли свою ответственность.

Гражданский кодекс выделяет следующие виды договоров купли-продажи:

- договор розничной купли-продажи;
- поставки;
- поставки товаров для государственных нужд;
- контрактации;
- энергоснабжения;
- продажи недвижимости;
- продажи предприятия.

Отдельным видом купли-продажи можно выделить договор продажи товара через торговые автоматы, который является подвидом договора розничной купли-продажи.

Рассмотрим характеристики и особенности основных видов договора.

Розничная купля-продажа — это вид договора, с которым мы сталкиваемся ежедневно. Розница-это продукты, одежда, мебель, оргтехника, то есть все, что мы покупаем в магазине.

Договор розничной купли-продажи регулируется не только Гражданским кодексом, но также Федеральным законом от 9 января 1996 г. № 2-ФЗ «О защите прав потребителей», Постановлением Правительства РФ от 19 января 1998 г. № 55 «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации» и Постановлением Правительства РФ от 13 мая 1997 г. № 575 «Об утверждении перечня технически сложных товаров, в отношении которых требования потребителя об их замене подлежат удовлетворению в случае обнаружения в товарах существенных недостатков» и другие. Такая детализация важна по той причине, что зачастую покупатель не понимает всей личной ответственности по приобретению того или иного товара. Покупая предметы личного использования (например, нательное белье), мы должны осознавать, что это товар, который использовать после ношения другому лицу будет негигиенично. Либо, если мы приобретаем технически сложное устройство, то должны понимать, что это сложная система, которая также после неправильного использования может испортиться, а потому вернуть ее продавцу-это значит причинить ему прямые убытки.

Особенностью договора розничной купли-продажи можно назвать то, что продавцом в данном случае выступает предприниматель, который профессионально осуществляет торговлю и должен осознавать особенности своей деятельности.

Розничная купля-продажа является публичным договором, [2, с. 185] особенностью которого является необязательность письменной формы. Нецелесообразно заключать

письменный договор каждый раз, когда мы идем в магазин за продуктами, однако, это не означает, что продавец и покупатель не несут никакой ответственности за исполнение условий данного договора. Продавец также обязан предоставлять качественный товар, а покупатель — оплачивать его.

Другим видом договора купли-продажи является договор поставки. Он наиболее распространен в правоотношениях между юридическими лицами. Поставка — это купля-продажа, когда одна сторона договора поставяет партию товара, а другая сторона в предусмотренном договором порядке эту партию товара оплачивает.

В договоре поставки важное значение имеют сроки поставки и качество товара, а потому договор поставки заключается всегда в письменной форме. Договор поставки обычно охватывает интересы целых организаций, а потому его действие регулируется отдельной главой Гражданского кодекса.

Особым видом договора купли-продажи является договор поставки для государственных нужд. Казалось бы, такая же поставка, однако в нем задействованы интересы государства, а потому к нему применяются особые правила, которые направлены на то, чтобы большая цепочка задействованных поставщиков и покупателей (обычно поставки не ведутся напрямую, в них участвует большое число звеньев, поскольку товары обычно сложные, требующие участия в их изготовлении нескольких предприятий), не злоупотребляли бюджетными средствами.

Интересен договор купли-продажи недвижимости. Его особенностью является предмет — жилые и нежилые помещения, здания и сооружения. Договор купли-продажи недвижимости тесно связан с земельными правоотношениями, поскольку недвижимость располагается на земле. Важным условием договора купли-продажи недвижимости является обязательная регистрация перехода права по данному договору в Едином государственном реестре недвижимого имущества и сделок с ним, также договор должен заключаться в письменной форме. [3, с. 263] Эта мера направлена на защиту прав как покупателя, так и продавца, а также с учетом интересов государства, которое заинтересовано в налогообложении недвижимости, а также вправе контролировать оборот земель в пределах своей территории.

Немаловажным договором купли-продажи является договор энергоснабжения. Все мы пользуемся электриче-

ством, теплом, другими благами, обеспечивающими нашу жизнедеятельность. Договор энергоснабжения публичный. Это означает, что ресурсоснабжающая организация, выступающая продавцом, не вправе отказывать потребителям в заключении такого договора, но при этом вправе устанавливать рамочные условия, которые покупатель обязан соблюдать. Существенным условием такого договора является то, что продавцом может выступать не всякая организация, а только та, которая имеет соответствующий вид деятельности, оборудование, коммуникации, а потому в силу своих возможностей может оказывать услуги качественно.

Отдельными видами являются контрактация и продажа предприятия.

Продажа предприятия сходна с продажей недвижимости, но гораздо сложнее, потому что предметом является не просто недвижимое имущество, а целый имущественный комплекс с оборудованием, работниками, всем имуществом предприятия.

Следует учитывать, что предметом купли-продажи может выступать, например, сельскохозяйственная продукция, выращенная непосредственно фермером. Продать такую продукцию он может по договору контрактации, который также является разновидностью договора купли-продажи. Особенностью такого договора является то, что товар зачастую «нележащий», а потому изначально должен быть качественным. Контрактация предполагает наличие определенных требований к продукции со стороны санитарии. Однако, часто мы наблюдаем старушек, продающих выращенную на огороде зелень, или плоды садовых деревьев, рыбаков, предлагающих пойманную рыбу, грибников, собравших дары леса. Это тоже разновидность договора контрактации, по которому, к сожалению, привлечь продавца к ответственности очень сложно, кроме как в случае причинения прямого ущерба здоровью.

Приобретение фаст-фуда в торговых автоматах — это тоже купля-продажа. Она регулируется особыми правилами, согласно которым ответственность за качество несет владелец торгового автомата, он же обязан контролировать исправность этого технического устройства. Однако доказать приобретение товара именно в этом автомате сложно.

Таким образом, мы видим, что купля-продажа — это различные варианты, формы и виды взаимодействия покупателя и продавца, в зависимости от вида определяющие порядок защиты прав как продавца, так и покупателя.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ.
2. Алексеев С. С. Гражданское право: учебник, 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2015. — 440 с.
3. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2011.

Понятие и особенности предпринимательского договора на основе анализа законодательства Российской Федерации

Колесникова Кристина Олеговна, магистрант

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия

Рассмотрены некоторые правовые вопросы, раскрывающие понятие и особенности предпринимательского договора в системе гражданско-правовых сделок в соответствии с нормами законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: предпринимательский договор, признаки предпринимательского договора, стороны предпринимательского договора

Особое правовое положение предпринимательского договора в системе гражданско-правовых сделок, обусловлено, прежде всего, особенностями субъектного состава, целью заключения, обязательностью встречного предоставления.

Начать, полагаем, следует с того, что предпринимательский договор в соответствии с частью 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ [1] (далее по тексту — ГК РФ) заключается в целях осуществления его сторонами предпринимательской деятельности, которая является самостоятельной, осуществляемой на свой риск и направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

В письме Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам» указано, что извлечение прибыли — цель предпринимательской деятельности, а не ее обязательный реальный результат, само по себе отсутствие прибыли от этой деятельности не служит основанием для вывода о том, что такая деятельность не предпринимательская [2].

Из вышесказанного следует, что квалифицирующим признаком предпринимательской деятельности является цель — систематический характер получения прибыли.

В этой связи представляется целесообразным исследовать правовую природу предпринимательского договора, проанализировав присущие ему характерные черты и особенности.

Во-первых, для предпринимательских договоров присущ особый субъектный состав — коммерческие юридические лица и индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в этом качестве в установленном законом порядке, являются сторонами предпринимательского договора. Здесь главное необходимо помнить, что согласно пункту 4 статьи 23 ГК РФ гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без государственной регистрации, не вправе ссылаться в отношении заключенных им при этом сделок на то, что он не является предпринимателем, что обусловлено целенаправленностью коммерческих правоотношений. Нормы действующего законодательства содержат гражданско-правовые конструкции, участниками которых могут быть только субъекты предпринимательской деятельности, в частно-

сти, договор коммерческой концессии и договор простого товарищества.

В связи с изложенным можно утверждать, что именно особый субъектный состав определенным образом влияет на самостоятельность данной правовой конструкции.

Во-вторых, предпринимательский договор носит возмездный характер, который обусловлен тем, что в силу части 1 статьи 423 ГК РФ сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязательств. Если между субъектами предпринимательской деятельности совершена безвозмездная сделка, то в соответствии со ст. 168 ГК РФ она может быть признана недействительной как нарушающая требования закона или иного правового акта.

Следует отметить, что для предпринимателей в договорных обязательствах характерной особенностью является сочетание свободы договора и повышенные требования со стороны норм публичного права (налогового, антимонопольного и др.). Принцип свободы договора представляет собой принцип договорного права, в силу которого субъекты гражданского права имеют возможность самостоятельно определять условия заключаемых сделок, но с учетом соблюдения иных принципов гражданского права: равенства участников гражданского оборота, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела [5, с. 128].

Помимо общего порядка заключения предпринимательского договора, его можно заключить и иными способами, таким как: путем договора присоединения; заключения публичного договора; заключения договора на торгах либо по результатам аукциона; договора в пользу третьего лица; на основании предварительного договора или рамочного; на основании соглашения о предоставлении опциона на заключение договора [3, с. 58].

Так по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор), на условиях предварительного договора (ч. 1 ст. 429 ГК РФ), соответственно основным предметом такой сделки является гарантия заключить предпринимательский договор [4, с. 349]. Предпринимательский договор, заключенный по правилам договора присоединения отличается от иных тем, что его условия определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могут быть приняты

другой стороной не иначе как путем присоединения к предположенному договору в целом (п. 1 ст. 428 ГК РФ).

В связи с рассмотренными выше особенностями предпринимательского договора, к нему применяются специальные положения о порядке изменения и расторжения.

В соответствии с п. 1 ст. 452 ГК РФ, соглашение об изменении или расторжении договора совершается в той же форме, что и договор, если из закона, иных правовых актов, договора или обычаев не вытекает иное. В случае изменения или расторжения договора, осуществляемого по взаимному согласию сторон, то такие действия оформляются в виде соглашения о взаимном расторжении договора. При этом в тех случаях, когда возможность изменения или расторжения предпринимательского договора не предусмотрена законом или договором, и сторонами не достигнуто об этом соглашение, то данные договорные обязательства, согласно статьям 450–451 ГК РФ, могут быть прекращены только по решению суда и только в предусмотренных законом случаях. Учитывая, необходимость соблюдения баланса имущественного положения и интересов сторон при расторжении договора в судебном порядке в связи с существенными изменениями обстоятельств суд обязательно определяет последствия прекращения дого-

ворных обязательств, исходя из справедливого распределения между сторонами расходов, понесенных ими в связи с его исполнением.

Таким образом, особенности порядка внесения изменения и прекращения договорных обязательств между субъектами предпринимательской деятельности, обусловлены правовым регулированием данных правоотношений.

В связи с тем, что между субъектами предпринимательской деятельности складываются правоотношения в различных сферах, предпринимательские договоры могут быть разделены на следующие группы: договоры, определенные в разделе IV ГК РФ «Отдельные виды обязательств»; договоры, содержащие элементы различных договоров (смешанные договоры); договоры, непредусмотренные законом или иными правовыми актами.

Следовательно, определяющими признаками предпринимательского договора являются: особый субъектный состав и цель заключения договора — получение прибыли.

Таким образом, предпринимательский договор — это гражданско-правовая сделка, заключаемая коммерческими организациями в процессе осуществления ими предпринимательской деятельности с целью получения систематической прибыли.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Письмо Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1997. — № 10.
3. Даниленко В. Н. Предпринимательский договор: понятие и признаки // Альманах мировой науки. — 2016. — № 9–2 (12). — С. 57–58.
4. Митин О. В. Понятие и признаки договоров, используемых в предпринимательской деятельности // Современные вопросы государства, права, юридического образования: Сборник научных трудов по материалам X Международной научно-практической конференции (заочной). 22 декабря 2013 г. — Тамбов: издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — С. 348–351.
5. Фролов И. В. Реализация принципа свободы договора в предпринимательской деятельности // Источники частного и публичного права: сборник научных трудов по материалам III ежегодной Международной научно-практической конференции 28 марта 2014 г. — Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. — С. 128–129.

Правовая природа товарного знака как средства индивидуализации результатов деятельности хозяйствующих субъектов

Москвитина Анастасия Олеговна, магистрант
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

В статье рассмотрена правовая природа товарного знака. Проанализированы международные соглашения, российское законодательство, а также правовые позиции исследователей в области права, содержащиеся в специальной литературе, связанные с правовой природой товарного знака как средства индивидуализации результатов деятельности хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: товарный знак, функции товарного знака, особенности

Исследуя товарный знак как средство индивидуализации результатов деятельности хозяйствующих субъектов, следует начать с того, что в настоящее время Российская Федерация является участницей нескольких международных соглашений, связанных с правовой охраной товарных знаков. Их воздействие на формирование национального законодательства, посвященного товарному знаку как средству индивидуализации результатов деятельности хозяйствующих субъектов, бесспорно. Назовем некоторые из них, например, Парижская конвенция по охране промышленной собственности [1]; Мадридское Соглашение о международной регистрации товарных знаков [2]; Протокол к Мадридскому Соглашению о международной регистрации знаков [7]; Ниццкое Соглашение о международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков [3]; Договор о законах по товарным знакам (ТЛТ) [4]; Сингапурский договор о товарных знаках [5]; Найробский договор об охране олимпийского символа [6].

В российском законодательстве товарному знаку как средству индивидуализации посвящен параграф 2 гл. 76 Гражданского кодекса Российской Федерации [10] (далее — ГК РФ). Согласно п. 1 ст. 1477 ГК РФ на товарный знак, то есть на обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак (статья 1481 ГК РФ). На неточность определения товарного знака, предусмотренного ст. 1477 ГК РФ, справедливо указывает Э. П. Гаврилов — товарный знак — это «обозначение», которое получило правовую охрану, уже признано товарным знаком [12, с. 817].

Таким образом, товарный знак по своей сути является плодом умственной деятельности, однако в отличие от результата интеллектуальной деятельности главная его ценность заключена не в нем самом, а в той функции, которую он выполняет. Товарный знак является своеобразным звеном между производителем товара (лицом, выполняющим работу или оказывающим услугу) и потребителем. Он служит средством для привлечения внимания потребителя к маркируемым товарам (работам, услугам), позволяя потребителю выбрать необходимый ему товар (работу, услугу) конкретного производителя, а производителю — выделить свой продукт (работу, услугу) среди однородной продукции, выпускаемой другими лицами, и занять определенное положение на рынке.

Как отмечают исследователи в области права, поскольку товарный знак по своему целевому назначению направлен на формирование определенного представления потребителей о качестве товаров и услуг производителя, что, в свою очередь, связано с таким нематериальным объектом, как деловая репутация, то право на товарный знак следует признавать имущественным [15, с. 56].

Следует согласиться с мнением В. С. Никулиной о том, что товарный знак, в особенности приобретший известность и положительную репутацию на рынке, предлагает право-

обладателю ряд преимуществ, в связи с этим желание последнего закрепить за собой такие преимущества на рынке выглядит вполне естественным [14, с. 24].

На наш взгляд, важной особенностью товарного знака является то, что данное средство индивидуализации, как и другие объекты, перечисленные в ст. 1225 ГК РФ, по своей правовой природе нематериально и не зависит от права собственности на материальный носитель (вещь), в котором выражается. Однако права на него, а также материальные носители, в которых выражено соответствующее средство, могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке, которые установлены Гражданским Кодексом (ст. 129 ГК РФ [8]).

Заметим, что ключевой функцией товарного знака как средства индивидуализации результатов деятельности хозяйствующих субъектов является функция индивидуализации товара, которая позволяет отличать товары одних участников гражданского оборота от однородных (аналогичных) товаров других участников гражданского оборота. Функция индивидуализации товара — основная, она обеспечивает узнаваемость товарного знака потребителем, поскольку товарный знак как никакой другой объект ярко и четко индивидуализирует товары, а также указывает потребителям на наличие у них определенных качественных характеристик, которые отличают данный товар в товарообороте [13, с. 274].

Кроме того, полагаем, необходимо также отметить, что не менее важной является защитная функция товарного знака, которая следует из ч. 1 ст. 1484 ГК РФ и заключается в предоставлении владельцу товарного знака исключительного права пользоваться и распоряжаться им, а также ст. 180 Уголовного кодекса РФ [9], предусматривающей уголовное наказание за незаконное использование товарного знака, никто не может использовать на территории России охраняемый в России товарный знак без разрешения его владельца. Таким образом, для предпринимателя (владельца знака) товарный знак становится эффективным средством защиты его бизнеса от недобросовестной конкуренции.

Широко используется также рекламная функция товарного знака, т. е. его способность привлекать внимание потребителей к маркируемым товарам или услугам. Это свойство товарного знака позволяет ему играть ведущую роль в рекламной стратегии фирмы и эффективно выполнять экономическую функцию. Вышеперечисленными функциями возможности товарного знака не исчерпываются. Существует еще гарантийная функция знака — она важна для потребителя, так как товарный знак производителя или продавца гарантирует потребителю определенное качество продукта. Под гарантийной функцией понимается то, что товарный знак, наносимый на изделие и ставший уже привычным для потребителя, будучи нанесенным на другое изделие того же производителя, будет вызывать у потребителя чувство уверенности в качестве нового изде-

лия. Однако для того, чтобы знак уверенно выполнял свою функцию гарантии качества, производитель должен постоянно заботиться о поддержании высокого качества маркируемых товаров. В случае же снижения качества изделий товарный знак начинает играть роль предупреждения потребителя о низком их качестве, что, естественно, не стимулирует продажу этих изделий и, как правило, приводит к банкротству предприятия.

Таким образом, функции товарного знака оказывают существенное влияние на благополучное развитие бизнеса, как юридических лиц, так и индивидуальных предпринимателей.

Характеризуя товарный знак как средство индивидуализации результатов деятельности хозяйствующих субъектов, следует согласиться с позицией В. В. Пироговой, которая обращает внимание на еще одну важную особенность о том, что применительно к товарным знакам в ГК РФ отсутствует принцип абсолютной мировой «новизны» [16]. Сходные объекты, в отличие, например, от произведений науки, литературы и искусства, могут быть получены различными лицами одновременно, независимо

друг от друга и существовать в дальнейшем либо на основании согласия правообладателя, либо иметь самостоятельную регистрацию, если товары, для которых они заявлены, разнородны.

Таким образом, можно утверждать, что ключевой особенностью товарного знака как средства индивидуализации результатов деятельности хозяйствующих субъектов является то, что данное средство индивидуализации по своей правовой природе нематериально и не зависит от права собственности на материальный носитель (вещь), в котором выражается. В рамках предоставленной правовой охраны товарному знаку его правообладателю принадлежит исключительное право, которое представляет собой, как верно отмечает М. Волынкина, «основной правовой механизм вовлечения в экономический оборот охраняемых результатов интеллектуальной деятельности» [11, с. 6].

На основании вышеизложенного, полагаем, что к настоящему времени в России заложен фундамент нормативно-правовой базы в сфере регулирования товарных знаков как средств индивидуализации результатов деятельности хозяйствующих субъектов.

Литература:

1. Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // Закон. — 1999. — № 7.
2. Соглашение о международной регистрации знаков (Заключено в Мадриде 14.04.1891) (ред. от 02.10.1979) (вместе с «Инструкцией к мадридскому Соглашению» от 01.04.1992) // Публикация ВОИС. — 1992. — № 260 (R), 1992.
3. Соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков (заключено в Ницце 15.06.1957) (ред. от 28.09.1979) // Публикация ВОИС. — 1992. — № 292 (R).
4. Договор о законах по товарным знакам (Вместе с «Инструкцией к Договору», «Типовыми международными бланками» / Договор о законах по товарным знакам и Инструкция, подписанные в Женеве 27 октября 1994 г. // Публикация № 225 (R). — Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности, 1994.
5. Сингапурский договор о законах по товарным знакам (Подписан в г. Сингапуре 27.03.2006) // Собрание законодательства РФ. — 7 июня 2010 г. — № 23. — Ст. 2801.
6. Найробский договор об охране олимпийского символа (Подписан в г. Найроби 26.09.1981) [Электронный документ]. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.01.2017 года).
7. Протокол к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков (Подписан в г. Мадриде 28.06.1989) // Публикация ВОИС № 204 (R). — Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности, 1998. — С. 5–67.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 13.12.2016) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.
11. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Э. П. Гаврилов, В. И. Еременко. — М.: Издательство «Экзамен», 2009. — С. 817.
12. Волынкина М. Исключительное право, как мера возможного или дозволенного поведения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2013. — № 9. — С. 6.
13. Настольная книга руководителя организации: правовые основы / отв. ред. И. С. Шиткина. — М.: Юстицинформ, 2015. — 506 с.

14. Никулина В. С. Правовая защита товарного знака и борьба с недобросовестной конкуренцией. — М.: Статут, 2015. — 208 с.
15. Новоселова Л. А. Наследование прав на товарный знак // 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 октября 2013 г.): Избранные материалы / Под ред. В. Г. Голубцова, О. А. Кузнецовой. — М., 2014. — С. 56.
16. Пирогова В. В. Изобретения, ноу-хау, товарные знаки (очерки Российского и зарубежного права) [Электронный документ]. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.01.2017 года).

Особенности применения антикоррупционной экспертизы

Одинцова Мария Анатольевна, магистрант

Коми республиканская академия государственной службы и управления (г. Сыктывкар)

Издаваемые государственными органами правовые акты определяют юридические статусы, режимы и социально — правовые роли всех субъектов права. Отступление же от правовых предписаний, их нарушение, корыстное истолкование и использование служит питательной почвой для коррупции.

В данной статье рассматриваются особенности антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, как эффективная мера по профилактике и преодолению коррупции.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, противодействие коррупции, коррупциогенные факторы

Действующее российское законодательство предусматривает в качестве одного из направлений противодействия коррупции осуществление антикоррупционной экспертизы нормативно — правовых актов и проектов нормативно — правовых актов органов государственной власти регулируются Федеральным законом от 17 июля 2009 года № 172 — ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативно — правовых актов и проектов нормативно — правовых актов» [1].

Антикоррупционной экспертизой признается деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий, имеющая целью предупреждение коррупции, в том числе выявление и последующее устранение причин коррупции (профилактика коррупции); выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных правонарушений.

В ст. 3 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172 — ФЗ определено, что антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов проводится в порядке, установленном, в частности, правовыми актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации, и согласно методике, определенной Правительством Российской Федерации. При этом методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов применяется независимо от того, являются ли

они правовыми актами федеральных, региональных или муниципальных органов.

Предполагается, что эффективная антикоррупционная экспертиза может возыметь превентивное значение при пресечении коррупционных преступлений посредством выявления коррупционных и коррупциогенных составляющих того или иного акта или проекта.

Коррупциогенными факторами являются положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции [2].

Основными принципами организации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) являются:

- 1) обязательность проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов;
- 2) оценка нормативного правового акта во взаимосвязи с другими нормативными правовыми актами;
- 3) обоснованность, объективность и проверяемость результатов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов);
- 4) компетентность лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов);

5) сотрудничество федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также их должностных лиц с институтами гражданского общества при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов).

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) проводится:

- 1) прокуратурой Российской Федерации;
- 2) федеральным органом исполнительной власти в области юстиции;
- 3) органами, организациями, их должностными лицами;
- 4) институтами гражданского общества и гражданами.

При этом указанные органы и лица, исходя из смысла законодательства о противодействии коррупции, при осуществлении антикоррупционной экспертизы должны взаимодействовать, в противном случае данная деятельность не будет носить комплексный характер.

На страницах юридической печати обоснованно отмечается, что органичное и взаимодополняющее сочетание институтов публичной власти и гражданского общества способно конструктивно взаимодействовать и олицетворяет собой механизм обеспечения законности [3]. Участие институтов гражданского общества и граждан в независимой антикоррупционной экспертизе является реальным механизмом противодействия коррупции.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96 [4] утверждены Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции. Данные Правила должны подлежать строгому соблюдению всеми аккредитованными независимыми экспертами, осуществляющими антикоррупционную экспертизу.

В целях обеспечения возможности проведения независимой антикоррупционной экспертизы государственные органы и органы местного самоуправления размещают проекты нормативных правовых актов в сети Интернет. В большинстве ведомств такой порядок закреплен внутренними приказами [5].

Аккредитованные Минюстом России эксперты при выявлении в нормативных правовых актах (проектах нормативных правовых актов) коррупционных факторов должны составить заключение. В то же время, как показывает анализ правоприменительной практики, в настоящий момент взаимодействие институтов гражданского общества с органами прокуратуры по вопросам проведения антикоррупционной экспертизы не всегда отличается должной активностью. Более 70 % опрошенных отрицательно ответили на вопрос о наличии случаев обращения в органы прокуратуры с просьбой проверить нормативные правовые акты на коррупциогенность. Положительных ответов оказалось менее 10 %. Как правило, в органы прокуратуры обращались общественные организации, представители субъектов малого и среднего предпринимательства [6].

Вместе с тем активная позиция гражданского общества могла бы во многом повысить эффективность противодействия коррупционным преступлениям. Исходя из смысла законодательства Российской Федерации в случае отсутствия в заключении независимого эксперта предложения о способе устранения выявленных коррупционных факторов мотивированный ответ гражданином или юридическим лицом может быть получен в соответствии с Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», устанавливающим обязанность государственных органов и органов местного самоуправления размещать на сайте общедоступную информацию о результатах рассмотрения обращений и принятых мерах [7].

Литература:

1. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172 — ФЗ // Российская газета. — 2009. — 22 июля.
2. Калтыга, О. В. Проблемы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов на современном этапе развития Российского государства / О. В. Калтыга // Политика и общество. — 2012. — № 7. — С. 32–38.
3. Винокуров, А. Ю. Законность в Российской Федерации / А. Ю. Винокуров. — М.: Контракт, 2008. — С. 114.
4. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // Российская газета. — 2010. — 5 марта.
5. Корякин, В. М. Организация антикоррупционной экспертизы правовых актов в Минобороны России и других органах государственной власти: сравнительно — правовой анализ / В. М. Корякин // Военное право. — 2010. — № 2. — С. 27.
6. Какителашвили, М. М. Взаимодействие органов прокуратуры с институтами гражданского общества при проведении антикоррупционной экспертизы / М. М. Какителашвили // Вестник Академии Генеральной прокуратуры. — 2011. — № 1. — С. 15–19.

7. Акопджанова, М. О. Особенности применения законодательства об антикоррупционной экспертизе / М. О. Акопджанова // Административное и муниципальное право. — 2014. — № 8. — С. 873–876.

Организация и проведение антикоррупционной экспертизы государственными органами Республики Коми

Одинцова Мария Анатольевна, магистрант

Коми республиканская академия государственной службы и управления (г. Сыктывкар)

Ключ решения основных проблем не в гонке за количеством принимаемых актов, а в обеспечении правильного соотношения федеральных и региональных актов, правового регулирования с помощью региональных законов и подзаконных актов субъектов Федерации и, наконец, в оптимизации самой «технологии» подготовки и принятия нормативных правовых актов. В данной статье проводится анализ мониторинга организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов Главы Республики Коми и Правительства Республики Коми.

Ключевые слова: мониторинг организации антикоррупционной экспертизы; противодействие коррупции; антикоррупционная экспертиза; правовые акты; коррупциогенные факторы; нормативно правовые акты Республики Коми

В целях контроля за реализацией положений, предусмотренных Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», Администрацией Главы Республики Коми осуществляется мониторинг организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, проектов нормативных правовых актов Республики Коми.

Согласно Закона Республики Коми от 29 сентября 2008 г. № 82 — РЗ «О противодействии коррупции в Республике Коми» антикоррупционная экспертиза в Республике Коми осуществляется в отношении:

- законов Республики Коми (проектов законов Республики Коми) и постановлений Государственного Совета Республики Коми (проектов постановлений Государственного Совета Республики Коми);
- нормативных правовых актов Главы Республики Коми, Правительства Республики Коми (их проектов);
- нормативных правовых актов органов исполнительной власти Республики Коми, государственных органов, образованных Главой Республики Коми, (их проектов);
- муниципальных нормативных правовых актов (их проектов).

Согласно постановлению Правительства Республики Коми от 02.02.2016 № 39 «О проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов Правительства Республики Коми и проектов нормативных правовых актов Правительства Республики Коми» [1] органы в системе исполнительной власти Республики Коми (далее — государственные органы Республики Коми) ежегодно разрабатывают и утверждают планы проведения ан-

тикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов Главы Республики Коми и Правительства Республики Коми.

По информации Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Коми [2] в результате проведения в 2015 году антикоррупционной экспертизы коррупциогенные нормы выявлены в 6 указах Главы Республики Коми и в 14 постановлениях Правительства Республики Коми.

Мониторинг организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов Главы Республики Коми и Правительства Республики Коми в 2015 году свидетельствует об уменьшении количества нормативных правовых актов, в отношении которых проведена антикоррупционная экспертиза.

Так, если в 2013 году государственными органами Республики Коми проведено 253 антикоррупционные экспертизы нормативных правовых актов Главы Республики Коми и Правительства Республики Коми, в 2014 году — 147 антикоррупционных экспертиз, то в 2015 году антикоррупционная экспертиза проведена в отношении 115 нормативных правовых актов Главы Республики Коми и Правительства Республики Коми, т. е. на 22 % меньше, чем в 2014 году, и на 55 % меньше, чем в 2013 году.

Согласно информации, представленной государственными органами Республики Коми, в отношении большей части нормативных правовых актов уже проведена антикоррупционная экспертиза и указано на отсутствие нормативных правовых актов, подлежащих включению в План для проведения экспертизы.

В течение 2015 года государственными органами Республики Коми также велась работа по осуществлению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, издаваемых государственными органами Республики

Коми самостоятельно, а также проектов этих нормативных правовых актов.

В целях оценки проведенной государственными органами Республики Коми работы по осуществлению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, издаваемых государственными органами Республики Коми самостоятельно, а также разрабатываемых ими проектов нормативных правовых актов, Администрацией в 2016 году в государственные органы Республики Коми направлены запросы о предоставлении необходимой информации.

Мониторинг был проведен в отношении 33 органов исполнительной власти Республики Коми и 1 государственного органа, образованного Главой Республики Коми (Управление государственной гражданской службы Республики Коми).

Стоит обратить внимание, что в результате реорганизации системы исполнительной власти Республики Коми, направленной на повышение эффективности регионального государственного управления, на оптимизацию функций государственных органов Республики Коми, Указом Главы Республики Коми от 3 ноября 2015 г. № 115 «Об органах в системе исполнительной власти Республики Коми» с 1 января 2016 г. отдельные органы исполнительной власти Республики Коми реорганизованы и (или) упразднены, функции и полномочия реорганизованного и (или) упраздненного органа переданы другим органам исполнительной власти Республики Коми, утверждена новая система органов исполнительной власти Республики Коми, в которую, помимо Правительства Республики Коми, вошло 22 органа исполнительной власти Республики Коми и 1 государственный орган Республики Коми, подчиненный Главе Республики Коми.

В связи с изложенным в целях проведения мониторинга реализации реорганизованными и (или) упраздненными государственными органами Республики Коми в 2015 году федерального и регионального законодательства в сфере проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, Администрацией направлены запросы о предоставлении необходимой информации в государственный орган Республики Коми, которому переданы соответствующие полномочия реорганизованного и (или) упраздненного органа исполнительной власти Республики Коми.

На основании полученной от государственных органов Республики Коми информации об организации работы по осуществлению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, издаваемых государственными органами Республики Коми самостоятельно, а также разрабатываемых ими проектов нормативных правовых актов установлено, что государственными органами Республики Коми приняты нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения антикоррупционной экспертизы, порядок направления нормативных правовых актов в органы прокуратуры Республики Коми с целью проведения их антикоррупционной экспертизы.

Органами на этапе разработки и принятия проектов нормативных правовых актов проводится их антикоррупционная экспертиза. Выявленные факторы устраняются органами в ходе работы над проектами. В 2015 году более 700 проектов нормативных правовых актов прошли антикоррупционную экспертизу, в 47 проектах нормативных правовых актов выявлено 136 коррупциогенных факторов, которые устранены в ходе работы над проектами.

Анализ информации, представленной государственными органами, показал, что наиболее часто выявляемыми коррупциогенными факторами являются:

- широта дискреционных полномочий — отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий органов государственной власти (из должностных лиц);
- отсутствие или неполнота административных процедур — отсутствие порядка совершения органами государственной власти (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка;
- выборочное изменение объема прав — возможность необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению органов государственной власти (их должностных лиц);
- наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права, — установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям.

Институт независимой антикоррупционной экспертизы создан для усиления общественного контроля за органами власти, реализовать принцип публичности и открытости деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

На 1 января 2016 года, на территории Республики Коми аккредитованными Министерством юстиции Российской Федерации независимыми экспертами, уполномоченными на проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов на коррупциогенность, являются 11 физических лиц.

В целях исполнения федерального законодательства государственные органы Республики Коми размещают разработанные ими проекты нормативных правовых актов на своих официальных сайтах в информационно — коммуникационной сети «Интернет». Для размещения проектов нормативных правовых актов с целью проведения в отношении них антикоррупционной экспертизы независимыми экспертами, на официальных сайтах указанных органов имеются соответствующие разделы (например, «Независимая антикоррупционная экспертиза», «Проекты документов», «Общественное обсуждение проектов и независимая антикоррупционная экспертиза»).

Государственными органами Республики Коми в 2015 году на официальных сайтах в сети «Интернет» размещено 500 проектов нормативных правовых актов с целью проведения в отношении них антикоррупционной экспертизы независимыми экспертами в отношении 3 государственных органов Республики Коми (Служба Республики Коми по лицензированию, Агентство Республики Коми по туризму, Архивное агентство Республики Коми), которые в настоящее время реорганизованы путем присоединения к другим государственным органам Республики Коми.

На 15 проектов поступили заключения независимых экспертов (в 2011 году в государственные органы Республики Коми не поступило ни одного заключения от независимых экспертов, в 2012 году поступило 2 таких заключения, в 2013 году — 20 заключений, в 2014 году — 23 заключения), в 5 проектах независимыми экспертами выявлены коррупциогенные нормы. Все замечания независимых экспертов устранены в процессе работы над проектом.

Кроме того, с целью развития института независимых экспертов, привлечения их к работе над проектами нормативных правовых актов и дальнейшей плодотворной работы государственные органы Республики Коми, кроме размещения разрабатываемых ими проектов нормативных правовых актов на своих официальных сайтах, направляют независимым экспертам посредством электронной почты уведомления о размещенных ими на сайтах проектах нормативных правовых актов.

Литература:

1. О проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов Правительства Республики Коми и проектов нормативных правовых актов Правительства Республики Коми: постановление Правительства РК от 02.02.2016 № 39 // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. — 01.03.2016. — № 3. — Ст. 37.
2. Официальный сайт Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Коми // <http://to11.minust.ru/node/153245>

Таким образом, государственными органами Республики Коми реализуются положения федерального законодательства о проведении независимой антикоррупционной экспертизы.

Государственные органы Республики Коми, являющиеся инициаторами проектов нормативных правовых актов Республики Коми, до внесения их на рассмотрение Главе Республики Коми или в Правительство Республики Коми направляют такие проекты в Прокуратуру Республики Коми.

В 2015 году в органы прокуратуры государственными органами Республики Коми направлено около 280 актов и около 270 проектов.

По результатам рассмотрения проектов нормативных правовых актов Прокуратура Республики Коми направляет в государственные органы Республики Коми — инициаторам проектов замечания и предложения, выработанные в ходе рассмотрения проектов.

Замечания, полученные по результатам рассмотрения органами прокуратуры проектов муниципальных нормативных правовых актов, рассматриваются разработчиками актов и учитываются в ходе работы над проектами.

Таким образом, на этапе работы над проектом нормативного правового акта удается устранить нормы, противоречащие законодательству и содержащие коррупциогенные факторы, что исключает в последующем внесение актов прокурорского реагирования в этой части.

Теория разделения властей в учениях отечественных авторов

Скоробогатов Виктор Владимирович, студент

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Появление идеи и воззрений на государственную власть как на триединство ветвей власти обусловлено влиянием определенных социально-экономических факторов, которые были продиктованы духом времени и потребностями народов. Так случилось исторически, что соответствующие условия возникли в России значительно позже, чем в странах Западной Европы. Соответственно, и теоретическое обоснование теории властей в работах отечественных философов и юристов получило свое развитие

значительно позже, чем это имело место быть в западных странах.

Одним из первых, кто выдвинул идею разделения государственной власти, был М. М. Сперанский, великий отечественный реформатор, государственный деятель. В своем «Введении к уложению государственных законов» ученый поднимает проблему необходимости разделения государственной власти, однако принципы и идеи, выдвинутые реформатором, значительно отличались от воззрений дея-

телей эпохи Просвещения, а в определенных положениях противоречили самому принципу и целям разделения власти. Так, например, Сперанский утверждает, что главенствующая роль в системе должна принадлежать именно исполнительной власти, а не законодательной. Философ шел дальше в ограничении законодательной власти: согласно его воззрениям, нецелесообразно наделять законодательную власть правом законодательной инициативы ввиду ряда причин, в том числе проволочек и неспособности парламента быстро и скоординировано действовать. Право инициации закона, по Сперанскому, должно принадлежать исключительно исполнительной власти. Кроме того, сама законодательная функция парламента ограничивалась автором.

Философ строго определял сферу объектов и сами нормативные правовые акты, которые была правомочна принимать законодательная власть. Что касается судебной власти, то в этом случае реформатор не рассматривал ее как отдельную ветвь. Согласно Сперанскому, исполнительная власть фактически сливалась с судебной: именно правительство делегировало третейским судьям определенные полномочия. Более того, исполнительная власть должна контролировать и обеспечивать единство судебного процесса. Иными словами, мы видим прямое вмешательство исполнительной власти в деятельность судебной, что в корне противоречит самому принципу разделения властей.

Таким образом, проанализировав труд М. М. Сперанского, мы можем прийти к выводу, что содержание и сама концепция философа в малой степени способствуют достижению главной цели теории разделения властей. Фактически автор, признавая безусловное превосходство «державной власти» над остальными ветвями, признает невозможность существования равноправных органов государственной власти, способных эффективно сдерживать друг друга с целью предотвращения узурпации власти. Однако такое толкование самой теории объясняется, прежде всего, все теми же условиями, при которых творил реформатор. В рамках абсолютной монархии, предполагающей жесткое сосредоточение государственной власти в одних руках, в условиях неразвитости класса буржуазии философ едва ли мог выдвинуть идеи, которые бы подрывали самодержавие Императора. В то время в России еще не наступили те условия, при которых возможна была как теоретическая разработка вопроса разделения власти, так и ее практическое применение. Возможно, именно поэтому работа М. М. Сперанского носила довольно реакционный характер.

Однако, с течением времени политико-правовая мысль не стояла на месте. В процессе проведения ряда реформ у населения формировались новые идеи и воззрения на государство и государственную власть. И уже к концу XIX — началу XX века значительное число философов и ученых задумывались над проблемой необходимости разделения власти. Так, в ходе своей деятельности этот вопрос был рассмотрен Коркуновым Н. М., Шершеневичем Г. Ф. и др.

Я хотел бы подробно остановиться на деятельности и идеях другого отечественного юриста, А. С. Алексеева, подробно рассмотревшего роль исполнительной власти и монарха в системе разделения властей. В своей работе «Безответственность монарха и ответственность правительства» автор поднимает вопрос о значении и месте монарха и правительства, а также их взаимодействии с законодательной властью. Если детально изучить указанную работу и провести параллели с современной моделью разделения властей, то мы можем заметить, что автор объясняет правовое положение той или иной ветви власти, а также выдвигает ряд эффективных мер, направленных на совершенствование функционирования органов государственной власти.

Для определения положения той или иной ветви власти в системе разделения властей философ разделял государство абсолютной монархии и правовое государство. Так, в абсолютной монархии исполнительная власть, то есть министры, объединялись подчинением монарху, тогда как в правовом государстве их деятельность объединялась общими политическими принципами и исполнением правительственных функций. И здесь наблюдается важное разделение в правовом и фактическом положении исполнительной власти в зависимости от формы государства.

Сначала рассмотрим соотношение властей с точки зрения А. С. Алексеева в правовом государстве. Прежде всего, пишет философ, для эффективного и фактического осуществления воли народа необходима согласованность правительства и органа народного представительства. Правительство по самой своей природе является слугой народа, деятельность которого хоть и не ограничивается только лишь непосредственным исполнением закона, но им безусловно связана. Соответственно, чтобы определить эту самую волю народа, необходим орган, который бы мог представлять народ, и деятельность которого была бы направлена на своеобразный постоянный контроль исполнительной власти, на надзор за тем, как эта власть исполняет волю народа.

Такую функцию, по мнению Алексеева, выполняет парламент. Фактически вся деятельность парламента сосредотачивается на контроле деятельности и, при необходимости, сдерживании исполнительной власти. Для этого, констатирует автор, в распоряжении у законодательной власти находится ряд рычагов, таких как: права изменения состава и роспуска Совета Министров, контроль бюджета и др.

Куда большую компетенцию Алексеев вверяет исполнительной власти. По его мнению, именно от деятельности министерств зависит благополучие и стабильность государства. А обеспечить такое эффективное функционирование исполнительной власти возможно только при наличии определенных условий: строгого исполнения законов, согласованной деятельности, профессионализма аппарата, единства политического курса парламента и правительства и т. д.

Кроме того, подчеркивает автор, правительство и парламент оказывают значительное взаимное влияние друг

на друга. Во-первых, так как парламент играет решающую роль при формировании правительства, он несет ответственность за деятельность исполнительной власти непосредственно перед народом, и выборы, таким образом, являются наиболее ярким показателем результативности деятельности правительства и одобрения или осуждения народом выбранного исполнительной властью вектора развития государства. Однако, как не парадоксально, именно в выборах философ видит проблему того, что народ неформально непосредственно избирает правительство путем избрания определенных лиц, которых он хочет видеть в составе правительства, в парламент. Необходимо отметить, что такое положение дел характерно исключительно для парламентских государств, где члены парламента могут войти в правительство. Таким образом, юрист констатирует, с одной стороны, значительную необходимость взаимодействия законодательной и исполнительной власти, а с другой, признает факт потери влияния парламента в ряде государств по объективным причинам.

Интересны также те идеи Алексеева, которые он сформировал по поводу места и роли монарха в системе разделения властей. Сразу же необходимо признать, что, несмотря на факт опубликования работы еще в начале прошлого века, взгляды автора на рассматриваемый вопрос автора являются весьма актуальными, особенно его воззрения на монарха, так как в них мы можем четко наблюдать черты правового и фактического положения современного президента в системе разделения властей. Функции, которые философ отводит монарху, во многом совпадают, в частности, с функциями и полномочиями Президента в Российской Федерации. Так, например, именно монарху принадлежит право формирования правительства, состав которого одобряется парламентом.

Кроме того, Алексеев подчеркивает обязательность взаимодействия монарха и парламента для эффективного осуществления государственной власти, а такое взаимодействие в первую очередь обуславливает единение монарха с народом, направленность его деятельности на благо последнего. В связи с этим, на первый план в благополучном государстве с монархической формой правления и действенным государственным аппаратом автор выводит принцип «Und der König absolut, wenn er unserem Willen tut» [1, с. 45].

Далее автор декларирует необходимость согласования с парламентом воли монарха по поводу увольнения министров. И так как фактически законодательная власть является выразителем воли народа, то, по сути, монарх та-

ким образом при совершении определенных изменений в составе исполнительной власти согласовывает свои действия с волей народа. Философ также характеризует деятельность монарха как функцию определенного медиатора в отношениях между правительством и парламентом, который, по мнению автора, призван интегрировать работу этих органов власти, способствовать достижению наибольшей эффективности в сотрудничестве между ветвями власти. Так, при возникновении значительного конфликта между двумя ветвями монарх, руководствуясь, в том числе, мнением народа, решает либо распустить парламент, либо отправить в отставку действующее правительство.

В итоге, исследовав российское конституционное законодательство, мы можем прийти к выводу, что полномочия и функции Президента во многом совпадают с моделью положения монарха, описанной А. С. Алексеевым, и, следовательно, автор дает ответ на вопрос о месте Президента (а в работе Алексеева — монарха) в системе разделения властей: Президенту (монарху) принадлежит интегративная функция, которая выражается в урегулировании порядка взаимодействия и отношений между различными ветвями власти. Президент, с одной стороны, выступая выразителем воли народа, а с другой, действуя с точки зрения рациональности и наибольшей целесообразности, обеспечивает в государстве стабильность и предотвращает таким образом конституционные кризисы.

Помимо этого, монарх, по Алексееву, также наделяется законодательными функциями, хотя и весьма ограниченными. Упоминается принцип контрастирования, однако здесь выделяется исключение, которое заключается в обладании контрастирующим министром правом отказа монарху в том случае, если акт не соответствует действующему законодательству или является, с точки зрения министра, нецелесообразным. Причем законодательную инициативу монарха философ жестко ограничивает вопросами, освобожденными от того или иного политического интереса, служащими непосредственной пользе государству (внешняя политика, целостность государства, эффективное взаимодействие органов государственной власти и др.).

Таким образом, изучив работы отечественных философов и юристов, мы можем констатировать тот факт, что ими была внесена значительная лепта в понимание и совершенствование системы разделения государственной власти, а также были выдвинуты идеи, которые носят актуальный характер и сегодня, будучи использованными в конституционном строительстве многих государств.

Литература:

1. Алебастрова И. Л. Правительства стран Восточной Европы постсоциалистического периода в системе разделения властей: конституционные модели. // Исполнительная власть: сравнительно-правовое исследование. — Сб.: М., 1995. — С. 91–107.
2. Алиев Сурхай Акпер оглы. Конституционные основы разделения властей и становления парламентаризма в Турции: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. — М., 1994. — 24 с.

3. Баглай М. В. Правовое государство: от идеи к практике. // Коммунист. — 1989. — № 6.
4. Алексеев А. С. Безответственность монарха и ответственность правительства. — М., 1907.
5. Гоббс Томас. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского; пер. с англ. А. Ческис. — М.: Государственное социально-экономическое издательство. — 1936. — 503 с.
6. Локк Джон. Два трактата о правлении; пер. с англ. Е. С. Лагутина и Ю. В. Семенова. — М., Челябинск: Социум, 2014. — 494 с.
7. Лубенченко К. О разделении властей и проблемах Российской государственности. — М., 1992. — 8 с.
8. Медушевский А. Н. Конституционные проекты России и их западные источники. // Мир России. — Т. 5. — № 1 — С. 154–194.
9. Монтескьё Ш. Л. О Духе Законов. — М.: Мысль, 1999. — 672 с.
10. Радченко В. И. Президент Российской Федерации в системе разделения властей: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. — Саратов: 1995. — 19 с.
11. Энтин Л. М. Разделение властей: опыт современных государств. — М.: Юрид. лит., 1995. — 176 с.
12. Конституция Российской Федерации. // Российская газета. 25 декабря 1993 года.

Особенности криминологических показателей экологической преступности

Уляшов Алексей Алексеевич, магистрант
Югорский государственный университет

Согласно Указу Президента РФ от 5 января 2016 г. № 7 [2], 2017 год в России объявлен годом экологии, особая важность которого обусловлена ежегодным стремительным ухудшением угрожающей человеческому здоровью ситуации в стране. Экологические проблемы возникают вследствие растущей интенсивности эксплуатации природных ресурсов как негативной стороны научно-технической революции: производственные выбросы вызывают закисление атмосферы, что влечет за собой стремительное загрязнение почвы и воды, оказывая при этом пагубное влияние на сельскохозяйственную деятельность.

Длительное время общественность считала социальной нормой действия или бездействия, причинявшие огромный вред здоровью людей и проявлявшиеся в варварском природопользовании, крупномасштабном загрязнении окружающей среды, совершаемые крупными предпринимателями. Но постепенно обществом стала осознаваться острота экологических проблем: научные публикации, протесты населения, создание общественно-политических движений экологических активистов [6] — всё это привело к изменению законодательства об охране окружающей среды. В частности, принятый в 1996 году Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) содержит термин «экологические преступления» [1]: они описаны в 26 главе, со ст. 246 по ст. 262, и предусматривают свыше 30 составов преступлений.

К числу экологических преступлений относятся общественно опасные деяния, которые посягают на общественную экологическую безопасность, экологический правопорядок и здоровье населения. В их числе можно выделить: ст. 246 УК РФ — нарушение правил охраны окружающей

среды при производстве работ; ст. 247 УК РФ — нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов; ст. 250 УК РФ — загрязнение вод; ст. 251 УК РФ — загрязнение атмосферы; ст. 252 УК РФ — загрязнение морской среды; ст. 254 УК РФ — порча земли; ст. 256 УК РФ — незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов; ст. 258 УК РФ — незаконная охота; ст. 260 УК РФ — незаконная рубка лесных насаждений; ст. 261 УК РФ — уничтожение или повреждение лесных насаждений, и др. В тоже время, общественно опасные деяния, сопряженные с возможностью причинения вреда окружающей среде и здоровью человека содержатся также и в других главах кодекса, в частности: в главе 24 — ст. 215 УК — нарушение правил безопасности на объектах атомной энергии; ст. 220 УК — нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах; в главе 25 — ст. 237 УК — сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей; ст. 243 УК — уничтожение или повреждение памятников истории и культуры; ст. 245 УК — жестокое обращение с животными; в главе 34 — ст. 358 УК — экоцид, и т. д. [4].

Исходя из вышесказанного, экологическое преступление представляет собой общественно опасное, виновно совершенное деяние, состоящее в причинении вреда (или угрозе его причинения) охраняемым уголовным Законом общественным отношениям, регулирующим порядок реализации экологических прав и обязанностей всех субъектов в интересах экологического порядка и экологической безопасности.

Экологическую преступность можно рассматривать как массовое негативное социально-правовое явление,

имеющее собственные количественно-качественные характеристики и закономерности, состоящее в нарушении правовых предписаний, подпадающих под уголовно-правовой запрет в соответствии со статьями главы 26, а также иных глав УК РФ [5].

С точки зрения криминологической науки, изучающей как закономерности отдельных преступлений, индивидуального преступного поведения, так и преступности как массового преступного поведения, характеристика экологических преступлений, как и любых других отдельных преступлений, включает в себя следующие элементы:

- 1) способствующие совершению экологических преступлений причины и условия;
- 2) состояние криминологических показателей экологической преступности;
- 3) криминологическую характеристику личности преступника, совершившего противоправное деяние в сфере экологии;
- 4) меры по предупреждению экологической преступности.

Подробнее остановимся на втором элементе криминологической характеристики — показателях экологической преступности.

Криминологическая наука выделяет количественные и качественные показатели преступности, каждый из которых играет свою особую роль в ее оценке, но только во взаимосвязи друг с другом они могут выполнять свое криминологическое назначение, в том числе и при анализе экологической преступности.

Количественные показатели преступности — это объём (состояние) преступности, интенсивность (уровень) преступности, а также динамика преступности.

Качественные показатели преступности — это структура (удельный вес, география и топография преступности) и территория распространения преступности.

При проведении анализа преступности в первую очередь оценивают ее объём (состояние), определяемое общим количеством совершенных преступлений, а также числом лиц, их совершивших, на определенной территории за конкретный период времени. Например, по состоянию на 2016 год на территории Российской Федерации было совершено 23688 экологических преступлений, при этом лиц, их совершивших, было выявлено 13566 [10].

Интенсивность преступности представляет собой ее характеристику, измеряемую числом совершенных преступлений и их участников в расчете на определенную численность населения, к примеру, на 10 или на 100 тысяч жителей. Таким образом измеряется общий уровень преступности и уровень криминальной активности населения. Для определения интенсивности экологической преступности в 2016 году в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре воспользуемся двумя коэффициентами:

- коэффициент преступности рассчитывается исходя из количества совершенных (зарегистрированных) преступлений на определенной территории

на 100000 человек в отношении к численности активного населения. Численность активного населения в 2016 году в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре составила 1028804 [11], зарегистрированных экологических преступлений — 192 [10], коэффициент преступности в данном случае по Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре составил 18,66;

- коэффициент преступной активности рассчитывается исходя из количества лиц, совершивших преступления за определенный период на определенной территории (в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре за 2016 год экологические преступления совершили 71 человек [10]) на 100000 человек в отношении к численности активного населения, и равен в данном случае 6,9.

Исходя из полученных коэффициентов, делаем вывод об отсутствии интенсивности экологической преступности в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре за 2016 год.

Важное значение также имеет динамика преступности, т. е. изменение во времени. Динамика преступности определяется путем расчета таких ее характеристик, как абсолютный рост (снижение), темпы ее роста и прироста. К примеру, по состоянию на 2016 год на территории Российской Федерации было совершено 23688 экологических преступлений, а в 2015 году их было совершено 24856 [9]. В данном случае динамика преступности будет отрицательной, так как количество экологических преступлений, совершенных в России в 2016 году меньше, чем совершенных в 2015 году, на 4,7 процента.

Показатель структуры преступности определяет удельный вес тех или иных преступлений и преступников, которые называются видами преступности, в общей совокупности преступлений (преступников), взятых за 100%. К примеру, в Российской Федерации за 2016 год зарегистрировано 2160063 преступлений [10], удельный вес экологической преступности в данном случае составит 1,1% от общего числа преступлений.

География и топография также являются показателями структуры преступности. География преступности исследует проблемы пространственно-временного распределения места преступлений, места жительства преступников в мире, частях света, государствах, городах и в сельской местности. Например, чаще всего экологические преступления совершаются непосредственно в крупных городах, на особо охраняемых природных территориях, а также в местах скопления промышленных объектов.

Учеными, изучающими особенности топографии преступности, проводится анализ мест преступления. Здесь можно привести конкретный пример: в конце июля 2013 года прорыв магистрального нефтепровода произошел в Новосибирской области на участке Омск-Иркутск. Тогда в результате аварии разлились три тонны нефти. Инцидент произошел из-за проведения земляных работ [8].

Качественные показатели экологической преступности зависят от регионального фактора: из всех регистрируемых преступлений данной категории в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре по их количеству наиболее распространены следующие уголовно наказуемые деяния — незаконная рубка лесных насаждений (за 2016 год было совершено 122 преступления [10]), незаконная охота и незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (за 2016 год было совершено 20 преступлений [10]), уничтожение или повреждение лесных насаждений (за 2016 год было совершено 15 преступлений [10]) и т. д. Внутреннее содержание преступности, соотношение групп или отдельных видов преступлений, в общем их числе за определенный период времени на определенной территории, выделенных по разнообразным классифицирующим признакам, представляет собой структуру преступности. К примеру, по ряду своих существенных характеристик экологические преступления в значительной части являются одновременно и экономическими (противоправное использование природных ресурсов), насильственными (связанные с прямым нанесением вреда здоровью человека) либо корыстными (незаконная охота, рыбный промысел) преступлениями, но по своим негативным последствиям, причиняемому ущербу они почти всегда превосходят их [7].

В целях обеспечения благоприятного состояния окружающей среды и экологической безопасности на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры реализуется государственная программа автономного округа «Обеспечение экологической безопасности Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2014—

2020 годы» [3]. В рамках государственной программы реализуется 4 подпрограммы:

- регулирование качества окружающей среды в автономном округе;
- сохранение биологического разнообразия в автономном округе;
- развитие системы обращения с отходами производства и потребления в автономном округе;
- развитие водохозяйственного комплекса автономного округа.

Правительством автономного округа со всеми крупными нефтяными компаниями заключены социально-экономические соглашения о сотрудничестве, где предусмотрены меры, направленные на профилактику и снижение аварийности (замена изношенных труб), а также ликвидацию накопленного экологического ущерба (рекультивационные работы), меры по утилизации попутного нефтяного газа [12].

Таким образом, экологическая преступность представляет собой сложную систему общественно опасных, виновных, противоправных, причиняющих вред окружающей природной среде и здоровью человека деяний, запрещенных и наказуемых в соответствии с уголовным законом, посягающих на общественные отношения по охране окружающей человека природной среды и рациональному использованию природных ресурсов, включая обеспечение экологической безопасности личности, населения, общества, нации и устойчивого развития государства, экологических преступлений. Совокупность всех показателей экологической преступности даст более четкую и объективную ее оценку как на федеральном, так и на местном уровне, и будет способствовать ее предупреждению.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. О проведении в Российской Федерации Года экологии: Указ Президента РФ от 5 января 2016 г. № 7. Электронный ресурс // Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296604/#ixzz4Xc6hcFCD>
3. Государственная программа автономного округа «Обеспечение экологической безопасности Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2014—2020 годы» Электронный ресурс // Режим доступа: <http://www.prirodnadzor.admhmao.ru/programmy-v-oblasti-okhrany-okruzhayushchey-sredy/gosudarstvennaya-programma-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry/gosudarstvennaya-programma-obespechenie-ekologicheskoy-bezopasnosti-khmao-yugry-na-2014-2020/131992/programma>.
4. Жадан В. Н. Актуальные вопросы криминологической характеристики экологических преступлений // Молодой ученый. — 2013. — № 4. — С. 387—393.
5. Забавко Р. А. Экологическая криминология: учебное пособие / Р. А. Забавко. — Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2013. — 94 с 6. Криминология: практикум: учебное пособие / С. М. Иншаков и др. — М.: Юнити — Дана, 2013. — 367 с.
7. Криминология: Учебник для вузов/Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2005. — 912 с.
8. Свєрдюков Н. В. Экологические правонарушения в нефтегазовой промышленности: современные проблемы выявления и предотвращения // Пробелы в российском законодательстве. — № 5. — 2013. — С. 150—154.
9. Состояние преступности за январь-декабрь 2015 года: Электронный ресурс // Режим доступа: http://genproc.gov.ru/upload/iblock/d07/0112_2015.pdf
10. Состояние преступности за январь-декабрь 2016 года: Электронный ресурс // Режим доступа: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1612.pdf

11. Тюменьстат: официальный сайт Федеральной службы статистики. Электронный ресурс // Режим доступа: http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/resources/8d2d21804f7e35c69f24df8250d62a05/Распределение+населения+по+полу+и+возрасту.htm
12. Экология: единый официальный сайт государственных органов. Электронный ресурс // Режим доступа: <http://www.admhmao.ru/ob-okruga/obshchie-svedeniya/ekologiya/>

История зарождения и становления института государственных закупок в России

Феклистова Дарья Петровна, магистрант
Астраханский государственный университет

История развития государственного заказа в России насчитывает несколько столетий. К числу общих первых правовых законодательных актов можно отнести Указ царя Алексея Михайловича, принятого 7 июля 1654 года о подрядной цене на обеспечение доставки в город Смоленск сухарей и муки. Вполне за определенный объем доставляемого груза могла назначаться конкретная розничная цена в размере 40 копеек или 55 копеек или же 1,5 рубля. На подобных условиях фактический подрядчик обязывался отвезти хлеб в город Смоленск, при всем этом он в полной мере освобождался от государственной пошлины.

В начале XVIII в. сформировался аппарат общероссийского центрального управления государством, который подчинялся Сенату, а также действовал целый ряд канцелярий, контор и приказов. Одним из таких ведомств была Канцелярия подрядных дел, созданная в 1715 г. для управления делами по казенным подрядам и сборам недоимок с губерний.

В этот период все объявления о проводимых конкурсах могли быть вывешены на всех воротах города, для того чтобы лица, которые покидают или входят в город. Рассматриваемые вопросы продаж и поставок непосредственно курировала Канцелярия подрядных дел.

В период правления Петра I издаются несколько нормативно-правовых актов, регламентирующих заключение государственных контрактов по различным направлениям, таким как: поставка провианта и фуража, строительство казенных дорог.

В начале июня 1721 года было принято решение принять Сенатский Указ об осуществлении борьбы с ненастоящими ценами и коррупцией. С лиц, получивших слишком высокие цены и тем самым нанесших значительные убытки казне требовали переплаченные деньги и штраф.

В то время когда непосредственно возникала насущная необходимость подряда, нужно было произвести выписку билетов с фактическим указанием нанимаемого подряда, определенного времени и фактическое место, в которое обязывались прибыть соискатели данного подряда. Обычно это была канцелярия обер-комиссара от подряда и покупки.

Все билеты должны быть отправлены полицмейстеру. Одновременно шла рассылка необходимых билетов в администрации других городов.

В 1775–1776 годы была полностью проведена одна из наиболее важных радикальных реформ госуправления. Узаконенный акт, по которому осуществлялось данное реформирование, в дальнейшем получил именование «Учреждение о губерниях». Все функции проведения подобных мероприятий передавались во вновь созданную так называемую Казенную палату. Именно ей в полной мере доверялось осуществлять заключение контрактов на такие суммы как 10 000 рублей на сроки продолжительностью более 4 лет.

Важную роль в развитии института госзаказа в России сыграло «Положение о казенных подрядах и поставках» (1900–1917 гг.).

После государственного переворота 1917 г. процесс формирования отечественного законодательства о государственных закупках был повернут вспять. Декретом СНК от 21.01.1919 г. «О заготовке продовольственных продуктов» [1] был установлен прямой запрет на заготовку и провоз продуктов любым организациям, кроме государственных органов продовольствия и их контрагентов.

В начале НЭПа закон устанавливал, что заготовки льна, пушнины могли осуществлять только специальные государственные органы, а уже в феврале — апреле 1922 г. монополия на эти продукты была ликвидирована. Возникают и другие виды договоров, такие как комиссии и поставки, которые использовались с целью заготовок сельскохозяйственных продуктов и сырья для государственных нужд.

Договор контрактации отдельных видов сельскохозяйственной продукции как организационно-правовая форма закупок применялся с 1925 г. Договор контрактации существенно отличался от обычного гражданско-правового договора купли-продажи рядом специфических черт, таких как применением стимулирования за повышение урожайности сельскохозяйственных культур; авансированием товаропроизводителей деньгами; снабжением их семенами и минеральными удобрениями.

Постановлением СНК от 07.10.1929 г. «О контрактации продуктов сельского хозяйства» [2] раскрывалось содержание этого договора. В нем на хозяйство возлагалась обязанность по четкому выполнению планового государственного задания на засев определенной площади и сдачу соответствующего количества сельхозпродукции.

На протяжении 1918—1930 годов (за исключением НЭПа) закупки сельскохозяйственной продукции в государственные продовольственные фонды носили административно-командный характер, а не договорной.

В последующий советский период государственный заказ связывался только с обеспечением важных функций государства, поэтому вместо института госзаказа действовала колоссальная система Госснаба.

Торговые мероприятия могли назначаться трех конкретных видов: торги при помощи напечатанных объявлений, торги устные, и торги смешанного характера. Устные торги всегда производились в непосредственном присутствии назначенных ведомств определенных чиновников или же каких-либо депутатов, а также всех желающих принять участие в подобных мероприятиях. Фактический победитель торгов понуждался дать подписку о личном исполнении подряда на условиях, оглашенных на торгах.

При осуществлении проведения смешанных торговых мероприятий в первую очередь велся устный торг со всеми присутствующими, а после были рассмотрены все поданные или присланные при помощи почты объявления. В конечном результате могло быть выявлено конкретное лицо, которое сделало наиболее выгодное для существующей казны предложение, с которым в конце концов и заключался договор.

С того времени конкурсная система российских государственных закупок развивалась и совершенствовалась вплоть до 30-х годов XX века.

В период 1991—1992 гг. произошел крах системы Госснаба. Применявшиеся с 1992 г. на территории России Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик возродили практику регулирования поставки товаров для государственных нужд с помощью специального законодательства, действовал Закон от 28.05.1992 г. Российской Федерации «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» [3].

В 1997 году была проведена первая реформа системы госзакупок, которая стартовая изданием Указа Президента РФ от 8 апреля 1997 г. № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных

расходов при организации закупки продукции для государственных нужд» [4]. Во исполнение данного Указа и распоряжения Правительства Российской Федерации от 24 июля 1997 г. № 1047-р [5] были утверждены Методические рекомендации по проведению торгов.

Закон от 6 мая 1999 г. № 97-ФЗ «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд» был призван регулировать отношения, возникающие между организатором конкурса и поставщиками в процессе проведения конкурса на размещение заказов для государственных нужд.

В июле 2005 года законопроект был принят Государственной Думой как Федеральный закон № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

Были предусмотрены и регламентированы различные способы этой процедуры, такие как торги в форме конкурса, аукциона, в том числе в электронной форме; без проведения торгов (запрос котировок, у единственного поставщика, на товарных биржах). Закон определил единый порядок размещения заказов для государственных и муниципальных нужд.

Важную роль в развитии основ правовой защиты прав участников системы госзакупок сыграл Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [6].

27 октября 2006 года было принято Постановление Правительства РФ № 631 [7]. Согласно данному постановлению, совместные торги могут проводиться при наличии не менее чем у 2 заказчиков, уполномоченных органов потребности в одноименных товарах, одноименных работах, одноименных услугах.

Со временем в Российской Федерации была сформирована уникальная система размещения государственных заказов, состоящая из единого общероссийского портала (www.zakupki.gov.ru) и 5 электронных площадок, отобранных Минэкономразвития России и ФАС России по результатам конкурса.

Правительством РФ 10.03.2007 было принято Постановление № 147 о создании в стране единого общероссийского портала для информационного обеспечения государственной закупочной деятельности, что в последующем нашло отражение в Федеральном законе от 24.07.2007 № 218-ФЗ. Единый общероссийский портал (www.zakupki.gov.ru), или официальный сайт, начал работать с января 2011 года.

Литература:

1. Декреты советской власти. Т. IV. — М., 1968. — С. 302—304.
2. СЗ СССР. — 1929. — № 65. — Ст. 610.
3. Закон РФ «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» от 28.05.1992 № 2859—1 // Российская газета. — 1992. — № 148 (документ утратил силу с 1 января 1995 года).
4. Указ Президента Российской Федерации «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд» (вместе с «Положением

- об организации закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд») от 08.04.1997 № 305 // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 15. — Ст. 1756.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации «О методических рекомендациях по вопросам, связанным с организацией закупки товаров (работ, услуг) для государственных нужд» от 24.07.1997 № 1047-р // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 32. — Ст. 3814.
 6. Федеральный закон Российской Федерации «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 18.07.2011) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3434.
 7. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о взаимодействии государственных и муниципальных заказчиков, органов, уполномоченных на осуществление функций по размещению заказов для государственных или муниципальных заказчиков, при проведении совместных торгов» от 27.10.2006 № 631 (ред. от 05.10.2007) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 44. — Ст. 4602.

Сравнительный анализ европейской, американской и российской моделей становления института государственных закупок

Феклистова Дарья Петровна, магистрант
Астраханский государственный университет

При разработке Закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» некоторые идеи были заимствованы из законодательства США, прежде всего сам термин «контрактная система».

Ввиду большого значения госзакупок для развития европейской интеграции была признана необходимость включить открытие рынка госзакупок в качестве одного из ключевых элементов Программы Внутреннего рынка. Согласно ей должны были быть обеспечены условия, при которых рынок госзакупок услуг был бы открыт для европейской конкуренции, с тем чтобы поставщики услуг имели равные возможности заключать государственные контракты [1]. При заключении контрактов с иностранными организациями о поставке товаров, выполнении работ и оказании услуг государственные органы Великобритании заинтересованы и настаивают на том, чтобы в контракте содержалась оговорка о юрисдикции права Великобритании ввиду того, что судебное разбирательство по праву иностранного государства является потенциально более сложным и экономически невыгодным для британской стороны. В связи с этим в стандартных условиях контракта на выполнение государственного заказа предусмотрено, что право Великобритании имеет преимущественную силу при разрешении споров, и согласие с данными условиями является весьма важным при выборе поставщика.

В некоторых странах статусом государственных заказчиков наделены частные организации с государственным участием, что представляется вполне обоснованным. К числу государственных заказчиков по законодательству отдельных зарубежных стран отнесены также физические лица, например, в Белоруссии и Германии [2].

В настоящее время международное законодательство о государственных закупках базируется на Типовом законе Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), а также статьях закона ЮНСИТРАЛ. Закон ЮНСИТРАЛ «О закупках товаров (работ) и услуг» регулирует методы закупок и условия их использования; процедуры торгов; основной метод закупок; обжалование.

Закупки для государственных нужд и их размещение в развитых странах происходит на основе методов: конкурсные процедуры (открытые, закрытые, двухэтапные, селективные), закупки на основе переговоров с несколькими альтернативными поставщиками, закупки в торговой сети (метод запроса котировок), закупки у единственного торгового источника.

Законодательство Великобритании регламентировано на разработанных документах, один из которых «Рекомендации по конкурсным закупкам». При Казначействе Соединенного Королевства в качестве методического и контролирующего органа действует «Центральная организация по закупкам». В каждом министерстве имеется департамент контрактной работы. Казначейство делегирует право распоряжения финансовыми средствами отраслевым министерствам. Инспектор финансов обеспечивает покрытие расходов бюджетными ассигнованиями и каждый контракт проходит его одобрение.

В Австралии и Новой Зеландии отсутствует законодательство, регулирующие закупки для государственных нужд. Однако в этих странах активно применяются конкурсные методы внедрения государственных заказов. При этом регионы пользуются автономией в рамках государственной политики закупок. Финансовый контроль над государственными финансовыми расхо-

дами осуществляется по линии Казначейства на основе законодательства.

Действующая во Франции и Бельгии схема организации государственных закупок предусматривает контроль за государственными расходами. Во Франции создаются специальные комиссии, которые выборочно проверяют контракты. Ведомства и органы местной власти формируют подразделения по закупкам, в функции которых входит заключение контрактов и контроль их исполнения.

Федеральное законодательство США формально не распространяется на деятельность отдельных штатов и местных территориальных единиц, обладающих самостоятельным бюджетом. Законодательство США регулирует деятельность органов, ответственных за информационные ресурсы по государственным закупкам. Законодательно определены полномочия и функции органов ответственных за информационные ресурсы — сбор, обработку данных по закупкам, обеспечение и управление информационной базой.

Внедрение электронных торгов в США при осуществлении государственных закупок преследует своей целью снижение затрат на выполнение закупочных процедур и резкое сокращение сроков проведения этих операций. Важными условиями применения электронных торгов, при осуществлении федеральных закупок в США, являются развитое законодательство в сфере регулирования использования Интернет — технологий, защиты информации, средств связи и т. п., а также наличие базовых стандартов безопасности применительно к компьютерным сетям. Любой желающий может получить представление об организации электронных торгов для государственных нужд в различных странах и может легко разобраться в документах, благодаря деятельности Всемирного банка. Всемирный банк взял на себя роль координатора усилий и собирателя всей информации по теме электронных государственных закупок. Всемирный банк, являясь крупнейшей в мире финансовой организацией, оказывает всестороннюю помощь в становлении систем электронной торговли государственных закупок в различных странах.

Правила закупок товаров и работ в проектах, финансируемых Всемирным банком, отражены в документе — «Руководство по закупкам по займам МБРР и кредитам МАР». Все материалы публикуются на сайте Всемирного банка. Анализ опубликованных материалов позволяет формулировать основные тенденции в построении инфраструктуры систем электронных государственных закупок, рассмотреть типовые модели и методы сопровождения такого рода систем. Из документов Всемирного банка сделан вывод, что наиболее заметные результаты в области электронных конкурсных торгов для государственных закупок получены Австралией, Мексикой, Данией, США и Канадой.

Анализ опыта информационного обеспечения государственных закупок в странах Европейского Союза показывает, что в Евросоюзе создана система наднационального законодательства и формируются информационные ре-

сурсы, призванные обеспечить процесс закупок на государственные нужды.

Зарубежный опыт может многое подсказать при построении системы российских электронных государственных закупок. Следует отметить работу по корректировке законодательства России в области госзакупок. Здесь следует выделить задачу: по корректировке нормативно-правовой базы, обслуживающей собственно процедуру государственных закупок. Создание системы электронных закупок для государственных нужд дело трудоемкое и долгое, нуждающееся в определенном планировании и выделении отдельных этапов.

В качестве первого этапа следует выбрать организацию публикации в интернете извещений о конкурсах государственных закупок и конкурсной документации. И этот опыт перенесен в нашу страну.

Американская модель государственных закупок представляет собой контрактную систему аллокации, финансовых ресурсов страны при организации закупочной деятельности, основанную на выработке единой национальной стратегии в определении структуры/заказов по рынкам товаров и услуг и НИОКР, и на конкурсном отборе эффективного поставщика: общественных благ при преимуществе административного контроля со стороны заинтересованного в реализации контракта ведомства.

Европейская (континентальная) модель государственных закупок базируется на непосредственном и конкурсном размещении денежных ресурсов государственными финансовыми ведомствами и контрактном способе аллокации финансовых средств страны в процессе организации закупочной деятельности.

В соответствии с российской моделью предпочтение отдавалось непосредственному размещению заказа на предприятиях общественного (государственного) сектора. Только в настоящее время сформирована система конкурсного размещения заказов с привлечением субъектов частного сектора экономики, при этом особая роль отводится малому предпринимательству.

Система государственных закупок, сложившаяся в экономике современной России, находится в стадии становления и нуждается в дальнейшем совершенствовании. Предпосылками повышения эффективности закупочной деятельности в условиях современной России являются: успешное проведение административной реформы; развитие бюджетного федерализма, в том числе активное применение принципов бюджетирования ориентированного на конечный результат; внедрение аудита эффективности бюджетных расходов.

Данные процессы позволяют формировать благоприятные экономические условия в экономике, а закупочная деятельность будет обеспечена адекватной для проведения открытых конкурсов средой. В этих условиях принятый новый закон в госзакупках позволяет систематизировать действующее ранее законодательство и унифицировать систему контроля за правильностью размещения государственных заказов.

Литература:

1. Постникова Е. В. Эволюция правового регулирования свободы предоставления услуг в Европейском Союзе // Международное право и международные организации. — 2012. — № 4. — С. 93–111.
2. Кичик К. В. Законодательство России о государственных (муниципальных) закупках: состояние и перспективы (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». — 2012. — № 1. — С. 6.

Предупреждение пенитенциарной преступности средствами прокурорского надзора

Хертек Арина Орлановна, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

Пенитенциарная преступность — негативное социально-правовое явление, выраженное в совершении преступлений осужденными к лишению свободы независимо от их места нахождения. Предупреждение преступности в местах лишения свободы является направлением деятельности многих государственных органов. Но, несмотря на это, пенитенциарная преступность имеет место быть. Одним из субъектов предупредительной деятельности является прокуратура. Полномочия прокурора в данной отрасли надзора определены в ряде нормативно-правовых актов, однако, по нашему мнению, учитывая специфику предмета надзора, недостаточно «сухого указания» в законе полномочий прокурора.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, средства предупреждения, прокуратура

Пенитенциарная преступность является наиболее опасной формой пенитенциарной девиантности, в связи с чем требует к себе пристального внимания и изучения, а также организации превентивных и профилактических мер. Ч. Беккариа в свое время сказал очень мудрые слова: «лучше предупреждать преступления, чем карать за них». [1, с. 230]. Данное утверждение как нельзя кстати подходит к заявленной теме.

Для раскрытия выбранной темы для начала следует определить понятие пенитенциарной преступности. В литературе встречаются различные трактовки данного понятия. Так, О. В. Старков и С. Ф. Милуков считают, что пенитенциарная преступность — это общесоциальное явление, порождаемое противоречиями общественного бытия и сознания, в сфере отбывания наказаний и проявляющееся в массе повторных преступлений, а также в возрождении противоречий этой же сферы. [2, с. 102]. Тем самым акцентируется внимание на двойственном влиянии общественного сознания на личность во время отбывания наказания.

Авторы пенитенциарной криминологии Ю. М. Антонян, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко считают, что пенитенциарную преступность составляют такие преступления, которые посягают на общественные отношения в сфере уголовных наказаний в условиях изоляции от общества, и потому круг пенитенциарных преступлений ограничивается только специфическими составами (ст. 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы или из под стражи», ст. 314 УК РФ «Уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы» и ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»).

[3, с. 51–52]. Данная трактовка, по нашему мнению, является достаточно узкой. Авторами такого определения понятия пенитенциарной преступности не принимаются во внимание иные общеуголовные преступления, совершаемые в местах лишения свободы.

О. В. Филипова, определяя пенитенциарную преступность, ограничивает территорию совершения преступлений (исправительные учреждения). [4, с. 12]. Такие авторы, как В. С. Ишигеев, И. П. Парфиненко делают акцент на субъекте данных преступлений, в качестве которого может выступать как осужденный к лишению свободы, так и лицо, находящееся в следственном изоляторе. [5, с. 8].

По нашему мнению, пенитенциарная преступность — это исторически сложившееся, объективно существующее негативное социально — правовое явление, выраженное в совершении любых уголовно — наказуемых деяний осужденными к лишению свободы независимо от их места нахождения.

Показатели пенитенциарной преступности характеризуются ростом тяжких и особо тяжких противоправных деяний. В большинстве случаев им предшествуют как затяжные, так и мгновенно возникающие конфликты либо между осужденными, либо между осужденными и сотрудниками исправительного учреждения. Кроме того, поскольку конфликты обладают временной протяженностью, то крайне важно своевременно принять меры по их предупреждению, то есть предупредить их последствия в виде совершения преступлений. Выявление конфликтных ситуаций лежит в основе предотвращения большинства преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях.

Особое внимание следует уделить тому, что пенитенциарная преступность имеет высокий удельный вес латентности, так как администрация исправительного учреждения в случае возникновения открытого противоборства всегда пытается либо урегулировать, либо разрешить ситуацию самостоятельно. Общественную огласку конфликт примет только в том случае, если этому будут способствовать различные правозащитные и общественные организации.

Единая направленность на ограничение основных конституционных (естественных) прав человека, тесная связь с лишением свободы как основным видом уголовного наказания, схожий механизм исполнения и отбывания позволяют создать единую для них форму публичного наблюдения (надзора) за их реализацией на национальном уровне — пенитенциарный надзор. [6, с. 6]

Предупреждение преступности в местах лишения свободы является направлением деятельности как органов уголовно-исполнительной системы, так и многих других. Но, несмотря на это, пенитенциарная преступность имеет место быть, следовательно, субъекты предупредительной деятельности не дорабатывают, либо меры предупреждения являются неэффективными.

Подтверждением вышесказанных слов является нашумевший случай смерти заключенного в местах лишения свободы. Информационное агентство REGNUM сообщает, что смерть наступила в результате неоказания помощи тяжело больному заключенному. В ходе проверок прокуратурой была выявлена масса нарушений. «Прокуратура установила, что администрацией ИК-1 не соблюдалась законность в части постоянного надзора за осужденными, охраны их здоровья. Не в полной мере обеспечиваются порядок отбывания наказания, требования режима, не организована воспитательная работа с осужденными, работа по выявлению, предупреждению и раскрытию готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений порядка отбывания наказания. Также вскрыт факт утери работником ИК-1 ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении». [7]

Данные нарушения субъекты предупредительной деятельности в идеале должны были выявить еще до наступления подобных тяжких последствий.

Органы прокуратуры являются одним из субъектов предупредительной деятельности. Наличие отдельного предмета прокурорского надзора за исполнением и отбыванием мер уголовного наказания позволяет выделить в рамках соответствующей отрасли прокурорского надзора самостоятельное направление — пенитенциарный надзор прокуратуры. Его предметом охватывается наблюдение за законностью деятельности администраций исправительных органов, учреждений и мест принудительной изоляции от общества, связанной с исполнением и отбыванием уголовных наказаний, предполагающих принудительную изоляцию от общества, а также иных мер принудительной изоляции от общества, назначаемых в уголовно-процессуальном порядке. Этот вид надзора имеет более узкий предмет и пределы по сравне-

нию с отраслевыми. По кругу нормативно-правовых актов он ограничивается наблюдением за исполнением и соблюдением законодательства РФ (законов и подзаконных нормативно-правовых актов, включая ведомственные), регулирующим исполнение и отбывание указанных мер, по кругу правоотношений — уголовно-процессуальными, уголовными и уголовно-исполнительными правоотношениями, возникающими в ходе деятельности администраций в связи с исполнением мер принудительной изоляции, а также различными правоотношениями, участником которых являются лица, отбывающие данные меры, в ходе пребывания в местах принудительной изоляции от общества.

Пенитенциарный надзор прокуратуры носит инициативный и комплексный характер, выражающийся в возможности прокурора восстанавливать нарушенную законность прокурорскими средствами по собственному усмотрению в оперативном порядке без инициирования сложных юридических процедур. При этом арсенал правовых возможностей прокурора включает в себя как общенадзорные правовые средства, применяемые с учетом специфики поднадзорной среды (ст. 22, 27 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации»), так и специальные, предусмотренные самим Законом о прокуратуре (ст. 33) и иным федеральным специализированным законодательством (к примеру, ст. 22, 24, 77.1 и др. УИК РФ, ст. 7, 10 и др. ФЗ РФ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»).

Однако, по нашему мнению, недостаточно сухого указания в законе полномочий прокурора. Для наиболее эффективного и плодотворного предупреждения, учитывая специфику предмета надзора, работникам прокуратуры необходимо «изнутри познать» всю систему исполнения наказания, а также разбираться в психологии и культуре осужденных. Для достижения указанной цели, предлагаем на курсах повышения квалификации работников специализированных прокуратур обучать последних пенитенциарной психологии и педагогике. Такие знания будут необходимы прокурору, в частности, при реализации таких полномочий, как опрос задержанных и осужденных, рассмотрение жалоб и ответы на них.

Также, одним из направлений повышения роли прокуратуры в предупреждении преступности является надзор со стороны за состоянием дисциплинарной практики с целью исключения необоснованной замены уголовной ответственности дисциплинарной. Как уже было отмечено выше, администрации мест лишения свободы заинтересованы в том, чтобы не привлекать большое внимание на факты нарушения прав и законных интересов осужденных, следовательно сотрудники исправительных учреждений могут не придавая общественной огласке попытаться разрешить либо урегулировать конфликт самостоятельно.

Отдельного внимания со стороны органов прокуратуры требует вопрос усиления их роли в обеспечении закона относительно переписки осужденных. Речь идет о норме, исключающей цензуру предложений, заявлений, ходатайств

и жалоб осужденных, направленных в их адрес, и ответов со стороны указанных субъектов на них.

Разрушительные последствия конфликта в целом дестабилизируют процесс исполнения уголовных наказа-

ний, поэтому правильный выбор мер предупреждения пенитенциарной преступности будет способствовать достижению наибольшей эффективности в укреплении правопорядка.

Литература:

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995.
2. Старков О. В., Милуков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001.
3. Пенитенциарная криминология: учебник / под ред. Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. Рязань, 2009.
4. Филлипова О. В. Преступность в местах лишения свободы и ее предупреждение: по материалам Республики Бурятия: автореф. дис. канд. юрид. наук. Томск, 2009.
5. Парфиненко И. П. Пенитенциарные преступления: уголовно правовая характеристика, ответственность и пути совершенствования законодательной регламентации: монография. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД РФ, 2012.
6. Воронин О. В. Предмет и пределы пенитенциарного надзора прокуратуры. Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 1.
7. <https://regnum.ru/news/accidents/2237569.html>

Арктическая стратегия Республики Корея

Холкина Юлия Александровна, магистрант;
Крипакова Александра Витальевна, магистрант
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Данная статья посвящена становлению и современному состоянию арктической политики Республики Корея, ее институциональным и нормативным основам.

Ключевые слова: арктическая политика, Республика Корея, Арктический Совет, страны-наблюдатели, Арктика

Арктический регион в конце XX — начале XXI века стал центром сосредоточения усилий многих государств, преследующих широкий круг интересов в области разведки и разработки природных ресурсов, изменения траекторий традиционных мировых транспортных коммуникаций, перераспределения товарных потоков, изучения влияния климатических трансформаций Севера на остальные регионы планеты и т. п. Причина этого не в последнюю очередь кроется в происходящей сегодня глубокой трансформации Арктики, определяющей необходимость комплексного изучения причин текущих изменений и выработки устойчивых ориентиров для развития Арктического региона в новых исторических условиях.

Сегодня интерес к Арктике выходит далеко за пределы северного полярного круга и неарктические государства пытаются занять важное место в формировании и осуществлении арктической повестки дня. Наибольший интерес в этом отношении представляют государства Северо-восточной Азии (Китай, Япония и Южная Корея), ставшие в 2013 г. странами-наблюдателями Арктического Совета и оказывающие сегодня существенное влияние на его работу.

Отправной точкой включения Южной Кореи в освоение Арктики становится 1987 год, когда при Корейском институте изучения и освоения океана создается Центр полярных исследований, который после ряда трансформа-

ций преобразуется в 2004 г. в Корейский институт полярных исследований.

Начало изучению Арктики Южной Кореей было положено через ряд односторонних и многосторонних научных исследований, проведенных в 1990-е годы, в том числе предварительные научные исследования в период между 1993 и 1995 годами и совместные исследования с Японией.

В 2001 году в Корею организован Арктический научный совет, который в свою очередь скоординировал усилия по изучению арктического региона, в том числе по исследованию потенциала морских путей. Через Совет, Южная Корея провела совместные морские исследования с Геологической службой Японии, а также отправила двух исследователей на китайском ледоколе для изучения Берингова и Чукотского морей.

В 2002 году Южная Корея начала налаживать международные связи в регионе, став членом Международного арктического научного комитета и открыв свою первую научно-исследовательскую станцию на Шпицбергене. В 2009 году было завершено строительство первого исследовательского ледокола Кореи — Араона — и состоялся первый рейс судна. С момента своего запуска, Араон продолжает проводить ежегодные научные исследования в Арктике в период с июля по август.

Существует ряд причин, побудивших Республику Корею рассматривать арктическое направление в качестве приоритетного.

Во-первых, существующие преимущества использования Северного морского пути побудили интерес Южной Кореи в развитии и модернизации арктических портов на всем его протяжении. С учетом высокого общего уровня технологического развития Южной Кореи, а также имеющегося у нее богатого опыта судостроения, в том числе специализированного, и развития портовой инфраструктуры данную сферу можно смело назвать одной из наиболее перспективных в плане сотрудничества России и Южной Кореи применительно к СМП. Крупнейшие корейские судостроительные компании (Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering, STX Offshore and Shipbuilding Company, Hyundai Heavy Industries, Samsung Heavy Industries), являясь одними из лучших на мировом рынке, воодушевлены прогнозами о растущем спросе на конструирование и строительство судов для их использования на данном направлении [1].

Во-вторых, как и все страны Северо-Восточной Азии, Республика Корея заинтересована в диверсификации источников ресурсов, в первую очередь углеводородов, и получение определенной независимости от ближневосточной нефти, доставляемой через Суэцкий канал. В то же время, интерес Южной Кореи к проблематике ресурсного освоения Арктики обуславливается ее стремлением превратить страну в региональный нефтяной распределительный узел. Чтобы стать нефтяным «хабом» (Korea Oil Hub) власти РК планируют к 2020 г. значительно увеличить ёмкость своих нефтяных хранилищ.

Применительно к формированию и нормативному закреплению арктической политики Южной Кореи необходимо отметить, что в ноябре 2012 г. Министерством земли, транспорта и морских дел этого государства был принят и опубликован политический план по деятельности в Арктике и в Антарктике [2], предусматривающий инициацию следующих направлений деятельности применительно к арктическому региону: развитие морского транспорта и инфраструктуры; расширение научно-исследовательской деятельности; увеличение политической поддержки в различных областях; сбор, анализ информации и формирование баз данных по законодательству и политике приарктических государств и т. п. Также в документе упоминается необходимость создания новых бизнес-моделей по развитию арктических маршрутов, судостроительной промышленности, освоению природных ресурсов.

В более конкретизированном виде содержание арктической стратегии Южной Кореи было определено в правительственном документе «Арктическая политика Республика Корея», принятом в 2013 г. и известном как «Мастер-план» [3]. В нем, с одной стороны, были детально перечислены органы и организации, ответственные за реализацию арктической политики Кореи, а с другой определены ее главные цели, к числу основных из которых были отнесены:

- укрепление международного сотрудничества в Арктике;
- развитие научных исследований полярной зоны;
- создание новых возможностей для бизнеса, в том числе за счет активной работы в Арктическом Совете;
- обеспечение безопасности функционирования вовлеченных в арктическую стратегию институтов, в том числе через влияние на выработку правовых условий освоения Арктики.

В «Мастер-плане» были также подробно изложены методы, при помощи которых планируется обеспечить реализацию данных целей. Так, например, для укрепления международного сотрудничества в Арктике Республика Корея планирует проводить регулярные встречи для консультаций с участниками Арктического Совета, разрабатывать планы для участия в целевых группах АС, принимать участие в совместных научно-исследовательских проектах и в работе целевых рабочих групп, повышать уровень сотрудничества со странами-наблюдателями, такими как Япония и Китай, на базе научно-исследовательской деятельности для достижения устойчивого развития Арктики и др.

Было бы преувеличением считать, что освоение Арктики в настоящее время является приоритетом внешней политики азиатских государств. Вместе с тем, изучение их арктических стратегий позволяет прийти к выводу, что активность стран СВА в Арктическом регионе направлена на последовательное решение стратегической задачи расширения их участия в решении вопросов арктической повестки дня с целью поиска дополнительных ресурсов и возможностей для эффективного решения ими общих проблем своей энергетической, транспортной, экологической безопасности, развития инновационных отраслей национальных экономик и реализации важнейших международных проектов.

Что касается формирования совместной арктической стратегии трех государств Северо-Восточной Азии, не смотря на имеющиеся противоречия в их взаимоотношениях (на прошедшем в 2016 г. в г. Владивостоке Восточном экономическом форуме Президент Республики Корея назвала сложившуюся ситуацию «Азиатским парадоксом»), уже предпринят ряд шагов в этом направлении, что вызвано в первую очередь объективной потребностью крупнейших азиатских государств в сотрудничестве друг с другом. Так, в 2012 г. начались официальные переговоры Китая, Японии и Южной Кореи о заключении трехстороннего соглашения о создании зоны свободной торговли [4], а в июне 2015 г. Китай и Южная Корея подписали такой договор на двусторонней основе [5]. На этом фоне потенциальная возможность формирования в будущем единой стратегии стран СВА по освоению Арктики уже не выглядит настолько фантастической.

Весьма велика вероятность того, что государства Северо-восточной Азии уже находятся на пороге осознания тезиса о том, что, объединив свои усилия, они будут способны

оказывать значительно более действенное влияние на принятие решений в Арктическом регионе на многосторонней или двусторонней основе по сравнению с тем, как это происходит сейчас.

Литература:

1. Страны-наблюдатели в Арктическом совете: позиция и мотивы деятельности. М.: АНО ЦСОиП. 2014. С.69. <http://gorchakovfund.ru/upload/iblock/f3c/f3c160b4b138de817e51dddd0b736e90.pdf>
2. «Appropriate political plans in point of the Arctic and Antarctic are realized» // Political briefing web portal. 2012—11—27. <http://www.korea.kr/policy/economyView.do?newsId=148753121> (in Korean)
3. Arctic Policy of the Republic of Korea http://library.arcticportal.org/1902/1/Arctic_Policy_of_the_Republic_of_Korea.pdf
4. Восточноазиатские зоны свободной торговли. <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=1250&type=news>
5. Китай и Южная Корея подписали соглашение о свободной торговле. «Южный Китай». 2015—06—01. <https://www.south-insight.com/node/1655>

Дискуссионные вопросы привлечения кредитных организаций к ответственности за нарушения банковского законодательства

Юголайнина Евгения Олеговна, студент

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

В данной статье рассматриваются дискуссионные вопросы привлечения к ответственности кредитных организаций за нарушения банковского законодательства. Автор приходит к выводу, что для устранения коллизии между финансовым и административным законодательством необходимо признать финансово-правовую ответственность самостоятельным видом юридической ответственности, исключить статьи, определяющие порядок привлечения кредитной организации к административной ответственности из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: финансово-правовая ответственность, банковское законодательство, кредитная организация, юридическая ответственность, административная ответственность

Ежегодно увеличивается количество научных работ, посвященных вопросам привлечения кредитных организаций к ответственности. Данная тема приобрела особую актуальность с момента вступления в 2002 году в силу Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, впервые закрепившего в пятнадцатой главе ответственность за правонарушения в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг.

Но, несмотря на это законодатель не только не искоренил существовавшие противоречия, но и создал новые, определив два различных порядка привлечения кредитных организаций к ответственности за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности.

Первый порядок устанавливает Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [1]; второй — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [2].

Сложившаяся ситуация порождает соответствующие противоречия между финансовым и административным законодательством.

На данный момент существующие законодательные акты не содержат единого перечня мер, применяемых к кредитным организациям. Данные меры установлены как санкциями статей КоАП РФ, так и Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации», Федеральным законом от 02.12.1990 № 395—1 «О банках и банковской деятельности» [3]. Соответственно, за одно и то же правонарушение предусмотрены различные меры наказания.

КоАП РФ в качестве меры ответственности предусматривает предупреждение и административный штраф. Согласно, ч. 2 ст. 15. 26 КоАП РФ наказание в виде предупреждения налагается за нарушение установленных Банком России нормативов и иных обязательных требований. Данный вид административного наказания выражается в официальном порицании кредитной организации и выносится в письменной форме.

По своему содержанию предупреждение обладает, прежде всего, воспитательной функцией и не влечет существенных ограничений для кредитной организации, а лишь указывает на недостатки в ее деятельности. Предупреждение не исключает применение Банком России к кредитным

организациям предупредительных мер, но так как предупреждение является основным наказанием, назначение его в дополнение к другому административному наказанию, в том числе и к административному штрафу, невозможно. Если кредитная организация в течение года со дня окончания исполнения постановления о назначении предупреждения совершит правонарушение, за которое статьей 15.26 КоАП предусмотрена административная ответственность, то к такой организации может быть применено более строгое наказание, например, штраф.

В отличие от предупреждения, административный штраф предполагает изменение материального состояния лица, поскольку является денежным взысканием, выражается в рублях и применяется к кредитным организациям по правилам, предусмотренным для юридических лиц. Суммы штрафных санкций зачисляются в федеральный бюджет и имеют конкретный размер: от десяти до пятидесяти тысяч рублей.

Как мы понимаем, данные цифры незначительны для банка и его материальное положение существенно не изменят.

Но, в соответствии с действующим законодательством, штраф к кредитной организации может быть применен и Центральным банком Российской Федерации. Согласно статье 74 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» за нарушение действующих правовых предписаний Центральный банк Российской Федерации уполномочен взыскать штраф в размере до 0,1 % минимального размера уставного капитала. В соответствии со статьей 11 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» минимальный размер уставного капитала вновь регистрируемого банка устанавливается в сумме от 90 миллионов до 300 миллионов рублей.

Проанализировав данные значения, можно сделать вывод, что меры наказания, предусмотренные специальным банковским законодательством гораздо значимее для банков, чем меры административной ответственности.

Различный порядок привлечения к ответственности, наличие противоречащих друг другу нормативных правовых актов, существенная разница в размерах штрафах за совершение одного и то же правонарушения говорит о том, что правовая природа ответственности, предусмотренной банковским законодательством не тождественна правовой природе административной ответственности. Есть все основания для признания финансово-правовой ответственности самостоятельным видом юридической ответственности.

С. В. Мирошник справедливо подчеркивает, что признание финансового права самостоятельной отраслью права, предполагает и выделение в ее составе института финансово-правового принуждения [4].

Данную точку зрения разделяет и А. А. Мусаткина, которая так же обращает внимание на специфику предмета и метода правового регулирования; наличие специаль-

ных источников; отнесение в классификаторе нормативно-правовых актов финансовой ответственности в раздел о финансовой системе; различные основания финансовой и административной ответственности; различное нормативно-правовое регулирование порядка привлечения к финансовой и административной ответственности; наличие отличного друг от друга круга субъектов, обладающих правом применять меры административной или меры финансовой ответственности [5].

С. Н. Мещерякова приходит к выводу о том, что финансово-правовые санкции, выполняя охранительную функцию, нацелены на восполнение финансовых потерь государства, принудительное выполнение финансово-правовых обязанностей, устранение противоправных состояний [6].

А. З. Арсланбекова отмечает специфику правового статуса субъектов финансово-правовой ответственности — в отличие от субъектов административной ответственности они могут как находиться, так и не находиться в организационных отношениях с органом, налагающим наказание [7].

Следует признать, что рассматриваемая проблема наиболее актуальна для практики арбитражных судов, которые на сегодняшний день полностью отвергают позицию Центрального банка Российской Федерации, и не применяют банковские штрафы как противоречащее КоАП РФ.

Одним из таких примеров является решение от 14 декабря 2012 г. Арбитражного суда Оренбургской области [8], в дальнейшем поддержанное высшими инстанциями. Суть дела заключается в том, что Банком России была проведена проверка деятельности банка «Ф», по результатам которой было предписано уплатить штраф в размере 0,1 процента минимального размера уставного капитала в сумме 300 000 рублей в соответствии со статьей 74 ФЗ Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации». С данным предписанием банк «Ф» не согласился и обратился в суд. Удовлетворяя заявленные требования, суды исходили из несоответствия предписания в оспариваемой части действующему законодательству. Допущенное банком нарушение обязательных требований, установленных Банком России, подпадает как под действие статьи 74 Федерального закона № 86-ФЗ, так и части 2 статьи 15.26 КоАП РФ.

В соответствии с п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27.01.2003 № 2 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» нормы, содержащиеся в федеральных законах и устанавливающие ответственность в сфере публичных правоотношений, не отмененные вводным Законом, подлежат применению после 30 июня 2002 г. в части, не противоречащей Кодексу. А статьей 3.5 КоАП РФ установлено, что максимальный размер административного штрафа не может превышать пределов, установленных в этой норме.

Данная практика достаточно распространена среди арбитражных судов. Соответственно ситуация сложилась таким образом, что Центральный банк России де-юре имея полномочия по привлечению кредитных организаций к ответственности, де-факто не может ими воспользоваться в полной мере.

Судебные органы, ссылаются на максимальный размер штрафа, установленный КоАП РФ, тем самым игнорируя, существующие размеры, закрепленные в Федеральном законе.

Полагаем, что ввиду вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

- вопрос преодоления имеющейся правовой коллизии между нормами административного и финансового права действительно актуален;
- для устранения данной проблемы, необходимо признать финансово-правовую ответственность самостоятельным видом юридической ответственности;
- следует внести изменения в законодательство, исключив статью, касающуюся привлечения кредитной организации к ответственности за нарушения законодательства о банках и банковской деятельности из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Литература:

1. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 279.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — 29.12.2016.
3. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 03.07.2016) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492; Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4294.
4. См.: Мирошник С. В. К вопросу об отраслевой принадлежности финансово-правовой ответственности. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 1.
5. Мусаткина А. А. О соотношении административно-правовой и финансово-правовой ответственности // Административное право и процесс. 2016. № 3. С. 36–40.
6. Мещерякова С. Н. Актуальные вопросы финансово-правовой теории: правовые санкции // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 11–13.
7. Арсланбекова А. З. Об особенностях финансово-правовых санкций // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 3 (33). С. 17–21.
8. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 14.12.2012 по делу № А47–13510/2012 // СПС «Консультант плюс».

ИСТОРИЯ

Применение и тактика боевых действий военно-транспортной авиации в годы Второй мировой войны

Ковригин Максим Сергеевич, курсант;

Шебалков Семен Юрьевич, курсант;

Анфалов Евгений Владимирович, преподаватель

Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия», филиал в г. Челябинске

В статье рассматривается применение отечественной военно-транспортной авиации в годы Второй Мировой войны. Характеризуется основной парк машин. Анализируются основные проблемы, с которыми столкнулось советское командование при проведении воздушных десантных операций, а также способы решения поставленных задач. Применение и тактика боевых действий военно-транспортной авиации оценивается на примере военных действий под Москвой и в битве за Днепр.

Ключевые слова: военно-транспортная авиация, Вторая Мировая война, битва за Москву, битва за Днепр

В довоенное время в Советском Союзе идеи использования воздушных десантов для решения оперативных и тактических задач не только разрабатывались теоретически, но и практически осуществлялись. ВВС РККА и, организационно входящие в их состав воздушно-десантные части, приобрели колоссальный опыт массированного применения воздушных десантов. В период 1930–1940 гг. выброска большого количества воздушных десантников проводилась в ходе учений и маневров в Западных военных округах. Так в сентябре 1936 года, в ходе учений в Белорусском военном округе, было десантировано более 3000 парашютистов и посадочным способом высажено свыше 8000 человек с оружием и военной техникой. Кроме того, в процессе освободительного вторжения Красной армии в Бессарабию и при содействии с Литовским правительством также были применены воздушные десанты.

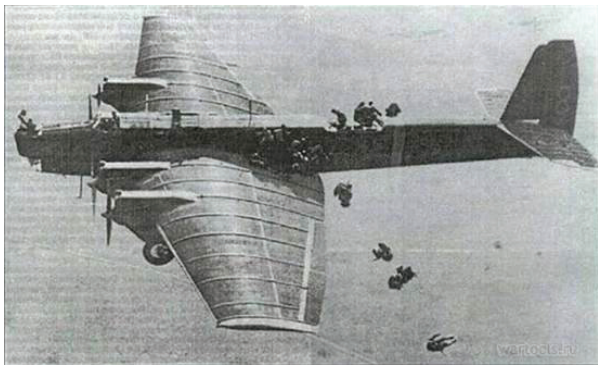

Рис. 1. Десантирование десанта с крыла самолета ТБ-3

Помимо этого, активно применялся способ транспортировки наземных войск воздушным путем.

Большой опыт использования воздушных судов для транспортировки сил и средств в непростых условиях «Европейского Севера» советские войска приобрели в ходе ведения военных действий с Финляндией в 1939–1940 гг. Для осуществления данных целей (в том числе для обучения личного состава воздушно-десантных частей) широко применялась дальняя бомбардировочная авиация и силы гражданского воздушного флота.

До войны преобладало мнение, что во время боевых действий транспортные и десантные цели могут быть выполнены силами фронтовой и дальней бомбардировочной авиации, а также гражданскими судами. Данная гипотеза притупила внимательность к необходимости в усовершенствовании военного воздушного транспорта. По этой же причине продолжительное количество времени военная транспортная авиация не выделялась из состава Военно-воздушных сил РККА как самостоятельный вид авиации. Не существовало и специализированных военно-транспортных самолетов.

Для осуществления транспортно-десантных задач до Великой Отечественной войны использовались самолеты, стоящие на вооружении Военно-воздушных сил: ТБ-1, ТБ-3, ДБ-3, а также воздушные суда гражданского воздушного флота: Г-1, Г-2. С конца 1939 года Аэрофлот получил ПС-84 (выпускающийся по лицензии DC-3), который позже стал именоваться Ли-2.

Наиболее массово для этих целей из машин ВВС применялся тяжелый бомбардировщик ТБ-3. Из его особенностей стоит отметить, что он мог перевозить до двадцати пассажиров или до двух тонн груза на дистанцию до 2400 километров. И хотя ТБ-3, обладал недостаточной скоростью и экономичностью, он был незаменим в транспорти-

ровке больших и массивных военных грузов под с креплением их под фюзеляжем. При использовании посадочного способа транспортировки он мог перевозить легкую военную технику Сухопутных войск.

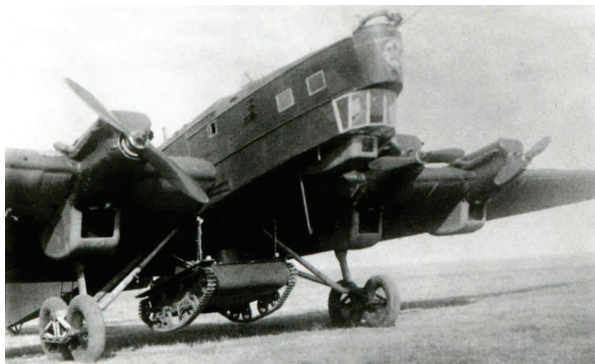

Рис. 2. ТБ-3 с закрепленным на наружной подвеске плавающим танком Т-37

ПС-84 хотя и считался транспортным самолетом, но он обладал ограниченными возможностями для десантирования: Узкая дверь позволяла десантировать парашютистов с оружием в один поток, на борту отсутствовали лебедки и приспособления для механического сброса парашютно-десантных мешков. Это все приводило к большому рассеиванию десанта и грузов. В дово-

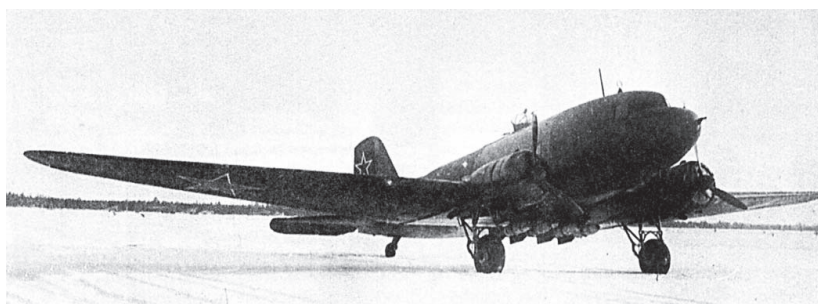

Рис. 3. Ли-2 в варианте ночного бомбардировщика (Ли-2НБ)

Наблюдался некоторый дисбаланс между потенциальными возможностями воздушно-десантных частей, которые насчитывали в начале войны пять корпусов суммарной численностью около 200 тысяч служащих, и возможностями Военно-воздушных сил по их высадке различными способами.

В ходе военных действий, для того чтобы поставленные задачи по транспортировке и десантированию сил и средств были выполнены, применялись авиационные соединения и части различных родов ВВС. Из общего количества самолето-вылетов нашей авиации на долю транспортно-десантных задач пришлось более 31 %. [4] Но наибольшее число задач было осуществлено силами гражданского воздушного флота (ГВФ).

Еще в 1941 г. из территориальных отделений ГВФ были созданы шесть специальных авиагрупп ГВФ и три авиаотряда обеспечения действий флотов. Авиагруппы оперативно подчинялись командующим фронтам. С конца весны 1942 г. гражданский воздушный флот был переведен в не-

енный период были произведены испытания технических средств для производства ПС-84 в десантной версии, которая бы позволяла производить внутреннюю загрузку 45-мм и 76-мм пушки, мотоциклов и прочей военной техники. Военные действия помешали осуществлению поставленных ранее задач.

Изначально парк самолетов, непосредственно используемый для осуществления транспортно-десантных задач, располагал общим подъемом груза 1640 т., а боеготовность авиапарка составляла 80 %. Исходя из этих цифр, такой самолетный парк был способен максимально обеспечивать существующие нужды ВВС РККА.

Но начавшаяся Великая Отечественная война привнесла свои коррективы. Значительные потери машин бомбардировочной авиации в самом начале боевых действий почти не дали возможности применять их для осуществления транспортных целей. Тем более что с лета 1942 года транспортный самолет ПС-84 стал использоваться преимущественно как «ночной бомбардировщик». Часть полков ТБ-3 были перевооружены на ПС-84. И только в малом числе самолет находился в «Московской авиагруппе особого назначения» (зимой 1942 г.), и ближе к концу 1943 года незначительное количество машин называвшихся уже Ли-2 было передано в распоряжение воздушно-десантных войск. [1]

посредственное подчинение заместителю Наркома обороны по авиации — командующему ВВС Красной Армии. В это же время были сформированы отдельные полки ГВФ, а на базе Московской авиагруппы — 1-я авиадивизия двухполкового состава. Полк ГВФ состояли из транспортно-бомбардировочных, санитарных эскадрилий и эскадрилий связи. В различные периоды войны в составе военно-транспортных сил авиации насчитывалось до 2500 воздушных судов, из них 200—300 транспортных.

Помимо самолетов для транспортировки грузов и личного состава, на вооружении ВВС стояли грузовые и десантные планеры. Но широкого применения в ходе войны они не получили.

К концу 1942 года наша авиационная промышленность ежемесячно стала выпускать 50—65 штук Ли-2. Количество транспортных машин в ВВС Советской Армии и подразделениях гражданского воздушного флота начало стабильно увеличиваться.

В летных школах ГВФ организовали обучение экипажей на Ли-2. В период с конца 1941 года по весну 1942 года было обучено около 500 летчиков, более 300 бортмехаников, а также 300 бортовых радистов. Подготовка такого количества специалистов дала возможность в начале весны 1942 г. создать первую авиационную дивизию на самолетах ПС-84. [5] А получение с лета 1942 г. по ленд-лизу военного варианта DC-3 — транспортного самолета С-47, обладающего более высокими летно-техническими и транспортными возможностями, чем ПС-84, стало возможным перейти к проведению крупных десантных операций и решению масштабных задач.

Во время Великой Отечественной войны советской военной авиацией приобретен значительный опыт использования воздушного десантирования для различных географических условий: начиная Москвой и заканчивая Дальним Востоком. В условиях реальных военных действий был развит довоенный опыт учений и маневров, были практически отработаны и закреплены тактика использования транспортной авиации для введения воздушно-десантных войск в бой. Однако стоит отметить, что машины были задействованы в боях не так, как предполагалось раньше. Причина этого — недостаток транспортно-грузовых самолетов. Общее число десантных операций под руководством советского командования составило около 40 высадок, преимущественно тактического назначения.

В начальном этапе войны нехватка транспортных самолетов послужило главной причиной неудач в ходе десантирования войск в период контрнаступления советских войск под Москвой в начале 1942 г.

В начале января 1942 г., в ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции создалась обстановка, позволяющая Красной Армии окружить и уничтожить часть сил немецкой группы армии «Центр». Для того чтобы содействовать наступающим войскам Калининского фронта и окружить противника, было принято решение выбросить несколько воздушных десантов из состава 4-го воздушно-десантного корпуса в районе Вязьмы. Десантирование выполнялось с аэродрома Внуково, хорошо прикрытого столичной ПВО, что позволило исключить потери авиации на аэродроме. Десант в составе воздушно-десантной бригады и стрелкового полка были высажены ночью в тыл немецких войск южнее Вязьмы. Причем стрелковый полк был высажен посадочным способом. Задача десантом была выполнена.

К концу января было принято решение посадить еще один, более крупный воздушный десант в район деревни Озеречья. Но ввиду недостаточного количества транспортных самолетов десантирование частей воздушно-десантного корпуса производилось поочередно. В итоге за пять суток в период с конца января — начало февраля смогло высадиться примерно 2500 легковооруженных десантников. Недостаточное осуществление прикрытия маршрутов полетов транспортно-грузовой авиации и местности высадки десанта привели к большим потерям само-

летов. Десантирование было приостановлено по причине изменившихся условий. [2].

В последующем в районе Вязьмы обстановка для советских войск ухудшилась, окружить немцев не удалось. Советское командование, сделав выводы из предыдущих просчетов, решило высадить главные силы 4-го воздушно-десантного корпуса западнее Юхнова с задачей перекрыть пути снабжения противника и в последующем соединиться с главными силами остановившейся 50-й армии. Высадка происходила в ночное время. За шесть суток было высажено 7373 человека с более 1500 мешков с боеприпасами, вооружением и продовольствием. Вместе с тем, большая протяженность района выброски войск привела в результате к значительному рассредоточению сил десанта. Растянутая по времени высадка не могла обеспечить необходимую скрытности и внезапность действий десанта. Ввиду этого, десантирование проводилось при активном противодействии немцев, как в воздухе, так и на земле. Все это привело к тому, что десант понес потери и выполнил лишь ближайшую тактическую задачу. Организация десантных операций требовала дальнейшего совершенствования.

С учетом неудач прошедших операций, командование ВДВ предложило создать специальный авиакорпус ВДВ и передать ему все оставшиеся ТБ-3 для того, чтобы иметь собственный заранее обученный и оборудованный парк транспортной авиации. Опыт проведенных операций показал, что район десантирования должен выбираться не ближе 150 км от линии фронта и, по возможности, вдали от крупных населенных пунктов. Необходимо максимально сократить время нахождения самолетов на аэродромах посадки десанта. Эти и другие выводы были направлены в войска в виде проекта Инструкции по применению ВДВ.

Еще одной значительной воздушно-десантной операцией в годы Великой Отечественной войны считается Днепровская воздушно-десантная операция, осуществленная советским командованием для оказания помощи войскам Воронежского фронта в форсировании Днепра осенью 1943 г. Для захвата плацдармов на правом берегу реки было решено выбросить воздушный десант в Букринской излучине Днепра.

Для высадки 3-х воздушно-десантных бригад общей численностью в 10 тысяч человек было выделено более 200 самолетов и планеров из состава 5-й, 6-й, 7–7 авиакорпусов АДД, 1-й атд ГВФ. Силы авиации сводились в оперативную группу под командованием заместителя командующего АДД. Это придавало уверенность командованию в возможности осуществить выброску войск в течение двух ночей. Стоит отметить, что и здесь при составлении плана подготовки к операции были допущены серьезные просчеты и ошибки. Поспешно осуществленное планирование операции без привлечения к нему командования воздушно-десантными корпусом, сокращение сроков подготовки к высадке сказалось на уровне управления действиями сил операции. Кроме значительных сложностей ввиду недостатка времени, предоставленного для осуще-

ствления подготовки к высадке, на качество подготовки влияли и медленное сосредоточение авиапарка в исходном районе для посадки десанта, и недостаточная организация заправки их топливом, и слабое штурманское обеспечение предстоящих действий. А неудовлетворительная разведка района высадки и полосы действия десанта, не установившая выход в этот район значительных сил немцев (до 5 дивизий), привела к тому, что противник упредил действия наших войск и вся операция изначально была обречена.

За одну ночь с 24 на 25 сентября 1943 г., в сложных метеоусловиях, была почти полностью десантирована 3-я воздушно-десантная бригада и часть сил 5-й воздушно-десантной бригады суммарной численностью около 4600 человек. Но из-за сильного зенитного огня немцев высадка десанта проводилась с больших высот (2000 м) чем планировалось (600 м) и с большей полетной скорости. В результате десантники были разбросаны на обширной территории (полоса высадки превышала 60 км) мелкими группами. Ввиду ошибок в навигации экипажи часть десанта высадили на своей территории или прямо в Днепр. Но основные силы десанта оказались в расположении вражеских войск и понесли большие потери. После потери связи с бригадами дальнейшее проведение десантной операции было прекращено.

Одной из главных причин низкого уровня организации этой воздушно-десантной операции была, прежде всего, ее неудовлетворительное штурманское обеспечение, организованное без использования наземных средств обеспечения самолетовождения и прицеливания.

Транспортная авиация широко применялась для снабжения и связи с партизанскими формированиями в тылу врага, оказывала помощь войскам и населению в осажденных и блокированных городах, эвакуировала раненых и больных в течение всего хода Великой Отечественной войны.

Значительную роль в войне с фашистской Германией сыграли тактические десанты и диверсионные группы, деятельность которых осуществлялась благодаря транспортно-грузовой авиации. Наиболее часто тактические десанты применялись в начальный период войны, когда велись на-

пряженные бои. Для десантирования применялись транспортные и ночные бомбардировочные части фронтовой и дальней авиации, а также части ГВФ.

Свое применение нашлось и у тактических воздушных десантов в войне с Японией в августе 1945 г. В период с 18 по 27 августа советское командование применило 19 воздушных десантов численностью от 35 до 250 человек. В Маньчжурии, во время так называемого советского «блицкрига», большая часть войск десантировалась посадочным способом на аэродромы крупных городов. В ходе наступательных операций на Южном Сахалине и островах Курильской гряды также высаживались воздушные десанты [3].

Высадка (выброска) десантов производилась днем авиацией из боевых порядков или одиночными самолетами с истребительным прикрытием. Глубина десантирования составляла от 150 до 600 км. Высадке предшествовала тщательная воздушная разведка. Управление осуществлялось штабом воздушной армии. Кроме того, при высадке советских солдат японскими войсками чаще всего сопротивление не оказывалось.

Опыт десантирования воздушных десантов в боевых условиях, приобретенный советскими ВВС в годы Второй мировой войны, расширил сферу применения авиации как оперативного средства командования фронтов для решения задач во фронтовой и армейской операциях. Полученный в эти годы опыт имел смысл только при наличии мощной военно-транспортной авиации с хорошо подготовленным к выполнению задач десантирования летным составом и подразделений обеспечения.

В 1946 году была создана военно-транспортная авиация как авиационное объединение в составе Воздушно-десантных войск — Десантно-транспортная авиация ВДВ. И лишь к лету 1955 года все транспортные авиационные части, в том числе и ДТА ВДВ были объединены в Военно-транспортную авиацию как отдельного вида Военно-воздушных сил. Это объединение обеспечило возможности осуществления более гибкого централизованного руководства ВТА как средства Верховного Главного Командования.

Литература:

1. Дрогозов И. Г. Воздушный щит Страны советов. — Минск: Харвест, 2002. — 441 с.
2. Военно-транспортная авиация в годы Великой Отечественной войны / Сайт выпускников Балашовского ВВАУЛ 1984—1988 [Электронный ресурс]. — http://бвваул-88.рф/publ/aviacija/voenno_transportnaja_avijacija.
3. Корнюхин В. В. Авиация Второй мировой войны. — М.: Русич, 2001. — 128 с.
4. Развитие тактики родов авиации в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. — ВВИА им. проф. Н. Е. Жуковского, 1969.
5. Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. — М.: Вече, 2001. — 521 с.

Dialogue of cultures at the card table. Study of social and cultural history of playing cards in Asia, Europe and Russia

Kozhukhar Andrei Igorevich, candidate of sciences in history, lecturer
Irkutsk State Medical University

Кожухарь Андрей Игоревич, кандидат исторических наук, преподаватель
Иркутский государственный медицинский университет

In the process of their historical development in the East and then in Europe, and in Russia playing cards gained a number of important social and cultural functions. They reflected social structure, served as a channel of communication, as an object of decorative art, and as a marker of marginal parts of society. Also there was an economic function related to state monopolization of playing cards production and sales. These functions transformed with the transition of playing cards from one area of existence to another, reflecting the evolution of society and culture.

Keywords: *playing cards, Asia, Europe, Russia, social structure, communications, arts and crafts, state monopoly, marginal elements of society*

Introduction. Since their appearance in the late 10th century in the Far East, playing cards took a long way through space and time, changing accordingly to new circumstances. Getting into the different environment, while travelling from China to India, from the Middle East to Europe, and then to Russia and Siberia, they each time accepted a new form, reflecting the structure and features of different societies and cultures. Analyzing this whole way of changing, we can distinguish how several important functions of playing cards were performed. The chief sources for the examples, informative enough to support the analysis, are the museum and library collections from all over the world.

Reflection of social structure by playing cards. The composition of playing cards deck always reflected the specificity of hierarchy of that society where the particular type of deck was invented or adapted from another culture. Sometimes borrowed foreign versions were slightly changed, and sometimes they were completely transformed. For Chinese and Japanese early versions of playing cards this function is under discussion. Partially they seem to be related to social structure, but it could not be told for sure, if that relation appeared initially or developed later. Also, it is difficult to date correctly the appearance of those card games themselves. However, in China a board game still exists, which is named Xiangqi and goes back, probably, to Indian Chaturanga (ancestor of chess), and this Xiangqi game has card version as well. Suits in this deck differ by colors, and cards rated by equivalence to bureaucratic and military ranks [15]. Thus, social hierarchy is reflected by Xiangqi deck. One more type of early Oriental playing cards developed from old Japanese traditional aristocratic time-spending and became known as Uta-garuta, or “Song Cards” [25, c. 78–113]. Cards of this deck bear miniatures of scenes from famous poems and quotes from them. Players should show their knowledge in classic poetry and match the fragments in pairs. So far, this is not just a game, but also an intellectual riddle for educated people, which could as well serve for learning. Initially, for this game pearly shell valves or wooden pieces were used, but after the Portuguese brought to Japan European playing

cards in the 16th century, paper decks came into use also for local traditional games, and they are still produced. In the Library of Congress there is a photo of 1925 depicting Japanese girls playing Uta-garuta (Library of Congress, Inv. LC-B2–3578–4 [P&P]), and there is a similar photo in the collection of the Museum of Fine Arts, Boston (Museum of Fine Arts, Boston, Inv. 2002.17705). Both photos shows, that learning this game was a part of home education for girls from noble families. At the same time, some pictures reflects, that women of lower social position preferred another type of playing cards developed later, so-called “Flower Cards” — for example, “Prostitutes Playing Flower Cards” (1913) (The National Museum of Modern Art, Kyoto, Inv. J00174). These cards appeared in Japan under the name Hanafuda, and then they were brought to Korea, where became known as Hwatu. They got name “Flower Cards”, because 12 suits in the deck, having 4 cards in each, correspond with calendar and have plants as their symbols [Ibid, c. 114–139]. However, without special research of this aspect, it could only be supposed that preference of any social group for a certain type of game or kind of deck was a steady trend. But that allows discussing the possibility of reflecting social structure not only through the composition of deck, but also by the choice of game type.

Function of reflecting social structure more clearly appeared during the Middle-Eastern period of playing cards evolution. It seems, that cards came to this region from China (where to the 12th century they were already in common use [27, c. 641]), following geopolitical transformations of the 11–13th centuries, particularly the Seljuks’s conquests and later the Mongolian Empire expansion [9, p. 42]. As a result of those changes the whole Asia became cross-linked with active intercultural contacts. Probably, in this time playing cards were brought from the Far East to Persia and India. And in the 13–14th centuries, local card game appeared, spreading over India as Ganjifa and over many other Arabic countries under similar names adapted to their native languages [Ibid]. Though, continuity between Chinese cards and Ganjifa is not obvious and needs proofs, yet there seems to be no other possible source, as consistent in its development as Chinese playing cards were, and that allows supposing, that they could

be the basis for further complication and structuring of card game. There are several good examples of Ganjifa in museum collections, such as two decks of the mid-19th century in the Victoria & Albert Museum (Victoria & Albert Museum, Inv. 01316&A/(IS), Inv. IM.78:1,2–1938), as well as published description of Ganjifa decks from the British Museum [16, p. 331–333]. Structure of this deck is quite specific and has some variations with different number of suits, though number of cards in each suit is always the same — 10 pip cards and 2 face cards: the King and the Vizier [4, p. 33–38]. Thus, so-called "court cards" per se for the very first time appeared in Ganjifa. Suits in Ganjifa differ by colors, signs and figures depicted on cards [27, c. 641], as well as by their symbolical meaning. For example, in the variant of deck with 10 suits each of them is related to one of the avatars of Indian god Vishnou [4, p. 36]. Image of Vishnou himself in his various forms appears on the eldest card in each suit, thus, it could be considered as an equivalent to the King in modern European decks. There are several cards from this version of deck of the 18th century in the collection of the Museum of Fine Arts, Boston (Museum of Fine Arts, Boston, Inv. 26.154). But in another version of Ganjifa there are only 8 suits which reflect different groups of Indian society — nobles, slaves, warriors, etc. [Ibid, p. 50], and among the suit symbols signs also used in some other types of card game, such as swords and coins, can be found. Previously mentioned decks from the Victoria & Albert Museum are of this kind. In the context of discussing the function of social structure reflection, this version of Ganjifa is the most important, because its appearance is the first confident step in future development of this function, according to the circumstances and conditions, into which playing cards continued their evolution in different countries and cultures, changing and adapting to them.

Editors of the Brockhaus and Efron Dictionary built quite entangled genealogy of playing cards, admitting their invention in China, but denying possible connection with Ganjifa. However, referencing the Chronicle of 1379 as the first documental evidence about cards in Europe, they quote, that in Viterbo a game appeared, which came from the land of Saracens and was called by them Naib [27, c. 641]. This is one more playing cards deck from the Middle East which differs from Ganjifa by consisting of only 4 suits — coins, cups, swords and polo-sticks. In each of the suits there are also 10 pip cards and 3, not 2, face cards — the King and the two Naibs (literally "Viceroy"), probably derived from the Vizier of Ganjifa deck. This structure could be considered as partial succession and further development of the deck, which continued after the borrowing of playing cards from Asia to Europe. The Naibs turned into the Knight and the Knave in Romance type of playing cards, and into the Over Knave and the Under Knave (by the place of a suit mark in the upper or lower portion of the card) in the East-European (German) type [19]. The name of the game itself was also borrowed, and from it general term for playing cards was derived in Romance languages [9, p. 42]. But face cards or court cards in this deck

have no faces, actually, because it was forbidden by Islamic tradition to depict people, thus, on the court cards in Naib there are just ornamentations. All the characters of the court are male, and the absence of female cards, probably, also depends on traditions and reflects the connection between structure of the deck and specificity of Islamic culture and social hierarchy, where woman has not very active role. Naib also became known as Mamluk cards. In the Topkapi Palace Museum there is a deck of that type of the late 15th — early 16th centuries, which was accurately studied by researchers [8; 13]. In Europe Mamluk deck became a basis for Romance system of suits, consisting also of coins, sticks (or clubs), swords and cups, and it is widely believed, that these suits, as in one of Ganjifa versions, symbolized social groups — cups for clergy, coins for merchants, swords for knighthood and nobility, and clubs for common people.

The Europeans made some changes in the structure of Mamluk deck. The most important among them is adding of trumps or triumphs — *trionfi*, as they were initially called in Italian, but to the early 16th century the term "Tarocchi" came into common use as a name not only for trumps part, but for the whole deck [9, p. 44]. Tarocchi, or Tarot, or some other variants of this name still exist to define the Romance type of playing cards. At the same time, possible prototypes or, at least, analogs of European trumps were additional cards in old Chinese "money" deck [1], or similar pieces in Mahjong [12], which have special functions in game, and that is again an evidence of possible structural continuity of playing cards in every step of their evolution. But often origin of trumps is traced back to the deck allegedly made for Charles VI of France (1368–1422), who became known as the Mad, because he was mad literally, suffering from a mental disorder. There are documental evidences, proving that a painter Jacquemin Griugonueur in 1392 or 1393 got some money for making three colored and gilded card decks for king's time-spending. That was a reason why Griugonueur is sometimes mentioned as an inventor of these cards, but it does not follow from the documents [14]. Though it could not be told for sure, how exactly do those cards look like, in the National Library of France there is a deck, known as Tarot of Charles VI (Bibliothèque nationale de France, Inv. RESERVE KH-24-BOITE ECU). However, curators of the collection admit that history of these cards is partially mythologized, and the truth is, that the deck is of the 15th century and has the North-Italian origin. Yet, it is important, that most of the extant cards in this deck are trumps, and that allows concluding, that in that time in the Southern regions of Europe the first decks of this kind appeared, which later developed as Tarot. Composition and exact number of trumps in Tarot repeatedly changed with time; so far it is difficult to reconstruct in details their development. S. Culin mentioned the most traditional for later Tarot decks version of 78 cards with 22 trumps as Venetian [5, p. 931]. In "lesser" Bolognese deck there were only 62 cards [19]. Florentine variant, expanded with more complete range of virtues, additional cards for elements,

Zodiac and some more changes, had 97 cards in the deck and 41 trumps among them. This last version became a basis for Minchiate game. There are some examples of this deck in museum collections (British Museum, Inv. 1896,0501.36; University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, Inv. 15641; Society of Antiquaries of London, Inv. LDSAL 137), and its structure is described in previously mentioned catalogue.

It seems that initially trumps were in parallel use with borrowed Naib cards, but a bit later were combined into one Tarot deck, which was followed by further changes in structure and symbolical meaning of it. Thus, European and Asian versions (if they could be called those) of playing cards origin do not contradict one another, but they are two large branches in deck evolution. There are two evidences of initial independent existence of trumps as alternative deck to Naib, only later being combined together. The first one is that European deck without trumps, derived directly from Naib, continued to be in use and with time turned into modern playing cards. The second evidence is that trumps partially repeat social hierarchy of court cards. So called Tarocchi of Mantegna is an example of early independent deck, from which trumps of later versions of Tarot formed. It consisted of 50 cards depicting people of different social groups, astronomical objects, virtues, sciences and arts, ancient gods and muses, and other characters. Pip and court cards were absent. There is partially preserved Mantegna deck of 1530–1561 in the British Museum collection (British Museum, Inv. 1895,0617.103-.150, Inv. 1982,0515.26, Inv. 1947,1111.1). Problem of preserving is important for studying playing cards history, specifically, concerning those decks which have not so many analogs or none of them at all. In such cases it is difficult to analyze composition of the deck, because it is always possible, that some unknown cards, which were there originally, are now lost. But anyway, there is a reason to believe, that allegorical figures of trumps symbolized structure of the whole Universe, as well as court cards depicted social hierarchy. Thus, it became a complete picture of the world order, in which upper than social ranks, as permanent honored triumphs, there are natural powers (elements, astronomical objects), moral laws (virtues) and supernatural beings (the Death, the Devil, different geniuses and gods) [9, p. 44–45].

Combinations of trumps in Mantegna and Minchiate decks partially match, and there are several cards also included in later versions of Tarot, but many of them changed their names and pictures, or disappeared from the deck at all. During the next centuries some of Tarot variants lost their allegorical symbolism and became just pictures of everyday life, like hunting, dining or theatrical performance. Nowadays structure of Tarot deck usually consists of 22 trumps and 56 cards of 4 suits — clubs, swords, cups, and coins. Thus, it is closer to the old Venetian version. Each suit includes 10 pip cards and 4 face cards: the King, the Queen, the Knight, and the Knave. Male characters were directly taken from Naib, but female face card initially appeared in Italian decks. In the

15th century French, Italian, and German card fabricants experimented with combinations of court cards, including the Queen instead of the King or the Knight. As a result, in French system combination of the King, the Queen, and the Knave became standard [Ibid, p. 43]. In Romance system they kept 4 court cards, and German deck remained the closest to Naib with the Knig and the two Knaves or Marshals — female card did not appear there. But it seems that in some early decks the number of court cards could increase to 6 to counterbalance all male characters with female ones [Ibid, p. 44]. For example, in so called, after the family of owners, Visconti Tarot of 1428–1447, probably painted by Italian artist Bonifacio Bembo (Beinecke Rare Book & Manuscript Library, Inv. ITA 109), there is an incomplete and not standard combination of trumps, pip cards looking very similarly to Naib style and clearly inspired by it, and court cards, including not just the Queens, but also the female Riders and Servants as pairs to the Knights and the Knaves. Appearance of such cards could be caused by differences in social position and activity of women in Asia and in Europe. This variant of Tarot did not survived, but in some later decks the Knaves of all or only of red suits were presented as female characters, thus, playing cards again reflected specificity of the society, where they continued their evolution.

It seems, that playing cards came to Russia couple of centuries later than to Europe, and it could not be told for sure, which way of borrowing was initial. There are evidences that the first mentioning of playing cards in Muscovy was in 1586, in a document of the first French expedition by the Northeast Passage, as well as there is a suppose that playing cards could be brought to Russia by English or Dutch merchants [26, c. 196]. But the old Russian card nomenclature [22] borrowed the East-European terms, and that shows that playing cards could also came nearly at the same time through Poland and Ukraine. On the other hand, later two types of card deck and two variants of nomenclature reflected social differentiation — high society preferred French deck and terms, while common people often used the East-European deck, and terms as well. In the 17th century playing cards, transported by European merchants to the Russian port of Arkhangelsk, then were sold all over the country, and the largest consignments of them were sent to Siberia [26, c. 197], where playing cards came to immediately after their appearance in central Russian regions. According to customs documents, playing cards were brought to Tomsk in 1620s [Ibid, c. 196]. They remained an imported good until the time of Peter I, who ordered to establish the first Russian card manufactories. Imported playing cards were quite expensive, because paper is perishable, being kept in wet conditions, and requires special measures when transporting [21, c. 34]. Initially playing cards in Russia were not as popular as traditional common game of dice or as chess which high society was fond of [26, c. 197]. But very soon card gambling spread over the whole country, even small villages, and most of all — cities. And to the second half of the 19th century popularity of playing cards was so high that,

as local newspapers wrote, in public assemblies library desks were replaced by card tables and the game itself became a cult [Ibid, c. 199]. When European fashions came to Russia in the 18th century, they brought in an interest in commercial games, built not just on hazard and fortune, but on strategic calculations, as well as in card tricks. The highest popularity of commercial games was at the courts of Russian Empresses, while common people continued to play hazard variants of game. As a result, by Empress Elizabeth in 1761 card games were officially separated into permitted commercial and forbidden hazard ones. And even commercial games were permitted only in houses of nobles, for time-spending, and not for very high stakes [23, c. 731]. However, law limitations could not restrain nobility's passion for game, which increased even more at the court of Catherine II, when not only money, but lands and serfs became stakes for the game. This fact was a topic for several satirical drawings, for example, for the picture by G. Doré, published in the album "History of the Saint Russia" [7], in which the artist showed Russian feudal lords making stakes with their servants packed in bundles. And yet, this is one more episode of reflecting social differentiation by choosing the type of game.

In the 20th century gradually playing cards lost their connection with social structure. In the beginning of the century there were several attempts of reinterpretation of cards symbolism according to social changes. For example, in Soviet Russia during the period of the New Economic Policy they tried to create "workers and peasants" decks [17], but such innovations quickly disappeared. Nowadays some aspects of social structure still are reflected by playing cards pictures, though composition of deck does not change under their influences. Thus, function of social reflection could be considered as reducing. At the same time, its development step by step through the centuries in different countries could be traced, and its historical and cultural importance allows using it as one of the variants of symbolical self-identification of society in a certain region of a certain age.

Influence of playing cards on arts and crafts. In China, later in Japan and in the Middle East producing of playing cards already was a kind of art and craft. But since cards came to Europe, their influence in certain way on other arts and crafts grew more and more. For example, we can track it in porcelain manufacturing. In the 18th century European manufacturers began to produce items made of porcelain specifically for card games, such as boxes for l'Hombre counters (German, c. 1760, The Metropolitan Museum of Art, Inv. 1974.28.134 a-kkkk) or for cards (English, 1891–1902, Powerhouse Museum, Inv. A2778–230). In both cases box covers are decorated with an image of the King of hearts, but the first one manufactured in Meissen bears images of cards from French deck printed for German market in the mid — 17th century with the original Saxon tax stamp for imported decks. The second box bears image of a card from English standard deck, which was in use in that historical

period. Nice English set of counter trays made between 1765 and 1790 and ornamented inside with cards and money is one more illustration of gambling atmosphere fulfilled with many specifically created items and details as an important aspect of everyday practices (Manchester Art Gallery, Inv. 1958.646/3). Playing cards motifs were used for decoration of porcelain figurines of the mid to late 18th century, like Commedia dell'Arte characters (Museum of Fine Arts, Boston, Inv. 1988.764, Inv. 2006.1012, Inv. 55.409, Inv. 2006.980, Inv. 58.1402, Inv. 30.315; Rijksmuseum, Inv. BK-17486). Images of cards and signs of card suits became also popular for ornamentations of dining and tea sets, for which there are many evidences in museum collections. For example, in the State Hermitage there are two sets of European porcelain dishes manufactured in the second half of the 19th century, decorated with court cards from English deck. Dishes of one set have rectangular shape and look like playing cards themselves (The State Hermitage Museum, Inv. ЭРФ-4801 — ЭРФ-4804). Dishes from the second set shaped as card suits (The State Hermitage Museum, Inv. ЭРФ-4781 — ЭРФ-4784). There is also a larger Russian rectangular dish in the same collection made in 1880s, which bears three cards from the "Atlasnaya" ("Satin") deck by Adolf Charlemagne (The State Hermitage Museum, Inv. ЭРФ-4800).

Mentioning A. Charlemagne and his deck, which became in Russia as accustomed and traditional as in the Western world English deck was in common use, it is necessary to make a little step aside and look at the history of Russian playing cards design appearance per se. Creation of the "Satin" deck in the mid-19th century is tightly connected to evolution of Russian playing cards industry. Initially in Russia they used imported cards or made their own pictures, but repeating simplified European patterns. Though they've performed some attempts to improve the look of Russian playing cards, changes were minor. Yet, emancipation of Russians serfs influenced on many sectors of industry and on playing cards fabrication as well. Instead of serfs at the Imperial Card Factory wage laborers began to work, and new machines for printing came into use. These innovations had to be followed by changes in cards design, to bring it into line with modern technologies. To create new look of Russian playing cards two academic painters, Adolf Charlemagne and Alexander Beideman, were invited. From the range of drafts and sketches made by them, which now are in collections of the State Russian Museum and the Peterhof Museum, drawings of A. Charlemagne were chosen for printing and became known as the "Satin" deck [21, c. 35–36]. A. Charlemagne, who was from Russified French family, had rich experience of making illustrations. This helped him to draw pictures nearly ideal for small size printing with only four colors, never losing their brightness at the same time. As a basement, he took already known in Russia since the 17th century pictures from the early French deck. He redesigned them, somehow making them more suitable for new technology of printing. Development of his drawings step by step is shown in publication [Ibid, c. 36,

38]. Also, there is a complete deck of the mid-19th century in the British Museum (British Museum, Inv. 1866,1110.54–105). This deck has one interesting detail — the Knave of hearts bears a shield with heraldic imperial eagle upon it, which in Soviet adaptation was replaced with hatching. The name “Satin” originally meant not the deck itself, but the type of printing on high quality paper coated with talcum powder, which was different from the rough, uneven, and definitely uncomfortable to use materials for earlier decks. Of course, that made the “Satin” deck more expensive. But when they began to print all cards with this technology, the name was reserved only for the deck with pictures by A. Charlemagne. With some corrections they were also kept in Soviet playing cards industry [Ibid, c. 38–39].

Returning to talk about the accessories ornamented with playing cards patterns, it should be mentioned that there are quite unusual items among them, such as English fan of 1793 (British Museum, Inv. 1891,0713.121). Along the edge of it there is a scattering of playing cards, and the main space is taken by the description of “Casino” (or “Cassino”) game, which came to English culture from Italy in the late 18th century. One more item of the same kind is a leaf for fan of 1810 with instructions for card tricks performing (British Museum, Inv. 1891, 0713.539). Also, they made fans decorated with just cards-themed ornamentations, for example, the fan of 1750s (Museum of Fine Arts, Boston, Inv. 43.2081). Playing cards symbolism came into jewelry in the 18th — 19th centuries, generating quite unusual things, like Russian pendant in the shape of an Easter egg of ca. 1900 with signs of card suits upon it [3]. And, of course, jewelers were involved into gambling accessories manufacturing, like, for example, counters made of amber, ivory, mother-of-pearl, and other materials (Museum of Fine Arts, Boston, Inv. 02.209a-e, Inv. 2001.238.1–4, Inv. 1972.432–459).

Gambling stimulated producing new types of furniture, as well. Card tables became very popular interior element, which is reflected in museum collections (for example, Philadelphia Museum of Art, Inv. 1951–121–1, Inv. 1935–10–66; The Metropolitan Museum of Art, Inv. 1983.185.3). Sometimes, tables were also decorated with playing cards ornamentations, like table from the Royal Collation, which has corners inlaid with four Aces, and covered with cloth embroidered with an image of cards dealt for three persons (Royal Collection, Inv. 26792). Specific niche in furniture manufacturing was taken by multifunctional tables. For example, table made by Abraham Roentgen in 1750–60s (Victoria & Albert Museum, Inv. W.2:1,2–1966). When top part is opened and drawers are moved up this table could serve as a writing desk. When it is unfolded another way, it became a game table. There is a similar table made by Abraham’s son David Roentgen in 1780–83. It could serve as a writing desk also, but its several surfaces could be “leafed through” like pages of a book, providing different covers for card, chess, or backgammon gambling (The Metropolitan Museum of Art, Inv. 2007.42.1a-e, 2a-o,

aa-nn). When folded, both tables can be used as consoles. Description of the last table says that in the 18th century, with growing popularity of gambling, special furniture for this purpose appeared in the houses of high and middle classes. But in narrow rooms of that period space was limited, and owners preferred multifunctional items. However, if the size of the house allowed, they allocated separate rooms specially for gambling. In the Metropolitan Museum so called “Bordeaux Room” of ca. 1875 for private dinners and gambling is reconstructed (The Metropolitan Museum of Art, Inv. 43.158.1), and its interior is commented in the Museum’s publication. Concerning special gambling furniture it says: “Although the size of the table, or table à jouer, brought players into close proximity, the legs as well as the rounded corners of the playing surface (designed to support candlesticks) limited and controlled this proximity, protecting each player’s hand and preventing the possibility of cheating” [11, p. 100]. Also, in the room there is an unusual chair, which “was designed specifically for gaming sessions and was produced in a variety of different models depending on the sitter’s gender” [Ibid]. This chair was appointed for a person, whose function was to prevent cheating: “Straddling it backward, he could rest his arms on the top of the rail of the chair and watch the game unfold” [Ibid]. By the way, interesting social aspect of gambling is mentioned there: “A true nobleman never gambled purely for the purpose of winning, but to show his indifference to and independence from money as a commodity. Cheating revealed a person’s social inferiority by indicating an immoderate attachment to financial attainment” [Ibid]. Interesting type of gambling accessories, which was in use, at least, since the 18th century, is playing card press [2]. Purpose of such presses was to keep unpacked deck. But in the East they used much more simple things for that; there is an Asian case for deck of the 19th — 20th centuries in the British Museum, made of just two pieces of wood tightened with string (British Museum, Inv. As1972, Q.2765.ab-ac).

In the 19th century they even printed miniature playing cards for dollhouses (Philadelphia Museum of Art, Inv. 2001–103–1 (269)). Also playing cards were sometimes used for handmade decorations. In Boston Museum of Fine Arts, there is a needle-case, serving as a good early example of such domestic use of threadbare playing cards, of which the sides of this case are made (Museum of Fine Arts, Boston, Inv. 54.1347). It is American and dated to 1780, yet, according to Brockhaus and Efron Dictionary, in the United States the first playing cards factory was found in 1880 [27, c. 642], so for making this needle-case an imported deck was used. Thus, influence of playing cards on arts and crafts changed cultural space in general and some aspects of everyday life specifically, not only connected with gambling itself, but others like crockery and jewelry. New direction in fashion was created, new use for traditional materials found, new types of domestic items performed, having in each region its own features.

Communicative function of playing cards. Using playing cards or their symbols for communicative purposes should be considered in several aspects, according to the types of translated information: political propaganda, social communications, and education. Main trends of political

propagandistic use for playing cards formed in the 18th century in Europe. Specific feature of French decks was that face cards or court cards had personal names related to some historical or legendary characters. L. F. Garin mentions the range of names [19], shown in the Pl. 1.

Table 1. French Version of Court Cards to Historical and Legendary Characters Correspondence

Court card	Historical or legendary character
King of spades	David
King of clubs	Alexander the Great
King of diamonds	Julius Caesar
King of hearts	Charlemagne (Charles the Great)
Queen of spades	Athena Pallas
Queen of clubs	Argine
Queen of diamonds	Rachel
Queen of hearts	Judith
Knave of spades	Hogier, the Dane
Knave of clubs	Lancelot
Knave of diamonds	Hector
Knave of hearts	La Hire

He also says that this type of cards existed until the second half of the 19th century. In some museum collections there are examples of these “named” cards (Museum of Fine Arts, Boston, Inv. 2002.586; British Museum, Inv. 1896,0501.576.110). M. K. Greer mentions several variations in this system, and also gives the equivalents for the Romance type of deck [9, p. 46–47]. E. Grigorenko, repeating the list, notes that calling court cards by names was usual not only in Europe, but also in Russia [21, c. 37–38], which allows looking from a different point of view at some artistic images. For example, in L. Tolstoy’s “War and Peace” there is a description of regimental commander who was nicknamed “the King of hearts” [24, c. 142]. There is no interpretation of this nickname, but according to the mentioned system the King of hearts is Charles the Great, which could be ironical or flattering epithet for a military man. But that is a little step aside, and, returning to the topic, it should be said, that these parallels between court cards and depicted characters changed with time. In particular, L. F. Garin mentions, that after the French Revolution republican government entrusted famous painter Jacques-Lois David the creation of new pictures for playing cards. Instead of the Kings he depicted geniuses of war, trade, peace and art; the Queens he replaced with female personifications of freedoms of religion, press,

marriage and profession; and instead of the Knaves he put allegorical figures of equality of states, rights, duties and nations. In some time, playing cards fabricants also have contributed to that, replacing the Kings with philosophers and writers, the Queens with virtues, and the Knaves with famous republicans [19]. There were different versions of such decks, and this trend was also reflected by other arts and crafts, for example by pottery painting. In collection of the Museum of Fine Arts in Boston there is a decorative plate of 1795, judging by the date, dedicated to the beginning of the French Directory (Museum of Fine Arts, Boston, Inv. 2006.1058). Its border is ornamented by a scattering of playing cards of similar “revolutionary” type. This is an example of not just “propagandistic” pottery of the 18th century, but also of expressing social structure transformations through playing cards symbolism. Instead of traditional court in this decoration there are again some historical characters and allegorical figures of revolutionary ideals, like freedom, equality, justice and others, at the same time, bearing card suits and mixed with usual pip cards. It is remarkable that some symbolical details of the images, first of all, the Aces, specifically, the Ace of hearts, which looks similarly to the Eye of Providence, could be interpreted like Masonic iconography. Characters of this deck and their attributes are shown in the Pl. 2.

Table 2. Symbolism of the “Revolutionary” Deck from the French Plate Decoration (1795)

Court card	Historical character or allegorical figure	Attribute
King of spades	Brutus	Scroll
King of clubs	Lycurgus	Scroll
King of diamonds	Gracchus	Scroll and shovel
King of hearts	The name cannot be read because of the damage	Scroll

Court card	Historical character or allegorical figure	Attribute
Queen of spades	Equality	Masonic square
Queen of clubs	Justice	Scales
Queen of diamonds	Humanity	Horn of plenty
Queen of hearts	Freedom	Phrygian cap
Knave of spades	Force	Lion
Knave of clubs	Courage	Rooster
Knave of diamonds	Unity	Fasces
Knave of hearts	Hope	Anchor

It seems like there is no real absolute analog of this deck, but there are some more or less similar versions with the same idea, yet with different associations of court cards with characters and allegories. For example, in the National Library of France there is a brochure of 1793 with the images of such deck (Bibliothèque nationale de France, Inv. RESERVE FOL-QB-201 (134)). There is also the same brochure in the collection of the Victoria & Albert Museum, and the catalogue entry names a possible artist — Jacques Coissieux. Judging by the inscriptions, this deck is very similar to that, which L. F. Garin attributed to Jacques-Lois David, and indeed it is marked with line “Dessiné par David”. However, again catalogue entry of the Victoria & Albert Museum says, that

it is only old tradition, on which we cannot rely, to credit this pictures as created by Jacques-Lois David, but probably they were drawn by Jacques Coissieux (Victoria & Albert Museum, Inv. E.409—2005). It is difficult to say, did the authors of both decks mean something, when attributing one character or another to one or another court card — their choice could be either random, or symbolically conditioned. To compare with the variant from the painted plate, correspondences from the deck in the brochure are also shown in the Pl. 3. There are no attributes, because each character bears several of them, sometimes repeatedly from card to card. Instead, in a separate column there are mottos inscribed on each card additionally to the names of the characters.

Table 3. Symbolism of the “Revolutionary” Deck from the Propagandistic Brochure (1793)

Court Card	Allegorical figure	Motto
King of spades	Genius of art	Taste
King of clubs	Genius of peace	Prosperity
King of diamonds	Genius of trade	Wealth
King of hearts	Genius of war	Force
Queen of spades	Freedom of press	Enlightenment
Queen of clubs	Freedom of marriage	Chastity
Queen of diamonds	Freedom of profession	Industry
Queen of hearts	Freedom of religion	Fraternity
Knave of spades	Equality of rights	Justice
Knave of clubs	Equality of states	Power
Knave of diamonds	Equality of duties	Security
Knave of hearts	Equality of nations	Courage

In the next centuries there were several attempts to modernize images of playing cards, and on the court cards rulers and politicians of new age, such as Napoleon, Emperor Wilhelm, and many others, appeared. Thus, playing cards became connected with political games, and deck structure in Modern Europe reflected not only social hierarchy, but also political transformations in society. Often playing cards served for satiric messages. For example, in the British Museum there are decks with political (Spain, ca. 1872) and social (England, ca. 1720) satirical pictures (British Museum, Inv. 1896,0501.866, Inv. 1879,0510.36—87). It was England, where more often than wherever else playing cards served for political satire [27, c. 642]. Some of such decks were related to

Russian political problems. In the State Museum of Political History of Russia there is a satirical “Constitutional” deck, printed in the United States in 1909, in which Nicholas II depicted as the Joker with an inscription “Imperial clown”, and as court cards there are politicians like John of Kronstadt, P. Stolypin, K. Pobedonostsev etc. with similarly scandal proclamations (The State Museum of Political History of Russia, Inv. Ф. I-8601/1—15). Sometimes the idea of using playing cards symbolism for the purposes of satire or political propaganda passed to related types of printed products. For example, the first King of Belgium Leopold was depicted as the King of hearts on a postcard dated to the very beginning of his reign (Rijksmuseum, Inv. RP-P-OB-88.409). Circumstances

of his election are well known, and the term “hartenkoning” could be understood as a king of hearts literally, which means support of the certain part of society. The inscription on the postcard is “Un roi de Cartes au milieu d’un jeu de Piques”, which also opens possibilities for some guesses and speculations, as well as the sign of heart suit depicted upside down, making it similar to spade suit. So far, king is surrounded by his opponents, but he is trying to be one from their party. “Piques” could mean not only suit of spades, but also literally lances, and that is an indication of military or revolutionary environment. And even more noticeable detail is that the King of hearts is depicted here very much like in the old French decks, where this court card bore a name of Charles the Great. Did the painter mean those parallels, is not quite clear, yet it seems that using of this character in such context was popular and easily understandable by viewers. At the same time, the fact of visual changes in playing cards images per se is not connected with political activity directly — there is a range of decks, which bore just scenes of nature or everyday life, like an English deck of 1670–80s (British Museum, Inv. 1982, U.4628).

Of course, playing cards industry has a long and direct relationship with printing development both in the East and in Europe, as evidenced by researchers [16, p. 24–28; 25, c. 78–86] and by preserved items in the museum collections, like boards for playing cards printing — for example, of the 16–17th centuries French or Spanish origin for the deck with Romance suits (Musée national de la Renaissance, Inv. ECL13451, Inv. ECL13452). This is a large topic for a separate discussion, however, in the frame of talk about communicative function of playing cards, it is necessary to mention some types of printed products related to communications and initially not connected with playing cards industry, but in the 18th — early 20th centuries subjected to its influence. In that period playing cards symbolism came to advertising and was used in newspapers — a good example is the alcohol advertising of Russian entrepreneurs the Shustovs, entitled “The Main Shustov’s Trump” and included images of the four Aces [18]. Also, playing cards pictures continued to be used in postcards decorations. In the British Museum there are a couple of such postcards — one of them is clearly designed for some personal message (British Museum, Inv. 1896,0501.1608), and the other is looking like the Ace of hearts bearing the inscription “with love and best wishes” (British Museum, Inv. 1896,0501.1607). They are not dated precisely, but definitely they are before 1896, or maybe even earlier. The evidence for the earlier dating is that in the State Archive of the Russian Federation there are Grand Prince Alexander Pavlovich’s personal notes of 1793 inscribed on sheets of paper with cards symbols or just on playing cards [20]. One of those notes is definitely written on a piece of court card, which is, obviously, the Queen of diamonds from the French deck with names — part of the name Rachel can be read and the image is the same which later was used by A. Charlemagne as a motif for the “Satin” deck. Perhaps, this was a manner of sending

personal notes on the playing cards, and indeed there are more analogs. There’s a remarkable example of using backs of playing cards for writing messages — the money order for £360 dated February 1785 (Folger Shakespeare Library, Inv. PN2598. G3 F5 Ex.ill. copy 4 v.9 after p. 112). And again it is of the late 18th century, as well as the private notes from the Russian State Archive. So, it might be a common practice to use playing cards this way in that time. Playing cards with musical notations could be considered in both communicative and educative aspects. Example of such deck with German suits and notations on the backs of the cards was published in the Metropolitan Museum of Art Blog: “The backs of the cards are inscribed with musical notation and lyrics, a feature unique to this deck. Each suit is a different voice: Acorns, bass; Leafs, tenor; Hearts, treble; and Bells, alto. They appear to be original to the deck, not added later, and together form four-part songs that are devoted to themes of love” [10]. Though this feature mentioned as unique, there are at least two more decks with notations on the face side of the cards published. One of them is an old French deck [6, p. 235], and the other is similar, but of later period, dated to the 19th century [Ibid, p. 237]. Returning to postcards, it is remarkable, that when playing cards in their local versions as well as borrowed European ones and other board games became traditional New Year time-spending in Japan, it was reflected by the greeting postcards and stamps ornamentation. There are several examples of such postcards in museum collections, like very unusual one of 1947 (Museum of Fine Arts, Boston, Inv. 2002.13122). There are several gambling attributes on this postcard with two cards from Hanafuda deck. Interesting feature of this picture is that the holiday date is encrypted in it. Two cards depicted here are the Crane, the eldest card in January suit (so this means the New Year) and the Boar, the animalistic symbol of 1947 in the Oriental calendar. Such examples show how playing cards motifs were adapted by the symbolical language of Asian culture.

Symbolism of trumps, added in Europe to the deck borrowed from the Middle East, and also used as a separate set of cards with varying composition, allows thinking that they could be designed not only for game, but for education as well. During the later centuries, as L. F. Garin mentions, they produced decks, which could be used in pedagogical and other purposes [19]. Sometimes those decks even were not divided into suits, or suits were overshadowed by different structure, perhaps, under the influence of the earlier decks like Tarocchi of Mantegna or similar ones, showing the new way of development for them. Range of such decks preserved in museum collections, being observed closely, allows distinguishing some types of educative playing cards. The first type is ethnic and geographic decks. As a good example of them French deck of the 18th century could serve. It is entitled “Costumes des Peuples Étrangers” (The Metropolitan Museum of Art, Inv. 59.654.17 (1–32)). In this deck there are characters in traditional clothes of different nations depicted, as the anonymous artist of the period imagined

them. Geographic names are inscribed, and small gambling symbols are placed in the corner of each card. It seems like the intention of creating this deck was to combine gambling and educative purposes. Similar decks were printed in Russia also. For example, a geographic deck with coats of arms of Russian provinces (British Museum, Inv. 1896,0501.809). It is not precisely dated, but there is a separate card for Russian America in this deck, so it is not later than 1867. Each card here is divided into segments, in which there are gambling symbols, names of provinces and pictures of people in local traditional dresses. Another example of Italian origin is a deck of 1770s with information about different countries (British Museum, Inv. 1896,0501.61). Also, there are two cards in the Folger Shakespeare Library from a deck bearing maps of English regions (Folger Shakespeare Library, Inv. ART 265507 (size XS) and Inv. ART 265508 (size XS)). This is one more variant of geographic type of educative playing cards. Next type of educative decks, which could be distinguished, is historical and religious decks, and that is specifically remarkable, because playing cards were instantly condemned and forbidden by the Church, yet religious card decks, perhaps, were one of the repeated attempts of compromise between secular and ecclesiastical thinking. French historical deck of ca. 1880 (British Museum, Inv. 1893,0331.95) consists of cards divided into sections, part of which is taken by gambling symbols and another part bears images of historical characters and sententious scenes, and also includes a set of cards with pictures from the New Testament. Italian deck of 1770s is another example. It includes chronology of the Popes of Rome from St. Peter to Clement XIV (British Museum, Inv. 1896,0501.66). Finally, there are several examples of literary and folklore educative decks. One of them is an English deck of ca. 1700 with proverbs and illustrations to them (British Museum, Inv. 1941,0325.1–51). According to these examples, French and English educative decks usually are brightly illustrated, and Italian ones are black and white and bear mainly text information. Also, in English and French decks there is French system of suits, and for Italian decks Romance suits are used. All these decks have moral and didactic nature. So far, it is possible to say that educative decks appeared, perhaps, in the 15th-16th centuries and came to full development in the 17th-19th century as a particular genre of playing cards with its own types, features and functional specificity.

Playing cards as a marker of the marginal elements of society, and state monopoly for cards manufacturing and trade. These two functions are more related to economic than to cultural history, yet at least briefly they should be observed here to make the story complete. Tendency of placing playing cards production and sale under the state control was caused by commercial competition of fabricants. With growth of gambling popularity, playing cards manufacturing became a large industry. That found a basis for further development of their art function and economic role, and as for economic

aspect, it was a European feature with no parallel processes in Asia. There are evidences about early Italian decks, with fine lines, very beautiful, hand painted, but quite large in size, which made them expensive and uncomfortable in use. Though in Spain popularity of cards grew quickly, they never made there as excellent decks as in Italy, but Spanish people were the first who brought gambling to the New World [27, c. 641]. Woodcut printing of cards appeared in Germany. German and Dutch playing cards spread so widely, that Venetian fabricants in 1441 addressed the authorities with a petition to forbid import of foreign cards. It is remarkable, that before that in Germany they produced cards with Romance suits, and since the second half of the 15th century began to use their own [Ibid, c. 641–642]. On the contrary, in France for the long period playing cards remained an imported good, and their local manufacturing was limited. Only in 1581 French corporation of playing cards fabricants appeared, which existed until 1789 [Ibid, c. 642]. In England native fabrication of playing cards was already known to 1463, when it was mentioned in documents in connection with a ban on imported decks, also implemented because of the local fabricants' complaints [14].

In a parallel way with growing gambling popularity, cheating at play developed so much, that, as protection from it, in the mid-16th century in France they began to produce cards with backs covered with fine dotted lines, which did not allow cardsharper putting their own marks [27, c. 642]. Socially adverse consequences of gambling were followed by repeated strict limitations of both cards manufacturing and games. Criminalization of gambling environment had led to gaining by playing cards a function of marginal marker. Society began to consider gambling as a vice and sin, connected with a risk of devastation and loss of reputation. The strictest laws against gambling existed in France in the 17th century. Those people, in which houses there were gambling gathering, could be deprived of rights and outcast from cities. The law even did not recognize card debts and winnings. However, these measures in France and in other European countries were not effective enough and gambling followed by many vices spread in all social groups from the bottom of society to the very top of it, even at the royal courts. In 1791 National Assembly forbade hazard games, yet the punishment was intended not for players, but for the owners of gaming houses. Though cards themselves were not forbidden, and it was that time, when they were redesigned accordingly to revolutionary ideas. The Directory legalized gaming houses, assigning them under farming management. Since 1804 part of the income was transferred to poor people. Similar system existed in Russia in the 19th century. In 1837 gaming houses in France were finally closed and the owners moved their business to German cities, yet there it also was soon restricted. In 1853 gaming houses were forbidden in England and to 1873 in the whole Europe except Monaco [Ibid]. At the same time, European countries began a process of monopolization. Playing cards were taxed,

and this kind of taxation existed until the beginning of the 20th century. Only cards marked with state stamp could be sold legally. In some countries, like in Germany, only cards fabrication was under the state control, and in some others, like in Greece, playing cards trade became state monopoly as well. In many countries, like earlier in England and later in Russia, imported playing cards were illegal [Ibid, c. 642–643]. And all mulcts also went to state budget. So far, during the several centuries, simultaneously with prosecution of gambling, playing cards industry was one of the largest sources of state income.

Conclusion. Thus, five social and cultural functions of playing cards could be distinguished. However, not all of them appeared at the same time in the very beginning of cards history in the East, and most of them came to the full development in Modern Europe, yet they shows how clearly playing cards reflected the evolution of society in every aspect. Though nowadays some of those functions deceased, these items of material culture could be still considered as an effective source and, depending on purposes, instrument of macro and micro historical analysis in a range from global policy and economy to smaller, but not less important events of everyday life.

References:

1. Berry J. Chinese Money-Suited Cards // *The Playing Card: Journal of the International Playing-Card Society*. 2003. 31 (5). P. 230–235
2. Boba E. Stacking The Deck: A Playing Card Press // *Blog of the American Bookbinders Museum*. URL: <http://bookbindersmuseum.org/stacking-the-deck-a-playing-card-press/>
3. Bonhams: A Gold-Mounted Enamel Miniature Egg Pendant, Fabergé, Feodor Afanassiev, St. Petersburg, circa 1900. URL: <http://www.bonhams.com/auctions/21105/lot/77/>
4. Chatto W.A. *Facts and Speculations on the Origin and History of Playing Cards*. London: John Russell Smith, 1848. viii, 343 p.
5. Culin S. *Chess and Playing Cards: Catalogue of games and implements for divination exhibited by the United States National Museum in connection with the Department of Archaeology and Paleontology of the University of Pennsylvania at the Cotton States and international exposition, Atlanta, Georgia, 1895* // *Report of the U. S. National Museum for 1896*. Washington: Government Printing Office, 1898. P. 664–942
6. D'Allemagne H.-R. *Les Cartes Á Jouer Du XIVe Au XXe Siècle*. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1906. T. 1. 504 p.
7. Doré G., Sotain N. E. *Histoire pittoresque, dramatique et caricaturale de la sainte Russie: d'après les chroniqueurs et historiens Nestor, Nikan, Sylvestre, Karamsin, Ségur, etc.* Paris: J. Bry aîné, 1854. 207 p.
8. Dummett M., Abu-Deeb K. Some remarks on Mamluk playing cards // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. XXXVI. 1973. P. 106–128.
9. Greer M. K., Little T. *Understanding the Tarot Court*. St.Paul: Llewellyn Publications, 2004. xiv, 265 p.
10. Husband T. *Expanding Conceit: Indelicate Images in The Playing Cards of Peter Flötner* // *Met Blogs: In Season* URL: <http://www.metmuseum.org/blogs/in-season/2016/the-playing-cards-of-peter-flotner>
11. Koda H., Bolton A. *Dangerous Liaisons: Fashion and Furniture in the Eighteenth Century*/introduction by M. Hellman. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven and London: Yale University Press, 2006. 128 p.
12. Lo A. *China's Passion for Pai: Playing Cards, Dominoes, and Mahjong* // *Asian Games: The Art of Contest*/Mackenzie C., Finkel I. (eds.). New York: Asia Society, 2004. P. 216–231.
13. Mayer L. A. *Mamluk Playing Cards* // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. Vol. XXXVIII. 1939. P. 113–118.
14. *Playing Cards* // 1902 Encyclopedia (Encyclopaedia Britannica, 9th and 10th editions). URL: <http://www.1902encyclopedia.com/C/CAR/playing-cards.html>
15. *Playing Cards: China* // *Elliot Avedon Virtual Museum of Games*. University of Waterloo. URL: <http://www.gamesmuseum.uwaterloo.ca/VirtualExhibits/Playing%20Cards/decks/china/index.html>
16. Willshire W.H. *A Descriptive Catalogue of Playing and Other Cards in the British Museum*. London: Chiswick Press, 1876. 360 p.
17. Бехтерев А. Красные и черные // *Paradox*. 2002. № 3.
18. Виленский вестник. № 3129. 12 ноября 1913.
19. Гарин Л. Ф. Художник и карты // *Панорама искусств*. Вып. 11. М.: Советский художник, 1988. С. 252–264.
20. Государственный архив Российской Федерации, Ф. 728. Оп. 1. Д. 385. Л. 1, 2, 8.
21. Григоренко Е. Атласные карты академика Шарлеманя // *Casino Games*. Июль 2004. № 7. С. 34–39.
22. Ключенко Л. Н. Русская лексика карточных игр: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01. М., 2006. 19 с.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XV. 1052 с.
24. Толстой Л. Н. *Избранные сочинения*. В 3-х т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1988. 672 с.

25. Традиционная игровая культура стран Восточной Азии. Учебное пособие / Сост.: д-р ист. наук, доц. Е. Э. Войтишек. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2012. 278 с.
26. Шевцов В. В. Формы игрового досуга в среде служилого населения Томского острога // Города Сибири XVII — начала XX в. Выпуск 2: История повседневности. Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. С. 195—200
27. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIVa. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1895. С. 481—960

Уроки применения авиации в пятидневной войне 2008 года

Нитаев Ярослав Викторович, курсант;

Шарипов Артём Равилевич, курсант;

Анфалов Евгений Владимирович, аспирант, преподаватель

Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия», филиал в г. Челябинске

Напряженность отношений между Россией и Грузией начала нарастать в начале 2008 года. Со стороны Грузии участились полеты, с разведывательной целью, беспилотных летательных аппаратов. Весной, этого же года были сбиты пять беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), принадлежавших Грузии. Виновником данного инцидента Михаил Саакашвили посчитал Россию, который заявил, что БПЛА были сбиты при помощи ВВС России. Кроме того, Саакашвили обвинил Россию в международной агрессии и бомбардировке территорий принадлежавших Грузии. В свою очередь, Россия обвинила Грузию в агрессии в сторону Абхазии и посчитала необходимым увеличить число миротворцев на территории непризнанной тогда еще Южной Осетии.

В период с апреля по май 2008 года на территории Абхазии в качестве общевоинского резерва миротворческих сил были размещены подразделения 7—1 десантно-штурмовой дивизии и подразделения железнодорожных войск Вооруженных сил России, первые подразделения.

Власти Грузии объявили действия России подготовкой к военной интервенции.

С середины лета обстановка на границе Грузии и Южной Осетией стала еще больше накаляться. Грузинская сторона, подстрекаемая своими заокеанскими союзниками, регулярно провоцируя перестрелки, к началу августа перешла к огневым налётам разной степени интенсивности и действиям диверсионных групп. Попытки наблюдателей ОБСЕ и российских военных наблюдателей выявить зачинщиков и урегулировать обстановку наткнулись на лицемерное нежелание грузинской стороны предпринимать шаги к миру.

К 7 августа 2008 года по всей границе с Южной Осетией Грузия сосредоточила значительные силы. Всё говорило о том, что Грузия готовит агрессию.

Грузинская операция «Чистое поле» началась 7 августа в 23.45 с массированного артиллерийского обстрела. С рассветом в дело вступила грузинская авиация и наземные войска. Война продолжалась пять долгих военных дней. В конфликт вынуждена вступить Российская Федерация

для проведения «операции по принуждению к миру». В военных действиях с обеих сторон участвовало более 45 тысяч человек и большое количество различной военной техники и вооружения.

В ходе августовской пятидневной войны между Россией и Грузией, не менее активно участвовала авиация. При чем, высокая интенсивность применения авиационной техники, как со стороны России, так и со стороны противника, привели к большим потерям в авиации.

Действия авиации в ходе пятидневной войны с Грузией имеют свои особенности, результаты применения иногда противоречивы. На некоторых из них мы хотели остановиться подробно в своей статье. Современное применение российских воздушно-космических сил в Сирии подтверждает актуальность выбранной нами темы. Целью написания данной статьи является выявление особенностей применения авиационной техники в ходе локальной войны.

К началу рассматриваемого конфликта ВВС Грузии представляли собой остатки доставшиеся ей от сил и средств ВВС и ПВО Закавказского округа Советского Союза. Численность личного состава составляла чуть больше 1800 человек.

Основой грузинской авиации являлся штурмовик Су-25КМ «Скорпион» или как его называли сами грузины «Мимино», прошедший модернизацию и замену радиоэлектронного оборудования в 2001 году в израильской фирме. Транспортные воздушные суда типа Ан-12 и Ан-72. Учебно-боевой L-39 так называемый «Альбатрос» и его сородич L-29 «Дельфин». Вертолеты: Ми-35, Ми-24П, Ми-14, Ми-8, Ми-2, американские Beel-212 и УН-1Н «Ирокез». Большая часть вертолетов типа Ми-24 были поставлены из Украины. Но этим Грузия не ограничилась и приобрела новый комплекс пассивной радиотехнической разведки (РТР) «Кольчуга-М» с тремя разведывательными станциями, за несколько десятков миллионов долларов, но как оказалось, деньги были «выброшены на ветер». В ходе военных действий российский Су-34, или как его кодифицирует НАТО — «Защитник», превзошел новую

систему радиотехнической разведки украинского производства. Российский бомбардировщик ослепил все радиолокационные станции, входящие в состав «Кольчуги». По мнению первого заместителя Генерального директора радиоэлектронных технологий В. Михеева — бортовой комплекс истребителя-бомбардировщика является универсальным, он может работать абсолютно по всем объектам, независимо от того, находятся они в воздухе или на земле. Любые ЗРК, РЛС, системы управления и связи будут обнаружены и подавлены. Основой бортового комплекса обороны является знаменитая в настоящее время станция «Хибины», показавшая свои возможности на американском эсминеце «Дональд Кук». [5]

Наибольшую помощь в перевооружении грузинской армии, в виде поставок вооружений и военной техники, различной продукции военного назначения, а также подготовку и обучение грузинских военнослужащих оказали государства-члены НАТО: США, Чехия, Турция и Болгария. Также помощь оказывали и другие страны: Босния и Герцеговина, Великобритания, Венгрия, Греция, Израиль, Латвия, Эстония, Франция, Украина, Сербия и Литва.

Состав ПВО Грузии к началу конфликта: ЗРК «Оса-АКМ» с оптическим каналом наведения, ЗРК «Бук-1М», ПУ ЗРК «Спайдер» поставленная Израилем, ЗРК С-125 и С-75, ПЗРК различных типов — «Гром», «Стрела», «Игла». Большое количество радиолокационных станций различного типа, в том числе и французского производства, были сведены в единую систему контроля воздушного пространства Грузии. [4]

Рис. 1. Зенитно-ракетный комплекс «Бук-1М» в режиме боевого дежурства

После эскалации конфликта утром 8 августа авиация Север-Кавказского военного округа получила приказ о нанесении ракетно-бомбовых ударов по местам сосредоточения, маршрутам движения и огненным позициям грузинской армии в районе конфликта. Истребители МиГ-29 взяли под контроль воздушное пространство над Южной Осетией. Авиация России вступила в войну. В прессе нередко можно встретить большой перечень воинских авиачастей, участвующих в боевых действиях. Но общая численность, непосредственно участвовавших в боевых действиях в районе конфликта не превышала и сотню машин. Но даже в таком ограниченном составе российская авиация количественно и главное качественно превосходила авиагруппировку Грузии. Рассмотрим особенности действий родов авиации.

Рис. 2. Карта авиационных ударов ВВС России по территории Грузии в 2008 г.

Действия дальней авиации.

При получении приказа подготовиться к ведению боевых действий воинские части и соединения Дальней авиации РФ были переведены в боевой режим. На аэродромах расположенных вблизи района проведения боевых действий, было обеспечено боевое дежурство. Под покровом ночи, 9 августа, были выполнены первые вылеты. Свыше десяти Ту-22М3 разом ударили по приоритетным целям в Грузии, таким как склады и аэродромы. Следующая подготовка вылетов, проводилась в течение ограниченного периода времени. Вылеты осуществлялись практически без отдыха для летного и инженерно-технического состава, при отсутствии необходимого времени для подготовки воздушных судов к полету. В течении четырех дней были проведены более 50 боевых вылетов с частотой 2–3 в день. Невзирая на взаимодействие различных метеослужб, с началом боевых действий передача синоптических данных с территории боевых действий о состоянии погодных условий получали от экипажей лишь после посадки на аэродром. [5]

Основа метода ведения операции заключалась в синхронном ударе по определенным целям в расчетное время, с больших высот, в сомкнутых боевых порядках. Данный метод предоставлял возможность обоснованно воспользоваться потенциалом дальнего бомбардировщика-ракетоносца, обеспечивающий эффект неожиданности, а также повысить рентабельность прохождения зон ближнего действия зенитно-ракетных комплексов противника.

Наиболее эффективными были результаты действия Ту-22М3 по скоплению вражеских сил в Кодорском ущелье. Тем не менее, этот метод не обеспечил операции как можно более эффективное влияние на противника, так как использовались в основном фугасные авиационные бомбы, вследствие чего возникала необходимость захода в радиус поражения средств противовоздушной обороны.

Средства РЭБ воздушного судна предусматривали создание помех ЗРК советского производства, только в ручном режиме.

Возникли определенные трудности по причине отсутствия информации соответствующей действительности о применении других родов авиации, информации разведки об итогах нанесенных ударов, в связи с чем, возникала необходимость обращаться с запросом на пункты управления и наведения. В виду этого увеличивалось время на принятие решений.

Рано утром 9 августа, ПВО Грузии, в районе села Карбаули Сачхерского района (около 50 км к северо-западу от Гори), удалось сбить российский бомбардировщик Ту-22М3, который входил в состав 52-го гвардейского тяжелого бомбардировочного авиационного полка. Во время ночного вылета на бомбардировку базы принадлежавшей одной из пехотных бригад Грузии, группа из 9 бомбардировщиков проследовала обратно тем же маршрутом, что и к цели, при этом, по неофициальным источникам, по неизвестной причине снизилась высота полета

с 12000 м до 4000 м. Согласно данным анонимного военного источника России, самолеты были обстреляны грузинским ЗРК «Оса-АК/АКМ». Попадание ракеты в бомбардировщик повлекло отказ ключевых систем самолета, впоследствии чего самолет оказался обесточен и упал на землю. Экипаж, кроме катапультировавшегося второго пилота, погиб. [1]

Рис. 3. Дальний бомбардировщик Ту-22М3

Противодействия ПВО противника в районе полета не ожидалось. Сбитый самолет шел в боевом порядке замыкающим, и в отличие от остальных машин группы, не успел совершить противозенитный маневр.

Работа фронтовой авиации.

В операции принимали участия штурмовики Су-25 различных модификаций и фронтовые бомбардировщики Су-24М2 базировавшиеся на аэродромах округа. Именно действия штурмовой авиации утром 8 августа, пока через Рокское ущелье шли колонны 58-й армии СКВО, позволили сдерживать натиск наступающих на Цхинвали грузинских войск.

Преодоление грузинской системы ПВО осуществлялась в ходе пролета государственной границы с использованием штатных средств РЭБ самолетов и под прикрытием вертолетов и самолетов, оборудованных специальной аппаратурой. Во время выполнения поставленных задач, на маршрутах полета и в районах авиационных ударов при применении противником высокоточного оружия выполнялись маневры с одновременным отстрелом ИК — патронов и ПРЛ — патронов. Для того, чтобы защитить радиоэлектронные средства своих войск от воздействия РЭБ, их использовали на различных частотных диапазонах, с соблюдением ограничений по времени и частоте. Во время выполнения боевого задания, на маршрутах и в районах авиационных ударов самолетами Су-24М активно использовалась бортовая система обороны, оснащенная станциями активных помех. Войска радиоэлектронной борьбы взаимодействовали с действиями авиации и войсками ПВО для поражения радиоэлектронных средств с оперативной маскировкой и различными действиями наших войск.

Рис. 4. Су-24М

Вместе с тем, использование грузинскими войсками войсковых зенитных средств, привели к первым потерям. От «дружественного огня» залповым пуском из ПЗРК южноосетинскими ополченцами, над территорией Южной Осетии в районе Зарского перевала 8 августа был сбит штурмовик Су-25БМ 368-го штурмового авиационного полка (аэродром Буденновск). Летчик успел катапультироваться. Еще два Су-25 вернулись на аэродром базирования с серьезными повреждениями. Предположительно, по русским самолетам «отработали» ПЗРК, либо «спайдеры», находившиеся поблизости от передовых позиций грузинских войск. Не смотря на противодействие ПВО, штурмовая авиация смогла значительно понизить наступательный порыв грузинских войск и не дать противнику установить полный контроль над столицей Южной Осетии.

Пока штурмовики и боевые вертолеты наносили удары на подступах к Цхинвалу, по целям в глубине грузинской территории наносили бомбардировщики Су-24М. Первоочередной задачей у них была изоляция района боевых действий — недопущение подхода подкреплений со стороны противника. 8–9 августа были нанесены удары по колоннам грузинских войск, базам воинских частей и другим военным объектам. Особыми целями стали авиабазы с аэродромами, радары и авиазаводы Грузии. В ходе авиаударов уже к 11 августа российские ВВС практически полностью уничтожила грузинскую авиацию. По сведениям разных источников на земле потери авиации Грузии составили 25 самолётов и 37 вертолётов, уничтожены все РЛС ПВО.

Но не все шло гладко. При выполнении задачи по подавлению артиллерии противника в районе села Шиндиси (между Гори и Цхинвалом) 9 августа ПВО Грузии удалось сбить фронтовой бомбардировщик Су-24М из состава 929-го Государственного летно-испытательного центра (аэродром Ахтубинск). Он совершал полет в составе трех бомбардировщиков. После первого захода самолет был сбит. Согласно сведений, полученных от польских СМИ, самолет Су-24М был поражен из ПЗРК Grom 2 польского производства.

Еще два российских Су-25 были потеряны опять же в связи с ошибками идентификации своими средствами ПВО. [1]

Военно-транспортная авиация.

В операции приняли участие самолеты Военно-транспортной авиации ВВС Ил-76, Ан-124 «Руслан» и Ан-22. Выполнявшие задачи по перевозке резервов войск, личного состава, военной техники и грузов сухопутных войск. Из-за коротких сроков конфликта, в ходе операции были использованы не все способности ВТА, т. к. одновременно возникла необходимость в воздушных перевозках подразделений в разных направлениях. Интенсивность полета на экипаж составляла 2–3 вылета в день. Вследствие грамотной работы командования, по обеспечению своевременной дозаправки воздушных судов, недочетов в ходе операции почти не было. С помощью ПВО Черноморского флота, осуществлялось прикрытие воздушных судов со стороны моря. А прикрытие самолетов военно-транспортной авиации и действий штурмовой и бомбардировочной авиации путем постановки активных помех осуществлялось самолетом Ан-12ПП. [2]

Тем не менее, имели место некоторые трудности, прежде всего, связанные с организацией. Так, на аэродромах разгрузки, которые имели ограниченные возможности, не было единого координационного центра авиации силовых структур.

Рис. 5. Ан-12ПП (постановщик помех)

В итоге, в воздушном пространстве не всегда отдавалось предпочтение транспортному самолету, выполнявшему боевую задачу. Самолетам МЧС отдавалось предпочтение в выборе времени посадки. И притом, что их разгрузка занимала много времени, а грузы больших размеров зачастую оставляли на стояночных местах самолетов.

По анализу действий различных родов авиации российских Военно-воздушных сил в ходе военного конфликта наиболее результативными были действия дальней, военно-транспортной и фронтовой авиации.

Но даже поверхностный анализ результатов боевого применения российской авиации в ходе пятидневной войны показал, что планирование обеспечения боевых действий оперативными группами авиации и ПВО на Юго-Осетинском и Абхазском направлениях осуществлялись без учета возможностей средств ПВО Грузии и особенностей приме-

нения своих авиационных средств РЭБ по их подавлению. Допускались грубые ошибки при постановке боевых задач, которые привели к большим потерям прикрываемой авиации, избежать которых позволили только грамотные действия командира сводной эскадрильи РЭБ. [2]

Потеря, не менее половины российских самолетов от «дружественного огня», стала неприятным сюрпризом. Это продемонстрировало серьезнейшие проблемы Российских вооруженных сил с координацией и управлением войсками в зоне боевых действий. Результаты

Действия российской военной авиации в ходе пятидневной войны с Грузией бесспорно явились одним из решающих инструментов по принуждению агрессора к миру.

С помощью сил и средств авиации были проведены различные операции по уничтожению сил противника и принятию им необходимых России решений. Но цена, которую ВВС заплатили в ходе конфликта можно считать неприемлемой.

Сравнивая тактику действий Военно-Воздушных Сил России в войне с Грузией и Воздушно-Космических Сил в Сирийской Арабской республике, можно сделать вывод, что командование Российской армии, кардинально изменило тактику ведения боевых действий. Это проявляется в четком взаимодействии видов и родов Вооруженных Сил РФ, участвующих в конфликте. Уроки пятидневной войны в Грузии были учтены...

Литература:

1. Август 2008 года «Война в воздухе» // Военный информационно-новостной портал. URL: <http://armyman.info/stati/19504-avgust-2008-goda-voyna-v-vozduhe.html>
2. Анализ ПВО Грузии и причины боевых потерь российской авиации в ходе войны с Грузией // URL: <http://whitebear.homegate.ru/post/19899>
3. «Деньги на ветер»: Су-34 «переиграл» украинскую «Кольчугу». <http://news-glance.com/52655-dengi-na-veter-su-pereigral-ukrainskuyu-kolchugu-full.html>
4. О военной помощи Грузии со стороны иностранных государств // Зарубежное военное обозрение. — 2008. — № 6. — С. 94–95.
5. Что напугало американский эсминец? // URL: <https://rg.ru/2014/04/30/geb-site>

ПОЛИТОЛОГИЯ

Этнический бизнес, диаспоры и государство: к вопросу о взаимоотношениях в современной России

Гахраманов Сурадж Афган-оглы, аспирант

Нижегородский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В условиях глобализации во многих государствах мира остро стоит вопрос об интеграции диаспор в принимающий социум, а также об отношениях диаспор и государства. До недавнего времени такое положение дел было характерно и для Российской Федерации.

Важным аспектом функционирования любой диаспоры является бизнес, который часто именуется «этническим». Исследование различных аспектов этнического предпринимательства является весьма актуальным, требующим осмысления и обобщения результатов эмпирических исследований, а также новых концептуальных подходов [11, С. 118].

Этнический бизнес весьма важен, причём не в последнюю очередь как механизм адаптации мигрантов. В самом деле, «национальные меньшинства, в особенности мигрировавшие в страну из других государств, существенно ограничены в своих возможностях. Как правило, они плохо или крайне плохо владеют государственным языком принимающей страны, у них могут присутствовать проблемы с регистрацией и гражданством, сказывается и недостаточный уровень образования или отсутствие признания дипломов родных стран в принимающем государстве. Данная совокупность проблем практически перекрывает мигрантам возможность самореализации в таких сферах деятельности как государственная служба, правоохранительная деятельность, работа в бюджетных структурах образования, культуры, здравоохранения» [3, С. 165].

Нельзя также игнорировать, что часть работодателей из числа представителей коренного населения стремится при приёме на работу отдавать предпочтение не мигрантам, а коренным жителям, даже если первые соответствуют требованиям, предъявляемым к искомой должности [3, С. 165; 4, С. 80; 10, С. 31].

В отечественных реалиях основная масса этнических предпринимателей, представлена мигрантами и их потомками. В большинстве своём это переселенцы из бывших советских республик Закавказья и Средней Азии, а также (пока ещё в меньшей степени) мигранты из Китая, Вьет-

нама, Кореи, Афганистана. Специфика внутренней организации этнических бизнес-структур заключается в активном использовании родственных и земляческих связей как одного из инструментов эффективного менеджмента.

Особенно важной эта поддержка была на начальном этапе развития бизнеса. Так, например, согласно данным опросов, респонденты, которые позиционировали отсутствие трудностей при открытии собственного дела, на вопрос в виде проективной ситуации — «*Столкнувшись с материальными трудностями, на чью помощь Вы рассчитываете в первую очередь?*» — отреагировали следующим образом: подавляющее большинство высказались в пользу обращения за помощью либо к родственникам, членам семьи, либо к друзьям и знакомым (66,7 и 33,3% соответственно) [1, С. 152]. Для сравнения — институциональные средства развития бизнеса, к числу которых относятся финансовые учреждения (государственные, коммерческие банки), получили распространение среди 1/3 (третьи) представителей азербайджанской диаспоры (27,8—29,5%). [1, С. 153]. Нам представляется, что азербайджанский опыт скорее характерен и для других диаспор, нежели верно обратное утверждение.

Важно подчеркнуть, что опора на диаспорные связи в ходе создания бизнеса напрямую связана с дефиницией «социальный капитал». Важна такая характеристика, как плотность социального капитала. «Наибольшую известность понятие «социальный капитал» получило в расширительной трактовке Дж. Коулмана, согласно которому это «потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы и социальные нормы»» [7, 107—108]. Во многом в реалиях слабости государственных институтов именно социальный капитал помогает выстраивать институты, устанавливать «правила игры» — особенно «на местах», в глубинке. Весьма значимой характеристикой социального капитала является его плотность. По мнению ряда исследователей, «сетевая плотность — общее количество связей между еди-

ницами сети» [6, 42]. В диаспорах плотность социального капитала весьма высока.

Результатом высокой плотности социального капитала применительно к диаспорам является «доверие, основанное на разделенной этнической идентичности, помогает сформировать «этнические» социальные сети, сокращает возможные временные, экономические и психологические издержки, связанные с недоверием и осторожностью, являющимися сопутствующими факторами поведения любого предпринимателя, находящегося в начальной стадии развития своего дела. При этом излишним становится использование посредников, выступающих гарантами в бизнесе» [2, С. 178]. Нельзя также умолчать и о том обстоятельстве, что и часто в нынешних реалиях «при выяснении, с кем удобнее заниматься бизнесом, предприниматели на первое место поставили всё-таки членов своей диаспоры, а лишь затем проранжировали представителей других национальностей» [5, С. 52].

Кроме того, отметим, что представители этнического бизнеса, создают новые рабочие места, трудоустраивая в основном своих соплеменников, тем самым облегчая во многом их адаптацию. «Предоставляя рабочие места вновь прибывающим соотечественникам, сталкивающимся с повышенными сложностями трудоустройства, этнические предприятия вовлекают в хозяйственный оборот их незадействованный «большой экономикой» трудовой потенциал. Этническая экономика играет важную роль в обеспечении временного пристанища и социокультурной адаптации значительной части приезжих. Подобная первичная интеграция мигрантов облегчает их последующий переход в «большую экономику», расширяет возможности их профессиональной и предпринимательской самореализации и повышает отдачу от них для общества» [12, С. 41].

Как свидетельствует международный опыт, в частности США, подобное развитие событий может говорить о наметившемся в России процессе строительства так называемых вертикальных этнопирамид — создания на этнической основе замкнутых социально-экономических структур,

фактически обеспечивающих своим членам полный жизненный цикл. В определенных условиях (а в США этому способствует предельно либерализованный экономический режим) — при наличии высокой организованности и финансовых средств этнические группы могут создавать такие структуры, в которые входит буквально все: коммерческие корпорации и фирмы любого профиля, адвокатские конторы, собственные телеканалы и печатные издания; родильные дома, детские сады, школы и колледжи, нередко даже частные университеты; больницы, церкви и кладбища [9, С. 156–157]. Впрочем, по нашему мнению, в чистом виде американский опыт создания этнопирамид в России невозможен — хотя бы уже по причине отсутствия этнических кварталов и т. п. Да и уровень включённости недавних мигрантов в российский социум следует признать скорее высоким (хотя и не следует отрицать частые проявления этнокультурной идентичности в повседневной жизни недавних мигрантов [8, С. 31]).

Таким образом, в современной Российской Федерации в одних сферах хозяйства региона диаспоральный бизнес органично вписался в рыночную среду деятельности других давно функционирующих здесь бизнес-структур, в других явился для последних хорошим «раздражителем» в плане конкуренции, а в третьих — выступил даже в роли своеобразного монополиста [5, С. 51].

Закономерный вопрос: как же вести себя государству с диаспорным бизнесом? Ответ, по нашему мнению, может быть только один — вести себя также, как и с другим, недиаспорным бизнесом. Выстраивать партнёрские отношения, дабы в России, как в США, действовала формула «что выгодно Джeneral Моторс, то выгодно Америке». Необходимо также активнее работать с диаспорами как с НКО в рамках программ по созданию рабочих мест, работы по адаптации освободившихся из мест лишения свободы и т. п. Порочная же практика (увы, имевшая порой место) преференций каким-либо бизнес-структурам этнического бизнеса в обмен на неучастие членов диаспор в криминальной или террористической деятельности должна остаться в прошлом.

Литература:

1. Гаджигасанова Н. С. Особенности функционирования этнического предпринимательства в условиях регионального центра (На примере г. Ярославля) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. — 2013. — № 4. — С. 149–153.
2. Кузнецов И., Мукомель В. Формирование этнических ниш в российской экономике // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2007. — № 1. — С. 175–184.
3. Лайша А. В. Предпринимательская активность национальных меньшинств как средство адаптации и выживания в чуждом этнокультурном окружении // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2012. — № 4. — С. 165–168.
4. Лайша А. В. Традиции предпринимательства у различных этнических групп // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2012. — № 3 (17). — С. 77–82.
5. Макарова С. Г., Симонов О. С. Социодиагностика становления и развития диаспорального бизнеса на юге Западной Сибири // Агропродовольственная политика России. — 2016. — № 6 (54). — С. 49–53.
6. Мамсурова З. Т. Основные подходы к измерению социального капитала // Человеческий капитал. — 2013. — № 2 (50). — С. 40–46.

7. Нечипоренко О. В. Проблемы формирования социального капитала как ключевого ресурса адаптации локальных сообществ // Сибирский философский журнал. — 2014. — Т. 12. — № 3. — С. 105–111.
8. Оморова Н. И. Повседневная культура и этническая идентичность центрально-азиатских диаспор Татарстана // Молодой ученый. — 2011. — № 7–2. — С. 30–34.
9. Пальников М. С. Иммигранты и проблемы безопасности: Российская действительность. Обзор // Актуальные проблемы Европы. 2008. № 4. С. 142–185.
10. Пахомова Е. А. Становление российского бизнеса в 1990-е годы: Неинституциональный аспект // Научное мнение. — 2015. — № 5–3. — С. 28–33.
11. Самарина Е. Л. Этническое предпринимательство и проблемы исследования данного феномена в социологии США // Известия Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета ЛЭТИ. — 2012. — № 1. — С. 118–123.
12. Цапенко И. П. Экономические ресурсы этнокультурного разнообразия // Мировая экономика и международные отношения. — 2016. — Т. 60. — № 11. — С. 35–46.

История функционирования PR-служб в системе государственного управления финно-угорских стран

Гурин Дамир Ринатович, магистрант

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

В статье рассматривается проблема роли и значения PR служб в системе государственного управления. Анализируется опыт реализации технологий, обеспечивающих связь с общественностью, на примере развития структуры государственного управления некоторых европейских стран (Эстонии, Финляндии и Венгрии). Делается вывод о существовании трех вариантов функционирования PR в государственном механизме. При этом раскрывается их содержание, оценивается их эффективность в контексте обеспечения реализации принципа транспарентности органов государственной власти — ключевого основания развития правовой, демократической государственности.

Ключевые слова: государственное управление, PR технологии, транспарентность

Ведущим трендом современного общественно-политического развития является формирование и развитие правовой демократической государственности. В настоящее время эта форма государства успешно функционирует во всех развитых зарубежных странах. Действующая Конституция РФ также декларирует построение государственности в соответствии с вышеуказанными принципами. В связи с этим исследование зарубежного опыта представляется чрезвычайно важным в контексте успешной реализации этой задачи.

Правовой и демократический характер государственности предусматривает, в первую очередь, организацию широкого взаимодействия властных структур с институтами гражданского общества. Для реализации данной функции в системе государственного механизма ведущих стран мира существуют специальные структуры. Они носят различные названия, но в целом их можно охарактеризовать как Службы связи с общественностью (PR службы). В нашей стране такие подразделения к настоящему времени созданы и функционируют, как правило, в структуре отдельных органов власти как федерального так и регионального уровней. В качестве примеров можно назвать Управление по связям с общественностью и взаимодействию со СМИ

при Государственной Думе РФ, а также Департамент внешних связей при губернаторе Ярославской области.

Следует еще раз подчеркнуть тот факт, что в целях обеспечения прогрессивного развития данных структур ключевое значение приобретает исследование позитивного опыта зарубежных европейских стран. В связи с этим в центре внимания настоящей статьи находится анализ исторического опыта функционирования PR структур в государственной системе зарубежных стран.

Неудивительно, учитывая характеристики формы государства, что сфера деятельности, целью которой стало установление доверительных отношений между властными структурами и обществом, впервые возникла в Древнем Риме. Стремление учитывать в своей политике общественное мнение характеризовало деятельность римских правителей в особенности в период существования римской республики, когда появился знаменитый афоризм «Глас народа — глас народа», который озаменовал собой ключевой принцип принятия властных решений.

Как известно, именно римский опыт государственного управления был воспринят ведущими европейскими государствами в связи с чем вышеуказанный принцип и получил свою дальнейшую реализацию. Первоначально данное

обстоятельство проявилось в формировании республиканской формы правления в абсолютном большинстве европейских стран, а позднее — в начале 1930-х гг. в использовании связей с общественностью в качестве действенного механизма реализации управленческих решений. [2, с. 17]

Исторический опыт убедительно доказывает, что первые технологии связи с общественностью начали практиковаться в США. При этом методика их использования в значительной степени эволюционировала. Так, если первоначально во время реализации президентом Ф. Рузвельтом своего «нового курса» PR технологии использовались в ограниченном контексте в качестве дополнительного фактора, обеспечивающего реализацию важнейших государственных решений, то впоследствии, в 1970-х гг. при администрации Р. Никсона была создана самостоятельная PR служба, функционирующая как отдельная структура. Тогда же были определены ее основные задачи, а именно:

- осуществление долгосрочного и краткосрочного планирования PR деятельности;
- подготовка различных правительственных сообщений, официальных «пресс-релизов», характеризующих официальную правительственную точку зрения по актуальным общественно-политическим проблемам;
- организация официальных поездок и командировок первых лиц государства и ее медиа-поддержка.

Во главе подразделения, штат которого формировался преимущественно из профессиональных журналистов и филологов, находился пресс-секретарь администрации Президента, отвечающий за подготовку ежедневных брифингов и развитие контактов с представителями ведущих периодических изданий. [1, с. 26]

Таким образом, на этапе своего организационного становления PR службы в структуре государственного механизма США обеспечивали практическую реализацию принципа «открытости» органов государственной власти, сущность которого на том этапе отождествлялась с гласностью. В последствии функционал PR служб в системе государственной власти был в значительной степени расширен.

Данное обстоятельство было обусловлено стремительным развитием постиндустриального общества. Под влиянием его характеристик власть, ее политические структуры и институты претерпели существенную трансформацию, результатом которой стало формирование принципиально новой модели государственного механизма.

Характеризуя сущность данных трансформаций, Т. В. Логвинова справедливо указывает, что «современные Интернет-технологии создают виртуальные пространства и общности, предлагают государству, его партнерам и оппонентам все новые и новые способы и методы взаимодействия. Отправление государственной власти по технологиям on-line и «электронного правительства» постепенно становится приметой нашего времени. Государственные структуры начинают осваивать технологии PR-коммуникаций, политической рекламы и другие современные

методы общения с гражданским обществом, поддержания контактов с партнерами и оппонентами. Использование новых коммуникативных технологий ведет к качественному преобразованию социума на основе принципов гражданского и информационного общества. Все эти изменения обуславливают становление новой формы организации власти в современных обществах — медиакратии, образующей специфические политические отношения общества и правящего класса, создающей новые возможности использования государственной власти». [3, с. 3]

В результате, к началу 2000-х гг. связи с общественностью прошли свою институционализацию в системе государственного механизма всех без исключения развитых стран, в которых реализуется модель правовой, демократической и республиканской формы государства.

В качестве отдельного элемента государственного механизма структуры, обеспечивающие связь с общественностью реализуют «целенаправленное взаимодействие структур государственного аппарата (органов, организаций, учреждений) с гражданами и общественными институтами, которое можно определить как реализуемую ими информационно-коммуникативную функцию публичной власти и управления, позволяющую оценивать отношения различных кругов общественности к тем или иным решениям и действиям, идентифицировать провозглашаемую и реально проводимую политику, соотносить реализуемые программы с общественными интересами, формировать массовые представления по каким-либо проблемам для обретения общественного понимания, поддержки принятия и выполнения соответствующих мер». [1, с. 174]

В контексте совершенствования российского опыта формирования данных структур целесообразно проанализировать варианты институционализации PR структур в системе государственного управления на примере стран «второго эшелона» Европейского союза таких как Эстония, Венгрия и Финляндия. Представляется, что указанные государства, за исключением Финляндии, характеризуют сходные с Российской Федерации процессы трансформации политической системы в целом и государственного механизма в частности, катализатором которых стало разрушение bipolarной геополитической системы в результате завершения «холодной войны».

Финская республика представляет собой относительно молодое государственное образование. Длительное время Финляндия на правах автономии существовала в составе Шведского королевства и Российской империи. В 1917 г. Финляндия обрела политическую независимость, вследствие чего началась эволюция ее республиканской государственности. Особенность Финляндии заключалась в том, что даже в условиях отсутствия государственного суверенитета в стране к началу XX в. уже сформировались государственно-правовые институты, характерные для развитых стран Европы. В этой связи становление в Финляндии суверенной правовой республиканской госу-

дарственности заняло относительно небольшой хронологический промежуток.

После второй мировой войны в Финляндии начинает формироваться новая модель государственного управления, которую можно характеризовать как «государство всеобщего благосостояния». В рамках данной модели реализуется парламентская республика.

Данная форма государства, характерная в настоящее время для всех скандинавских государств в качестве своей основы предполагает устойчивое развитие демократических структур в условиях реализации активной социальной политики, целью которой является обеспечение высокого уровня и качества жизни абсолютного большинства населения. Иными словами, форму финского государства, сформированную в общем и целом к началу XXI в. можно характеризовать как «скандинавский социализм». Сегодня можно констатировать очевидные успехи его развития. Так, по данным «Глобального отчета конкурентоспособности Всемирного экономического форума» в 2016 г. Финляндия по уровню и качеству жизни населения вошла в тройку мирового рейтинга. [5]

В рамках этой социально-политической системы государственные структуры, обеспечивающие устойчивые связи с общественностью, традиционно играют важнейшую роль. Так, уже в 1920-е гг. в Финляндии получили развитие исследования возможностей использования PR технологий в контексте реализации управленческой деятельности. В 1930-е гг. в ряде финских министерств под влиянием американского опыта возникла должность пресс-атташе.

На этапе формирования новой модели финской государственности (начиная со времени окончания Второй мировой войны) все ключевые министерства имели в своем составе подразделения, отвечающие за развитие связей с общественностью.

События начала 1990-х гг., связанные с окончанием «холодной войны» существенным образом повлияли на дальнейшую эволюцию системы государственного управления финской республики. В частности, распад мировой системы социализма спровоцировал социально-экономический кризис в стране, результатом преодоления которого стала оптимизация всей системы государственного управления. В результате ее проведения существенным образом сократилось количество управленческих структур, реализующих властные полномочия на местном уровне, а существующие в их составе PR структуры были выведены из системы управления и институционализировались в системе «государственной инфраструктуры».

Иными словами, в настоящее время окончательно сформировалась важнейшая особенность PR структур в системе финского государственного управления, которая состояла в развитии многочисленных негосударственных организаций, специализирующихся на связях с общественностью, оказывающих необходимую помощь властным структурам в процессе осуществления данной функции. Среди таких организаций следует упомянуть, в первую очередь, создан-

ный в 1937 г. Союз пропаганды. В 1947 г. его приемниками стали Ассоциация специалистов по связям с общественностью, а также Финское общество по связям с общественностью (ProCom). Именно эти структуры в настоящее время осуществляют двустороннюю коммуникацию между властными структурами и институтами финского гражданского общества.

Функционирование PR структур в двух других рассматриваемых государствах — Венгрии и Эстонии в значительной степени отличаются от опыта Финляндии. Данное обстоятельство определяется, в первую очередь, длительным нахождением Эстонии и Венгрии в составе социалистического лагеря, в котором первая из них не имела государственного суверенитета.

После краха советской системы ключевым фактором формирования и использования PR технологий в государственной системе указанных стран стало влияние западных демократий. В отношении Эстонии, которую западное сообщество стало рассматривать, наряду с другими прибалтийскими государствами, в качестве своеобразно «антироссийского щита» оно было реализовано в наибольшей степени.

В результате уже с середины 1990-х гг. в рамках эстонского государственного механизма стала реализовываться концепция «электронного правительства». Ее суть заключается в организации использования современной информации технологий в обоюдовыгодных интересах общества и государства. При этом они не только способствуют эффективному осуществлению государственных функций, но и обеспечивают устойчивую двустороннюю связь институтов гражданского общества и государственных структур, что в свою очередь, придает государственному управлению необходимую «гибкость».

В настоящее время вышеуказанная PR технология успешно реализуется в сфере налогового управления (более 86 процентов эстонских налогоплательщиков предоставляют свои декларации посредством специального информационного сервиса), обсуждения принятия государственных решений (более 80% жителей Эстонии имеют ID-карты и многие из них использовали его для предоставления цифровых подписей или электронного голосования; контроля за реализацией государственной политики (население Эстонии, используя специальный сервис, имеет возможность отслеживать характер бюджетных расходов в режиме реального времени). [6]

В Венгрии ситуация с развитием PR структур в сфере государственного управления находится в зачаточном по сравнению с вышерассмотренными странами состоянии. Несмотря на наличие в структуре всех органов власти подразделений, отвечающих за организацию связей с общественностью, до 2010 г. их деятельность носила во многом формальный характер, вследствие чего система государственного управления в Венгрии обладала минимальной транспарентностью. В указанном году Венгрия стала участником европейской программы «Партнерство открытого правительства», однако в настоящее время вышло из него.

Более того, правительством В. Орбана приняты нормативно-правовые акты, затрудняющие институтам гражданского общества получение исчерпывающей информации об особенностях и результатах деятельности органов власти. [7]

Таким образом, очевидно, что в системе государственного управления венгерской республики PR-технологии практически не реализуются. Данный факт вызывает обоснованные сомнения относительно характеристики формы венгерского государства как правового и демократического.

Завершая рассмотрение особенностей функционирования PR служб в государственном управлении некоторых европейских стран, следует еще раз подчеркнуть, что данные институты представляют собой тренд современного общественно-политического развития, являясь важным критерием характеристики прогрессивности политической системы той или иной страны. Как показывает историческая практика, в настоящее время реализуется три основные модели функционирования PR структур в государственном механизме.

Первая из них предполагает их институционализацию в рамках государственного механизма. В этом случае функции «PR сопровождения» власти возлагаются на профессиональные организации масс-медиа, деятельность которых имеет коммерческий характер (опыт Финляндии). Вторая

модель предполагает активное использование информационных технологий для обеспечения двусторонней коммуникации общества и власти. Причем в этом случае абсолютное большинство граждан имеет возможность влиять на принятие государственных решений и контролировать их реализацию (модель Эстонии).

Третья традиционная модель предполагает развитие PR структур в качестве отдельных элементов организационной структуры отдельных государственных органов. В этом случае государство самостоятельно определяет возможности и направления диалога с институтами гражданского общества. Структура таких элементов государственного механизма, как правило, является типовой и предполагает наличие четырех подразделений: информационно-аналитического отдела; отдела по информационным коммуникациям; отдела по работе с политическими партиями и организациями. По такому пути идет эволюция системы государственного управления республики Венгрия.

Следует заключить, что в независимости от варианта практического воплощения реализация PR технологий в системе государственного управления является следует рассматривать в качестве главного фактора, обеспечения его транспарентности (открытости), что, в свою очередь, является ключевым основанием обеспечения развития правовой и демократической государственности.

Литература:

1. Государственное управление: основы теории и организации / под ред. В. А. Козбаненко. — М.: Статус, 2011. — 379 с.
2. Козлов С. В. Связи с общественностью в органах власти. — Новосибирск: РАНХиГС, 2014. — 198 с.
3. Логвинова Т. В. Связи с общественностью в системе государственного управления // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМ. — С. 1–7.
4. Чебанова Н. С. Связи с общественностью в органах власти. — М.: Спутник+, 2016. — 70 с.
5. Отчет Всемирного экономического форума. Рейтинг глобальной конкурентоспособности. — URL: <http://gtmarket.ru/news/2016/09/28/7304>.
6. https://ec.europa.eu/europeaid/public-administration-reform-estonia_en.
7. http://bbj.hu/politics/hungarian-govt-quits-pro-transparency-organization_125900.

Россия — США: новая страница сотрудничества

Тонких Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор;

Лытнева Надежда Александровна, студент

Воронежский государственный университет

В последние годы российско-американские отношения переживали самый сложный период после окончания Второй мировой войны [1]. Одна из главных причин подобного положения состоит, на наш взгляд, в переоценке Вашингтоном собственных экономических и военно-политических возможностей в связи с формированием новой системы миропорядка [2]. В этой системе Америка

перестает играть роль ключевого, доминирующего актора, как это имело место на протяжении всей послевоенной истории и рубежа XX–XXI веков. Попытки насадить западные ценности во многих регионах мира, особенно на Ближнем и Среднем Востоке, потерпели полный крах. «Во внешней политике, — отмечали американские политологи Дж. Голдгрэйг и М. Макфол, — американцы посто-

янно разрывались между наследием твердолобого реализма и идеалистической верой в миссию Америки способствовать укреплению демократии и свободы личности...» [3].

Первый срок президентства Обамы был отмечен справедливыми тезисами относительно современной ситуации в мире. «В сентябре 2009 года на заседании ГА ООН Обама заявил: «Демократия не может быть навязанной извне любой нации. Каждое общество должно искать свою дорогу к ней. Каждая страна будет следовать к ней путем, который основан на культуре ее народа и коренится в традициях ее прошлого» [4].

На практике, правда, вышло совсем иначе. Американская «демократия», навязывая целым регионам и народам собственное видение мира, собственные ценности, привела к появлению ситуации глобального «неуправляемого хаоса», чреватого многочисленными военными конфликтами, геноцидом, гуманитарными катастрофами и т. п. «Идея содействия продвижению демократии за границу стала доминировать в мышлении неоконсерватизма еще во второй срок президентства Рейгана», — пишет американский исследователь Т. Додж [5].

Другой не менее значительной причиной стала новая роль России в современных международных отношениях, в системе нового миропорядка [6]. Наша страна перестала безоговорочно выполнять указания Белого дома, начала проводить самостоятельную, принципиальную и активную внешнюю политику с учетом национальных интересов. Примерами подобной политики Москвы стали воссоединение с Россией Крыма, последовательный курс по борьбе с международным терроризмом на Ближнем Востоке, введение антизападных санкций в качестве ответа на антироссийскую политику Запада.

В этих условиях администрации президента Б. Обамы вопреки реальным процессам взяла курс на резкое обострение российско-американского сотрудничества, ставя угрозу, якобы исходящую со стороны России, в один ряд с террористической организацией ИГИЛ и лихорадкой Эбола. В октябре 2016 года напряженность в российско-американских отношениях достигла наивысшей точки: Вашингтон объявил о приостановке всех контактов с Москвой по Сирии. В. Путин подписал Указ о выходе России из договора об уничтожении оружейного плутония.

Почему при президенте Обаме произошло усиление напряженности в российско-американском сотрудничестве? Парадокс, что ни при Рейгане, определявшим СССР как «империю зла»; ни при Дж. Буше-старшем, обещавшим не продвигать НАТО на восток, но нарушившим обещание; ни при Клинтоне, начавшим варварскую бомбардировку суверенной Югославии; ни при Буше-младшем, развязавшим войны в Афганистане и в Ираке, отношения наших стран не сводились к серии взаимных обвинений и претензий.

Вашингтон, по всей видимости, именно при Обаме после серии колоссальных внешнеполитических провалов в ряде регионов исчерпал прежние военно-политические

аргументы, позволявшие ему доминировать в мире. Именно при Обаме внешняя политика США, основанная на развязывании вооруженных конфликтов и подготовке «цветных революций» в разных странах, достигла высшего уровня упадка и деградации. Произошло перенапряжение сил даже у такого могущественного государства, как Соединенные Штаты.

Военный бюджет США больше, чем тратит весь остальной мир, вместе взятый. Пентагон содержит свыше 800 военных баз в основном вдоль российских границ, в то время как Россия ликвидировала почти все свои базы за рубежом [7]. Затраты Америки на оборону в 2010 году составили около половины всех мировых расходов [8]. За эти годы военные расходы Пентагона существенно выросли. Только на 2017 год военное ведомство США планирует потратить 583 млрд долл. на финансирование сухопутных войск численностью 460 тыс. человек [9]. Собственные ошибки необходимо свалить на кого-то другого. Пошли по проторенному пути времен холодной войны — во всем виновата Россия!

Справедливости ради отметим, что Москва и Вашингтон искали пути к улучшению взаимного сотрудничества. В 2009 году Россия и США предприняли попытку перезагрузки отношений (reset). Однако попытка оказалась неудачной в связи с отсутствием разработанной идейно-политической и организационной платформы действий с той и с другой стороны.

В последние недели пребывания в Белом доме Барак Обама сделал всё возможное, чтобы осложнить работу Трампа на посту президента США, предприняв ряд недружественных шагов в отношении России. В частности, после в январе 2017 года американские войска высадились в Польше и прибалтийских странах для защиты от мифической «российской угрозы» в дополнение к 34-тысячной армии США в Европе. Без всяких доказательств администрация Обамы обвинила Москву в хакерских атаках на американские сети, якобы обеспечивших победу республиканцев, представив Трампа чуть ли не ставленником Кремля. Подобные подходы и заявления отнюдь не способствуют нормализации российско-американских отношений и затрудняют конструктивное решение проблемы для новой американской администрации.

Победа на президентских выборах 8 ноября 2016 года Дональда Трампа [10] оказалась неожиданной для всех — для политиков, экспертов, СМИ, которые однозначно предсказывали уверенную победу Хиллари Клинтон. В победе Трампа значительную роль сыграли протестные настроения рядовых американских избирателей, уставших от засилья коррумпированных кланов, а также от непредсказуемости и агрессивности государственного курса администрации Б. Обамы.

Избрание президентом США Д. Трампа в России породило определенное позитивное ощущение возможности налаживания конструктивного сотрудничества между Москвой и Вашингтоном, исходя из ряда предвыборных

выступлений кандидата в президенты и его первых шагов на посту президента. Вполне понятно, что многие заявления американских политиков, особенно предвыборных, носят часто лозунгово-популистский и не обязательный характер, зависят от конкретной политической ситуации и часто не совпадают с реальным политическим курсом Вашингтона [11].

Однако целый ряд заявлений Д. Трампа после вступления в должность вполне отчетливо приняли форму посылки России. Это, в частности, касалось возможности признания Вашингтоном Крыма в составе России, разрешения ситуации на востоке Украины, сокращения расходов Америки в рамках НАТО, более тщательное регулирование торговых отношений США с Евросоюзом, азиатскими странами. Весьма импонируют Москве и позиции ряда близких Трампу политиков, которые выступают за снятие экономических санкций против России. Подобные оценки вызвали нервную реакцию и в Брюсселе, и в Киеве. Эта позиция нового американского руководства в отношении санкций созвучна подходам ряда европейских стран — Италии, Венгрии, Греции, Словакии, Кипра. Да и в других странах Европы возможны значительные перемены. Как поведет себя будущий президент Франции, где в апреле 2017 года пройдут президентские выборы. Что будет с Германией, где выборы в Бундестаг состоятся в сентябре 2017 года, а в последнее время резко снизился рейтинг А. Меркель?

Особое значение для России и США имеют высказывания Трампа о необходимости совместной с Россией борьбы против международного терроризма в лице ИГИЛ и полного уничтожения этой организации. Эти заявления тем более актуальны, так как прежняя вашингтонская администрация и ее союзники — всего около 60 стран, в течение нескольких лет безрезультатно ведут борьбу против ИГИЛ и других радикальных террористических группировок на Ближнем и Среднем Востоке. Очевидно, ведут борьбу так, чтобы в конечном счете не одержать победы.

В своем 17-минутном инаугурационном обращении 20 января 2017 года новый глава Белого дома не упомянул Россию. О внешней политике он сказал совсем немного: «Мы никому не хотим насаждать свой образ жизни... Мы будем искать дружбу и хорошие отношения с другими странами, при этом понимая, что у них есть право ставить собственные интересы превыше всего». Трамп обещал «усилить старых союзников и найти новых», объединить цивилизованный мир и стереть с лица земли радикальный исламский терроризм [12].

Не стоит, однако, обольщаться. В политической истории Америки начальные шаги новой администрации не всегда совпадают с реальным политическим курсом нового главы государства. Вряд ли следует ожидать какого-то коренного и быстрого изменения американской политики. Тем более, что вновь избранный президент не имеет опыта политической деятельности и будет целиком зависеть от многочисленных консультантов, советников и помощников, от влияния СМИ, общественных настроений и т. п.

Тем не менее, прежний антироссийский, милитаристский внешнеполитический курс Вашингтона, направленный на разжигание военных конфликтов под прикрытием лозунгов демократии и борьбы за права человека, не отвечал реалиям, противоречил интересам абсолютного большинства населения планеты.

Победа Д. Трампа с его стратегическим обещанием сделать Америку великой свидетельствует о возрождении новой консервативной волны, о консервативном ренессансе в США по примеру неоконсерватизма Р. Рейгана 1980-х годов. В предвыборной программе Трампа обещания снизить налоги, сократить бюрократический аппарат, преобразовать американскую экономику по образцу рейганомии. Одним из первых указов на посту президента Трамп стал указ о выходе Соединенных Штатов из программы Транстихоокеанского партнерства, которое объединяет 12 стран с 40 % общего объема мировой экономики и 20 % мировой торговли [13].

Консерватизм в политике одерживает пока не очень значительные, но ощутимые в сравнении с недавним прошлым победы и в Европе (Франция, Англия, Австрия, Германия). Победа Трампа, на наш взгляд, усилит эти тенденции.

Новый американский президент располагает рядом политических и административных преимуществ: имеет большинство в обеих палатах Конгресса, его решительные заявления о борьбе с международным терроризмом и ограничении въезда в США представителей ряда мусульманских государств для обеспечения национальной безопасности Америки импонируют большинству рядовых американцев, отдавших свои голоса за Трампа.

Вместе с тем, есть и ряд негативных моментов: прежде всего, отсутствие политического опыта у президента и многих членов его команды, противодействие истеблишмента в различных кругах демократов и даже республиканцев в разных ветвях государственной власти. Новой администрации Белого дома досталось не простое наследство от предшественников, копившиеся годами противоречия.

Но Трамп в прошлом — не политик, а крупный и успешный бизнесмен, он не привык отступать перед сложными проблемами, среди которых внешняя политика занимает одно из главных мест. Опыт приходит со временем по мере решения назревших проблем. А их у Вашингтона достаточно количество.

Отношения между Россией и США настоятельно нуждаются в кардинальном пересмотре, требуют возобновления содержательного, конструктивного диалога по актуальным проблемам современных международных и двусторонних отношений. Перед лидерами обоих государств стоит задача не допустить возврата к новой холодной войне. На наших странах по-прежнему лежит основная ответственность за происходящее в современном мире. «Соединенные Штаты, — писала госсекретарь К. Райс, — должны признать, что Россия является великой державой и у нас всегда будут конфликтующие, так же как и совпадающие интересы» [14].

По сравнению с американо-китайскими отношениями контакты России и США в экономической и гуманитарной сферах крайне недостаточны, слабы, если учитывать масштабы экономик и численность населения обеих стран. Как итог, отсутствует объединяющие объективные условия, которые могли бы способствовать укреплению и развитию сотрудничества. Отношения между нашими государствами зависят исключительно от политического фактора, что недостаточно для выхода их на новый уровень.

Видный государственный деятель США Генри Киссинджер сделал важное заявление о роли России в мировой истории: «...В критические моменты именно Россия сохранила и равновесие в мире, разбивая силы, которые стремились его разрушить. Она защитила мир

от монголов, от Швеции в XVIII веке, от Наполеона в XIX веке и от Гитлера в XX веке. И сегодня Россия имеет важное значение в преодолении радикального ислама. Россия — это уникальное и сложное общество. Вопрос России должен решаться так, чтобы она сохранила свое историческое достоинство» [15]. Лучше, пожалуй, не скажешь.

В интервью австрийскому журналу «Profil» министр иностранных дел России С. Лавров сказал: «В Москве внимательно следят за высказываниями Трампа. Заявленная им позиция о необходимости нормального диалога между нашими странами внушает определенную надежду. Мы готовы пройти свою часть пути для оздоровления этих отношений...» [16].

Литература:

1. Согрин В.В. Внешняя политика США в начале XXI века. Диагноз и рецепты / В.В. Согрин // США*Канада: экономика, политика, культура. — 2016. — № 5. — С. 53–63.
2. Левицкий А.Б. Россия — США: время трудных решений / А.Б. Левицкий, В.А. Тонких // Теория и практика инновационных технологий в АПК: Материалы научной конференции ВГАУ, 14–17 марта 2016 г. — Воронеж: ВГАУ, 2016. — С. 53–63.
3. Цит. по: Голдгрэйг Дж. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны»: пер. с англ. / Дж. Голдгрэйг, М. Макфол. — М.: Международные отношения, 2009. — С. 17.
4. Цит. по: Самуйлов С.М. Россия и администрации Б. Обамы: Центры формирования и концептуальные основы внешней политики США в отношении России / С.М. Самуйлов // Свободная мысль. — 2010. — № 11. — С. 78.
5. Dodge T. The ideological roots of failure: the application of kinetic neo-liberalism to Iraq / T. Dodge // International Affairs. — Vol. 86. — N6. — November 2010. — P. 1274.
6. Тонких В.А. Россия в глобальном мире / В.А. Тонких, О.Е. Фарберова. — Воронеж: Научная книга, 2016.
7. Фалин В. Если молча поднять лапки, Вашингтон низведет Россию до индейской резервации / В. Фалин // Комсомольская правда. — 2015. — 14 января.
8. Dunne T. America after Iraq / T. Dunne and K. Mulaj // International Affairs. — Vol. 86. — № 6. — November 2010. — P. 1289.
9. Вяткин Я. О новой военной политике Трампа / Я. Вяткин // Аргументы недели. — 2016. — № 46.
10. В переводе с английского Trump означает — «kozyрь» или «славный малый». У нового президента США — говорящая фамилия.
11. Попов А.А. Кандидаты в президенты США накануне выборов / А.А. Попов // США*Канада: экономика, политика, культура. — 2016. — № 10. — С. 3–25.
12. Цит. по: Панов А. Весь Трамп — народу / А. Панов // Новая газета. — 2017. — № 8.
13. Панов А. У Трампа свой глобус / А. Панов // Новая газета. — 2017. — № 8.
14. Rice C. Promoting the National Interests / C. Rice // Foreign Affairs. — Vol. 79. — January-February 2000. — P. 57.
15. Киссинджер Г. Чтобы понять Россию, надо читать Достоевского, а не Mein Kampf / Г. Киссинджер // Комсомольская правда. — 2016. — 15 ноября.
16. Лавров С. Мы готовы к диалогу с США / С. Лавров // Комсомольская правда. — 2017. — 7 февраля.

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал
Выходит еженедельно

№ 7 (141) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.

Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Курпаяниди К. И. (Узбекистан)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В., Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 01.03.2017. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25